

T. 16 • № 2 • 2022

THE WORLD OF NEW ECONOMY

ISSN 2220-6469 (Print)
ISSN 2220-7872 (Online)

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-82263
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 16 • No. 2 • 2022

WORLD OF NEW ECONOMY

JOURNAL OF SCIENTIFIC HYPOTHESES AND SUCCESSFUL BUSINESS DECISIONS

DOI: 10.26794/2220-6469

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

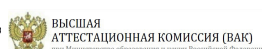

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто (Италия);
Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);
Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи эндмаркетинг консалтенс» (Германия);
Хан С., д-р, профессор, руководитель департамента экономики Блумсбургского университета (США);
Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;
Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., генеральный директор Института экономических стратегий (ИНЭС), проф. МГИМО;
Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;
Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН;
Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;
Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;
Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;
Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., Заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;
Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;
Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН;
Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. департамента экономической теории Финансового университета;
Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;
Звонова Е.А., д-р экон. наук, проф., руководитель департамента мировых финансов Финансового университета;
Куприянова Л.М., канд. экон. наук, доцент департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;
Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе департамента мировых финансов Финансового университета;
Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф. департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета;
Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Research Supervisor of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES), Professor MGIMO;

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., Ph D. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Mirkin Ya.M., Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-Chief, Ph.D. of Economics, Leading Researcher of the Russian Academy of Sciences (RAS);

Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Business Analytics, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ /
THE WORLD OF NEW
ECONOMY.
Свидетельство
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: Финансовый
университет

Т. 16, № 2/2022

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Переводчики
В.И. Тимонина, З. Межва

Референс-менеджер
В.М. Алексеев

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Оформление подписки
в редакции
8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: +7(499) 553-10-74
(вн. 10-88).
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
24.05.2022
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 407
Усл. печ. л. 12,79
Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Мухаметов Д.Р.

**Цифровое государство как экспоненциальная организация:
новые технологии коммуникации 6**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Исаев В.А., Филоник А.О.

**Энергетика арабских стран в свете вызовов
зеленой экономики..... 19**

Якунин В.И., Русакова Т.Ю.

**Экологическая государственная политика России
и стран Латинской Америки (на примере Эквадора,
Мексики, Бразилии) 30**

Филина А.Д., Третьякова Г.В.

**Эволюция экономических отношений США и Канады:
взаимозависимость двух экономик..... 43**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Зарипов И.А.

**Цифровой банкинг: смена парадигмы
современных финансов..... 51**

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Вертоградов В.А., Щелокова С.В.

**Стратегии премиальных автомобильных брендов
в России и действия регулятора (2009–2021 гг.) 64**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Астапкович М.

Качество воздуха как приоритет для новой экономики 76

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Смирнов В.Д.

**Изменение модели обслуживания банками
корпоративных клиентов 89**

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Николишвили Д.З.

**Меры государственной поддержки авиационной
индустрии и влияние пандемии коронавируса
на мировой рынок авиаперевозок 103**

THE ECONOMY OF THE XXI CENCURY*Mukhametov D.R.***Digital Government as Exponential Organization:****New Technologies of Communication .....6****WORLD ECONOMY***Isaev V.A., Filonik A.O.***Energetics of Arab Countries in the Light of the Green****Economy Challenges ..... 19***Yakunin V.I., Rusakova T. Yu.***Ecological Public Policy of Russia and Latin America****(On the Example of Ecuador, Mexico, Brazil) ..... 30***A.D. Filina, G.V. Tretyakova***The Evolution of Economic Relations Between the USA****and Canada: The Interdependence of the Two Economies ..... 43****ECONOMIC THEORY***I.A. Zaripov***Digital Banking: Modern Finance Paradigm Shifting..... 51****FINANCIAL ANALYTICS***Vertogradov V.A., Shchelokova S.V.***Premium Car Brands Strategies and Regulator's Actions****in Russia (2009–2021) ..... 64****EXPERT REPORT***Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Astapkovich M.***Air Quality as a Priority Issue for the New Economy ..... 76****ECONOMIC POLICY***Smirnov V.D.***Changing the Banking Model of Service for Corporate Clients.... 89****REAL SECTOR***Nikolishvili D.Z.***Measures of State Support for the Aviation Industry****and the Impact of the Coronavirus Pandemic on the Global****Air Transportation Market ..... 103**© WORLD OF NEW
ECONOMYJournal Certificate
PI No. ФС77-82263.
of 23, November, 2021.
Issued since 2007.
Founders: Financial
University

Vol. 16, No. 2/2022

Founder and editor
of the magazine from 2007
to 2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumayay*Editor-in-chief*
S.N. Silvestrov*Science journal editorship
manager*
V.A. Shadrin*Publishing editor*
Yu.M. Anyutina*Translators:*
V. I. Timonina, Z. Mierzwa*Reference Manager*
V.M. Alekseev*Proofreader*
S.F. Mihaylova*Makeup*
S.M. Vetrov Editorial office address:
123995, GSP-5, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: +7(499) 553-10-74
(internal 10-88).
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ruSigned off to printing:
24.05.2022
Format 60 × 84 1/8
Order № 407
Relative printer's sheet 12,79
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Leningradskiy prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-6-18
УДК 338.2+321(045)
JEL H10, O14, O35

Цифровое государство как экспоненциальная организация: новые технологии коммуникации*

Д. Р. Мухаметов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется экспоненциальная трансформация цифрового государства. Экспоненциальные организации являются распространенной моделью управления и характеризуются использованием информатизированной среды, сторонних ресурсов и цифровых платформ для масштабирования процессов и создания новых рынков. Цифровое государство определяется как комплекс институтов структурирования социальных отношений и конфликтов в сетевой среде. Сопряжение моделей экспоненциальной организации и цифрового государства реализовано через фокус на технологиях коммуникации, позволяющих обмениваться и интегрировать окружающие знания в систему управления. В статье предложена типология технологий коммуникации цифрового государства с внешними и внутренними сообществами в зависимости от типа среды (внутренняя/внешняя) и опций доступа (инклюзивные/эксклюзивные). В рамках типологии систематизированы основные технологии коммуникации и их возможности для решения разных задач управления, включая вовлечение новых агентов в поле государственной политики, организацию доступа к институтам, создание/извлечение стоимости, сокращения издержек на обмен информацией между структурами управления. Технологии коммуникации позволяют государству перейти к политике выявления и взаимодействия с разнообразием среды. Эффекты внедрения данных технологий оцениваются на примере Эстонии. В заключении формулируются выводы о возможности рассмотрения цифрового государства как экспоненциальной организации с точки зрения информационной связанности системы, однако сложно делать однозначные выводы о взрывном росте результатов создания/извлечения стоимости ввиду функционирования государства как неравновесной адаптивной системы.

Ключевые слова: цифровое государство; экспоненциальная организация; технологии коммуникации; государственные услуги; электронная резиденция; смарт-карты; электронное голосование

Для цитирования: Мухаметов Д. Р. Цифровое государство как экспоненциальная организация: новые технологии коммуникации. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):6-18. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-6-18

ORIGINAL PAPER

Digital Government as Exponential Organization: New Technologies of Communication**

D.R. Mukhametov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article explores the exponential transformation of the digital government. Exponential organizations are the common model of management that characterized by the use of the informatized environment, third-party resources and digital platforms to scale processes and create new markets. The digital government is a complex of institutions for structuring social relations and conflicts in a network environment. The coupling of exponential organization and digital government models is realized through the focus on technologies of communication that allow the exchange and integration of surrounding knowledge into the system of management. The article presents the typology of technologies of communication with external and internal communities depending on the type of environment (internal/external)

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

and options of access (inclusive/exclusive). The typology systematizes technologies of communication and demonstrates its capabilities for solving various tasks, including involving new agents in the field of public policy, organizing access to institutions, creating/extracting value, reducing the cost of information exchange between management structures. Technologies of communication allow the government to move to the policy of identifying and interacting with the diversity of the environment. The effects of the introduction of these technologies are evaluated on the example of Estonia. In conclusion, it is possible to consider the digital government as the exponential organization due to the information connectivity of the system, but it is difficult to unambiguously conclude the explosive growth of the value creation/extraction due to the functioning of the state as a non-equilibrium adaptive system.

Keywords: digital government; exponential organization; communication technologies; public services; e-residency; smart-cards; e-voting

For citation: Mukhametov D.R. Digital government as exponential organization: New technologies of communication. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):6-18. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-6-18

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Среди последних технологических достижений внимание акцентируется на самоинтегрирующихся системах, цифровых агентах, физических нейронных сетях, облачных платформах, центрах управления инцидентами в реальном времени (<https://www.gartner.com/smarterwithgartner/3-themes-surface-in-the-2021-hype-cycle-for-emerging-technologies>). В этом контексте становятся актуальными организационные новации, позволяющие использовать новые технологии для информационной интеграции систем управления и взаимодействия с разнообразием окружающей среды.

Одной из наиболее распространенных моделей являются экспоненциальные организации, способные значительно повышать производительность за счет доступа к собственным и сторонним (внешним) информационным ресурсам. Цифровая среда благоприятствует возникновению и развитию экспоненциальных организаций, поскольку предлагает новые инструменты анализа и моделирования развития организации и расширяет спектр возможных сторонних ресурсов в виде больших данных, вовлечения сообществ, интеграции с другими платформами. Внедрение платформенных и облачных решений также позволяет нивелировать промежуточные уровни управления организацией, дополнительно снижая транзакционные издержки.

Экспоненциальные организации становятся общей моделью, распространение которой возможно также на структуры цифрового государства. С этой точки зрения цифровое государство рассматривается как платформа, в систему которой включены интегрированные информационные системы и технологии омниканальной связи, что снижает издержки на их эксплуатацию и открывает возможности для предоставления персонализиро-

ванных и проактивных государственных услуг. С учетом структурных характеристик государства как сложного института внедрение технологий экспоненциальных организаций предоставляет государству дополнительные инструменты управления транзакциями, формирования институтов, создания и извлечения стоимости, стимулирования гражданских инноваций и повышения эффективности госсектора — таким образом, последствия экспоненциальной трансформации могут быть более масштабными, чем создание «незаметного государства», «клиентоориентированного государства», «государства как услуги».

Сопряжение моделей цифрового государства и экспоненциальной организации проблематизирует несколько вопросов:

1) насколько возможен прямой перенос характеристик экспоненциальных организаций на уровень цифрового государства;

2) какой комплекс технологий цифрового государства формируется в соответствии с экспоненциальной трансформацией и на решение каких задач они направлены;

3) какие политические и социально-экономические эффекты имеет внедрение данного комплекса технологий на примерах конкретных эмпирических кейсов.

В данной работе последовательно рассматриваются перечисленные вопросы.

ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕХНОЛОГИИ ВКЛЮЧЕНИЯ СТОРОННИХ РЕСУРСОВ В РАБОТУ ОРГАНИЗАЦИИ

Центральную роль для экспоненциальных организаций играет информатизированная среда, концентрирующая разнообразные источники и потоки данных. Преимущества экспоненциальных ор-

Таблица 1 / Table 1

Технологии экспоненциальных организаций / Technologies of exponential organizations

Технологии сохранения стабильности и контроля за организацией	Технологии роста и работы с неопределенностью
<ul style="list-style-type: none"> • Интерфейсы • Дашборды • Экспериментирование • Автономность структурных подразделений • Социальные технологии 	<ul style="list-style-type: none"> • Персонал по требованию • Внутреннее и внешнее сообщество • Использование алгоритмов • Использование сторонних активов и ресурсов • Вовлечение стейкхолдеров

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ганизаций заключаются в способности генерировать и абсорбировать данные потоки, фокусируясь на качестве работы с информацией и отказываясь от модели бюрократических машин в пользу гибких сетевых/платформенных структур.

Непрерывный рост данных позволяет экспоненциальным организациям постоянно масштабировать процессы (что отражает экспоненциальная функция, используемая в качестве метафоры [1]). К примерам подобных организаций относятся компании Airbnb, Quirky, Valve, Tangerine и др. Данные компании объединяют рост рыночной капитализации в расчете на сотрудника и более быстрый цикл разработки продукта, что дает возможность отнести их к категории экспоненциальных организаций [2]. Кроме того, эти компании создают новые рынки, поэтому экспоненциальный рост зачастую обеспечивается «эффектом первопроходца» и ранним входом на рынок до начала процесса его насыщения. Поддержка роста и ускоренного цикла разработки продуктов требует внедрения в деятельность компании определенных технологий, которые можно разделить на две группы (табл. 1).

Особенности экспоненциальных организаций можно проиллюстрировать на примере компании Quirky, прошедшей путь от стартапа до одного из лидеров рынка «умных» домов [3]. Через цифровую платформу компания собирает идеи потребителей о необходимости разных технологий для автоматизации и повышения удобства быта, после чего эксперты оценивают их перспективы превращения в реальный продукт. Если на базе идеи был создан продукт, то имя предложившего указывается на упаковке и он получает свою часть от каждой продажи предложенной технологии. Кроме того, для маркетинга своей продукции Quirky заключила соглашение с Uber, по которому пользователи могут покупать продукцию Quirky через приложение Uber, и продукция будет привезена клиенту без необхо-

димости оплаты доставки. Как экспоненциальная организация Quirky использует идеи сообщества, пул экспертов и технологические ресурсы других компаний для сокращения издержек на разработку и маркетинг продукции, активно внедряя интерфейсы и электронные сервисы в процессы управления для отслеживания процессов в реальном времени. Анализ других компаний, характеризующихся экспоненциальным ростом на новых рынках, демонстрирует схожесть используемых технологий [4–7]. Дополнительно подчеркиваются дематериализация процесса создания стоимости и демократизация доступа пользователей/клиентов к корпоративным сервисам [8], которые позволяют экспоненциальными организациями отказываться от громоздких структур управления.

Таким образом, экспоненциальная организация как общая модель управления для организаций разного масштаба охватывает два измерения: агрегирование и анализ данных с помощью алгоритмов и онлайн-инструментов, а также вовлечение различных внутренних и внешних сообществ, ресурсов, сервисов. Информационная открытость и связанность позволяют экспоненциальным организациям использовать разнообразные сторонние ресурсы, прогнозировать траектории изменения рынков и создавать сложные продукты/услуги на новых рынках, поддерживая непрерывный рост.

Экспоненциальные организации рассматриваются как модель управления, доступная для адаптации организациями разного масштаба. Однако следует учитывать, что экспоненциальная трансформация требует сопряжения принципов экспоненциальных организаций со сложившимися структурными характеристиками самой трансформирующейся организации. Данное сопряжение зачастую предполагает пересмотр и адаптацию технологий экспоненциальных организаций для решения собственных задач, вследствие чего результаты экспоненциаль-

ной трансформации индивидуальны для разных типов организаций. Цифровое государство может рассматриваться как отдельный тип организации, при этом ввиду многоаспектности государства как сложной системы институтов, его экспоненциальная трансформация сопряжена с повышением информационной открытости и связанности не только аппарата управления, но и инфраструктуры для граждан и бизнеса. Как следствие, экспоненциальная трансформация цифрового государства требует предварительного определения линии сопряжения данных типов организаций.

СОПРЯЖЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Перенос технологий экспоненциальных организаций на уровень цифрового государства возможен при предварительном выделении особенностей государства как системы взаимосвязанных институтов. Множественность структурных характеристик государства определяет разнообразие аналитических оптик и способов их описания. В отечественной и зарубежной литературе цифровое государство зачастую рассматривается в контексте сохранения демократических институтов и процедур в новой технологической среде [9–11], что обусловлено неопределенностью последствий внедрения цифровых инструментов управления и необходимостью конкретизации их возможностей. Однако для задач данного исследования актуально рассмотрение цифрового государства в более широкой теоретической перспективе с учетом структурных характеристик государства как комплекса институтов. Несмотря на появление некоторых работ, посвященных переосмыслению теории государства в цифровой среде [12, 13], остается востребованным предложение теоретической оптики для объяснения логики действий цифрового государства и способа прикладной систематизации технологий цифрового государства.

Для определения линии сопряжения моделей цифрового государства и экспоненциальной организации представляется перспективным сочетание политэкономического [14–17] и критического [18–20] подходов к изучению государства с акцентом на новых практиках и стратегиях, характерных для цифрового государства. Государство представляется консолидированным агентом управления, в задачи которого входят: создание системы репрезентации пространства управления, экспертизы знаний,

принятия решений и управления социальными конфликтами, а также формирование институтов/структур для легитимизации и защиты прав собственности, создания и извлечения стоимости, распределения рисков и вознаграждений от инвестиций в госсектор. Различные результаты цифрового государства — электронные госуслуги, сервисы и платформы — образуют сетевую инфраструктуру и являются проводниками для решения данных задач в условиях новой технологической реальности.

В отличие от корпораций, государство не рассматривает инфраструктуру, сервисы, производство, сообщества как сторонние ресурсы. Данные ресурсы изначально включены в поле государственной политики как объекты управления, и государство несет большие в сравнении с корпорациями издержки на создание стоимости, формирование институтов и управление возникающими социальными конфликтами. Если экспоненциальные организации фокусируются на сторонних ресурсах как способе создания/выхода на новые рынки для взрывного роста и масштабирования, то для цифрового государства актуальны новые технологии взаимодействия с существующими и появляющимися объектами управления, их включение в поле государственного интереса через наделение соответствующим институциональным статусом. Сходство моделей цифрового государства и экспоненциальных организаций связано с политикой вовлечения и координации, поэтому сопряжение данных моделей зависит от выделения механизма, с помощью которого доступна реализация подобной политики.

Рассмотрение цифрового государства как экспоненциальной организации возможно с точки зрения внедрения государством новых технологий коммуникации с внутренними и внешними сообществами. При этом коммуникация понимается как взаимодействие, обмен и интеграция знаний в систему репрезентации государством пространства управления для создания информационной связанности. Коммуникации охватывают основные операции государства в области исследования цифровых данных и конструирования на их основе объектов управления в рамках заданной теоретической оптики. Результатами такой коммуникации становятся государственные реестры и сервисы, информационные системы, платформы обмена данными, аккумулирующие информацию и представляющие виртуальное поле управления. Поэтому коммуникации становятся способом сопряжения

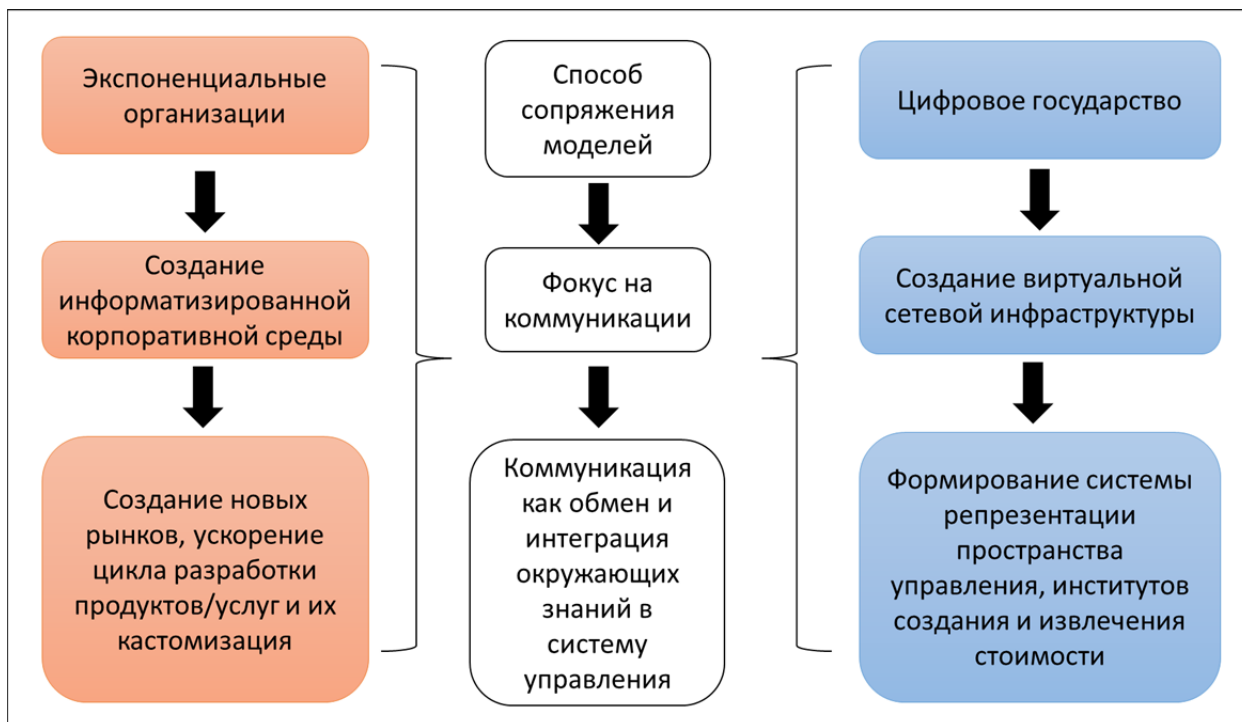

Рис. 1 / Fig. 1. Сопряжение моделей экспоненциальной организации и цифрового государства / Coupling models of exponential organization and digital government

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

моделей цифрового государства и экспоненциальной организации (рис. 1): если для экспоненциальной организации коммуникация — способ привлечения сторонних ресурсов для ускорения разработки продуктов и создания новых рынков, то для цифрового государства коммуникация — инструмент объединения разных информационных полей управления в одну виртуальную среду для реализации описанных выше задач, связанных с институциональным регулированием и управлением социальными конфликтами. Фокус на коммуникациях позволяет критически оценивать всеобщность модели экспоненциальной организации, поскольку разнообразие коммуникаций в каждом отдельном кейсе дает возможность анализировать распределение государством рисков и преимуществ от технологической трансформации.

КОММУНИКАЦИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА С ВНЕШНИМИ И ВНУТРЕННИМИ СООБЩЕСТВАМИ: ТИПОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Цифровое государство зачастую описывается через направления предоставления госуслуг и включает три измерения: «государство-государству»

(Government-to-Government, G2G), «государство-бизнесу» (Government-to-Business, G2B), «государство-гражданам» (Government-to-Citizen, G2C). Данные направления не являются однородными, и в каждом измерении существуют разные группы — потребители государственных услуг, поэтому можно говорить о коммуникации цифрового государства с различными внешними и внутренними сообществами, которые объединены общими запросами и требованиями к государству. Коммуникация с данными сообществами обозначает получение цифровым государством данных для разработки политики предоставления доступа к государственным институтам и услугам, а также вовлечения в процессы принятия решений.

Для типологизации технологий коммуникации цифрового государства с внешними и внутренними сообществами предлагается использовать такие параметры, как тип среды и опции доступа. Тип среды (внешняя/внутренняя) указывает, находится ли сообщество изначально в пределах или вне территориальных границ государства: в условиях создания виртуальных экосистем государство способно коммуницировать и с гражданами, и с агентами, формально не имеющими гражданства данного государства, однако их статус и доступ

Таблица 2 / Table 2

Технологии коммуникации цифрового государства с внешними и внутренними сообществами /
Technologies of communication of digital government with external and internal communities

Опции доступа \ Тип среды	Внутренняя	Внешняя
Эксклюзивные	<ul style="list-style-type: none"> Идентификационные смарт-карты (ID-cards) Электронные карты в сфере образования, здравоохранения, налогового администрирования и др. Посольство данных (data embassy) 	<ul style="list-style-type: none"> Электронная резиденция (e-residency) Цифровое гражданство (digital citizenship)
Инклюзивные	<ul style="list-style-type: none"> Открытые данные (open data) Платформа межведомственного обмена данными (X-Road) Маркетплейсы данных (data marketplaces) и другие форматы коллективного управления данными 	<ul style="list-style-type: none"> Открытые данные (open data) Маркетплейсы данных (data marketplaces) и другие форматы коллективного управления данными Платформы вовлечения граждан (citizen engagement platforms)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

к государственным онлайн-ресурсам отличаются. В этом отношении исследовавшийся ранее феномен цифрового гражданства [21, 22] получает формализованный статус, на который претендуют в том числе представители других стран. Опции доступа (эксклюзивные/инклюзивные) отражают направление политики вовлечения через сбор и анализ данных: эксклюзивные технологии коммуникации взаимодействуют персонально и привязаны к участнику процесса, инклюзивные предполагают коллективное управление, обмен информацией и участие разных сторон. Таким образом, типология позволяет идентифицировать следующие технологии коммуникации с внешними и внутренними сообществами (табл. 2).

Данные технологии не являются простой заменой аналоговых документов на электронные сервисы и имеют более значимые эффекты для представления государством поля управления. Во-первых, они объединяют значительно число доступных для граждан и организаций онлайн-активностей, сокращая издержки на доступ к институтам и процессу принятия решений. Во-вторых, они отражают локальный опыт пользователей, что позволяет корректировать систему планирования и распределения ресурсов в соответствии с реальными практиками граждан. В-третьих, на примере данных технологий коммуникаций можно наблюдать встраивание государственных институтов в виртуальную среду, что расширяет пространство и число агентов управления. Однако каждая из ука-

занных в таблице технологий по-разному реализует данные преимущества.

- **Идентификационные смарт-карты** рассматриваются как базовая технология коммуникации цифрового государства с внутренними сообществами, прежде всего, гражданами. В большинстве случаев смарт-карты содержат функцию подтверждения личности и возможность использовать государственные услуги, однако дополнительно открывают доступ к политическим институтам, включая голосование на выборах, платформы вовлечения граждан и общественного участия. Спектр функций, привязанных к смарт-карте, варьируется между странами, однако многофункциональность позволяет снизить издержки граждан на доступ к институтам и нивелировать промежуточные уровни управления, сократив дистанцию между государством и населением.

- **Посольство данных** — это серверы, поддерживающие критическую инфраструктуру страны и находящиеся под ее юрисдикцией, однако территориально расположенные в другой стране. Посольство данных объединяет основные реестры данных с персональными и ведомственными данными и создается на случай невозможности управления страной на ее собственной территории в результате информационных атак, стихийных бедствий или военного вторжения [23]. Посольство данных имеет эксклюзивный характер, поскольку содержит данные, привязанные к конкретным административным органам

(суд, налоговая служба и др.) и не предполагает коллективного управления и обмена данными со сторонними агентами. В настоящий момент количество данных имеет ограниченное число стран (Эстония и Бахрейн), что обусловлено рисками сохранения данных.

- **Электронная резиденция** является новой, во многом экспериментальной технологией регистрации и работы бизнеса в другой стране. С технической точки зрения электронная резиденция — специальная смарт-карта, подтверждающая право зарубежных организаций на регистрацию компании, получение банковских услуг и обязанности по выплате налогов в данной стране без необходимости получения гражданства или вида на жительство. Электронная резиденция благоприятствует привлечению зарубежного бизнеса в формирующиеся рынки, а также трансферу знаний и инноваций: среди электронных резидентов большинство составляют специалисты по IT-технологиям, фрилансеры, бизнес-консультанты и другие представители сферы услуг [24], что позволяет отнести технологию к коммуникации с внешними сообществами на эксклюзивной основе. Через технологию электронной резиденции цифровое государство получает дополнительные источники инноваций и извлечения стоимости в отсутствие необходимости нести социальные обязательства перед гражданами. Однако в качестве предварительных условий внедрения электронной резиденции можно указать качество и доверие институтам, стимулирующие зарубежный бизнес инвестировать в данную страну.

- **Открытые данные** содержат информацию о результатах и ресурсах проведения государственной политики, вследствие чего способствуют росту прозрачности органов управления. Размещение открытых данных доступно в различных формах, включая соответствующие разделы на сайтах министерств и специализированные порталы, однако все более распространенной практикой становится включение открытых данных в единую платформу электронного/цифрового государства. Стоит отметить, что открытые данные — это следствие качества институтов и гражданского участия, так как публикация и использование открытых данных призваны обеспечить контроль и возможность публичной экспертизы, стимулировать гражданские и коммерческие проекты на основе размещаемой информации. Исходя из этого, через технологии открытых данных

государство дает возможность гражданам предоставлять требования к системе, однако одновременно создает канал гражданской самоорганизации и разработки инноваций для экономики.

- **Платформа межведомственного обмена данными** объединяет информацию из государственных реестров и баз данных, обеспечивая доступ для всех структур управления и сохранение приватности данных. Эти платформы направлены на снижение транзакционных издержек при обмене информацией между ведомствами, а также на сокращение финансовых затрат на эксплуатацию информационных систем путем их интеграции. С точки зрения технологий коммуникации цифрового государства с внутренним сообществом платформы межведомственного обмена данными — способ сокращения асимметрии между моделями описания поля управления разными структурами и службами: открытость и доступ к основным реестрам и информационным системам предполагает проведение госорганами согласованной и проактивной политики.

- **Маркетплейсы данных** — это подход к коллективному управлению данными, который позволяет гражданам продавать или обменивать свои данные на другие данные или услуги. В настоящий момент данные становятся источниками создания и извлечения стоимости, поэтому внедрение маркетплейсов данных преследует цели предоставить равные преимущества для их использования как коммерческими организациями, так и гражданами [25]. В задачи цифрового государства входит регламентация деятельности платформ-маркетплейсов, а также изменение законодательства о данных. Дополнительно внедрение маркетплейсов данных требует разработки совместимых систем для передачи данных между разными платформами, а также прозрачность используемых алгоритмов. В перспективе стоит ожидать внедрение целой группы новых технологий коммуникаций, связанных с коллективным управлением данными, включая трасты данных, общие хранилища данных и др.

Типология и описание технологий коммуникации цифрового государства с внешними и внутренними сообществами демонстрируют разные каналы вовлечения данных сообществ в поле государственного интереса для реализации согласованной политики. Данные технологии позволяют государству перейти от политики формализации пространства управления (сохранения его одно-

родности) к действиям в пользу выявления и взаимодействия с разнообразием окружающей среды. Также на основе технологий коммуникации возможно расширение виртуального пространства управления за счет включения в него новых агентов. Учитывая рост цифровых инструментов государственного управления, типология открыта для дополнения новыми технологиями.

В системе цифрового государства рассматриваемые технологии объединены в общую архитектуру, поэтому такие технологии, как X-Road, становятся базовыми для внедрения других технологий коммуникации: платформа обеспечивает совместимость данных идентификационных смарт-карт, электронных резиденций, электронных карт с медицинскими и образовательными данными и позволяет ведомствам коллективно использовать их для предоставления проактивных государственных услуг, при этом для граждан снижаются издержки на доступ к институтам и организациям госсектора. Однако внедрение всех перечисленных технологий коммуникации является сложным политическим процессом, поэтому пока их целостный комплекс является скорее исключением, чем правилом, хотя проекты цифровизации большинства стран указывают ее как ожидаемый результат. По этим причинам в качестве эмпирического материала для проверки эффектов внедрения технологий коммуникаций цифрового государства выбрана Эстония, в системе электронного правительства которой внедрено большинство из описанных технологий.

ЭФФЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОММУНИКАЦИИ: КЕЙС ЭСТОНИИ

Эстония является одним из лидеров в области цифровизации государственного управления, занимая третье место в рейтинге развития электронного правительства ООН. Подробные исследования эстонского опыта также демонстрируют технологическое разнообразие архитектуры цифрового правительства страны, позволяющее увеличивать число доступных государственных онлайн-услуг [26–28]. Однако необходимо проанализировать опыт Эстонии с целью не просто описать номенклатуру текущих технологий, но и выявить эффекты их внедрения для определения реальности экспоненциальной трансформации цифрового государства (табл. 3).

Представляется важным оценить, прежде всего, эффекты внедрения следующих технологий:

- идентификационная смарт-карта, межведомственная платформа обмена данными и их влияние на доступ к государственным услугам и политическим институтам;
- электронная резиденция и ее влияние на рост разнообразия агентов управления и извлечение стоимости.

В настоящий момент смарт-карты имеют 99% граждан Эстонии. В совокупности с межведомственной платформой обмена данными идентификационная карта увеличивает объем доступных онлайн-услуг для граждан и бизнеса, при этом сейчас все госуслуги доступны в онлайн-форме на государственном портале. Также это повышает качество взаимодействия граждан с госсектором в целом: с внедрением технологии электронной подписи гражданин сохраняет в среднем 5 рабочих дней в году. Кроме того, совместимость государственных информационных систем и многофункциональность смарт-карты позволяют предоставлять госуслуги в проактивном режиме без обращения граждан — таким образом, государственные службы имеют одинаковые модели представления поля и ресурсов управления. Например, регистрация новорожденного ребенка автоматически приводит к предоставлению пособий по уходу за ребенком, а данные налогового реестра определяют, на какой банковский счет следует перевести средства.

Идентификационная смарт-карта также используется для доступа к политическим институтам, основным из которых являются выборы. С 2005 г. электронное голосование через смарт-карту доступно для местных и общенациональных выборов в Эстонии, а также для выборов в Европейский парламент. На рис. 2 представлена доля интернет-избирателей от общего числа избирателей на парламентских выборах в Эстонии, при этом общая явка на всех рассматриваемых выборах была выше 60%. Среди прочих институтов стоит также выделить доступ через смарт-карту к сервисам общественных обсуждений.

Эстония также стала первой страной, которая ввела электронную резиденцию для привлечения иностранного бизнеса: в совокупности с налоговыми льготами для технологического бизнеса в Эстонии электронная резиденция может рассматриваться как канал трансфера технологий и дополнительного создания стоимости с минимальными издержками для государства. Среди стран, лидирующих по коли-

**Технологии коммуникации в структуре электронного правительства Эстонии /
Technologies of communication in structure of Estonian e-government**

Технология	Год внедрения	Функционал
Идентификационная смарт-карта и электронное голосование	2002 (смарт-карта) 2005 (электронное голосование)	<ul style="list-style-type: none"> • Идентификация личности • электронная подпись • доступ к госуслугам • электронное голосование • регистрация компании и предоставление налоговых деклараций • доступ к медицинским и образовательным данным • трансграничный обмен данными с Финляндией (с 2017 г.)
Электронная резиденция	2014	<ul style="list-style-type: none"> • Регистрация компании • получение банковских услуг • подача налоговых деклараций • цифровая подпись и электронный документооборот
Межведомственная платформа обмена данными	2001 (X-Road)	<ul style="list-style-type: none"> • Обмен данными между государственными органами и службами ввиду совместимости информационных систем • общий доступ к базам и реестрам данных
Государственный портал eesti.ee	2003	<ul style="list-style-type: none"> • Получение электронных государственных услуг
Посольство данных	2018	<ul style="list-style-type: none"> • Содержит 10 баз данных, необходимых государству для предоставления госуслуг в случае невозможности управления страной • посольство данных Эстонии располагается в Люксембурге
Открытые данные	2011 2018 (новый портал открытых данных)	<ul style="list-style-type: none"> • Размещение данных по демографии, социально-экономическому и научно-технологическому развитию, законодательству, инфраструктуре и госуправлению

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

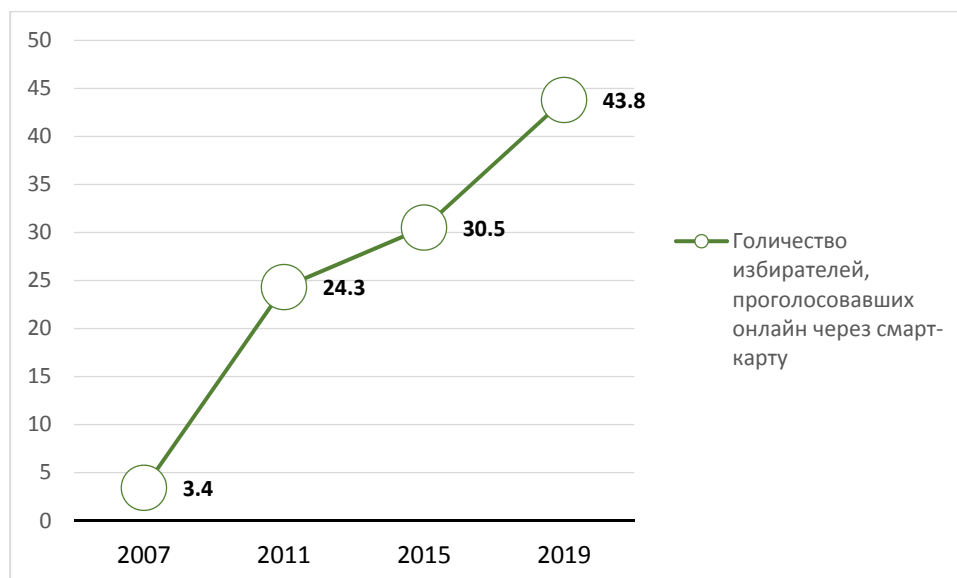
честву электронных резидентов Эстонии, выделяют Финляндия (6118 тыс. чел.), Россия (6019 тыс. чел.), Украина (5240 тыс. чел.), Германия (5189 тыс. чел.), Китай (4173 тыс. чел.), Великобритания (4154 тыс. чел.). Можно также оценить увеличение количества электронных резидентов Эстонии с момента внедрения технологии по настоящее время (рис. 3). В то же время темпы роста количества электронных резидентов снижаются начиная с 2019 г.

Внедрение технологии электронной резиденции демонстрирует эффекты в части налоговых поступлений (в % от ВВП), однако данные эффекты являются неоднозначными (рис. 4). С одной стороны, общая доля налоговых поступлений после внедрения электронной резиденции выше, чем в предыдущие годы, однако рост налоговых поступлений не является постоянным и не позволяет говорить об однозначном влиянии рассматриваемой технологии на извлечение государством стоимости. Это можно

объяснить, во-первых, остающейся незначительной долей электронных резидентов среди всех налогоплательщиков в Эстонии, и, во-вторых, налоговыми льготами в Эстонии для бизнеса в области информационных технологий, который составляет более трети среди всех электронных резидентов (39,4%).

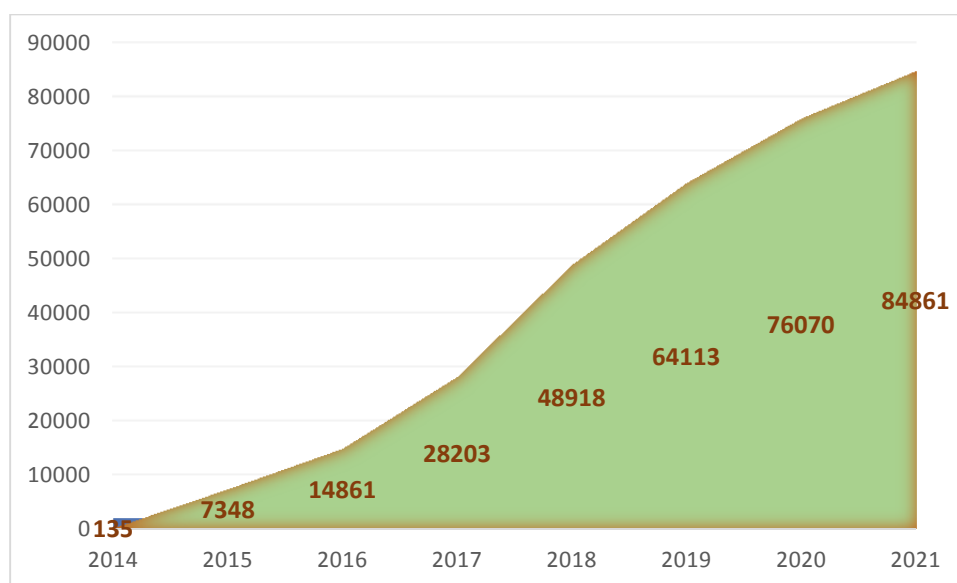
ВЫВОДЫ

Обзор технологий коммуникаций цифрового государства с внешними и внутренними сообществами позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, технологии коммуникации дают возможность создавать новые каналы доступа к институтам, внедрять дополнительные способы создания и извлечения стоимости, что позволяет характеризовать их как экспоненциальные организации с информационной точки зрения. С другой стороны, результаты внедрения технологий коммуникации не ведут к взрывному росту

Рис. 2 / Fig. 2. Доля избирателей, голосовавших онлайн через смарт-карту на парламентских выборах 2007–2019 гг., % / Share of voters who voted online via a smart card in parliamentary elections 2007–2019, %

Источник / Source: данные Государственного избирательного бюро Эстонии, составлено автором / Data of the State Electoral Office of Estonia, compiled by the author.

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика роста количества электронных резидентов в Эстонии / Dynamics of growth of electronic residents in Estonia

Источник / Source: данные портала об электронной резиденции Эстонии, составлено автором / data of the e-residency portal of Estonia, compiled by the author.

извлечения стоимости и предлагаемых госуслуг, что обусловлено сложностью социальной среды и функционированием государства как неравновесной системы. Возможно, использование технологий коммуникации в более крупных экономиках может иметь другие эффекты, однако пока наиболее крупные экономики не внедрили такое

разнообразие технологий, ограничиваясь отдельными сервисами и платформами.

На данный момент можно заключить, что цифровое государство является экспоненциальной организацией в технологическом аспекте в плане использования технологий коммуникации с внешними и внутренними сообществами для расширения

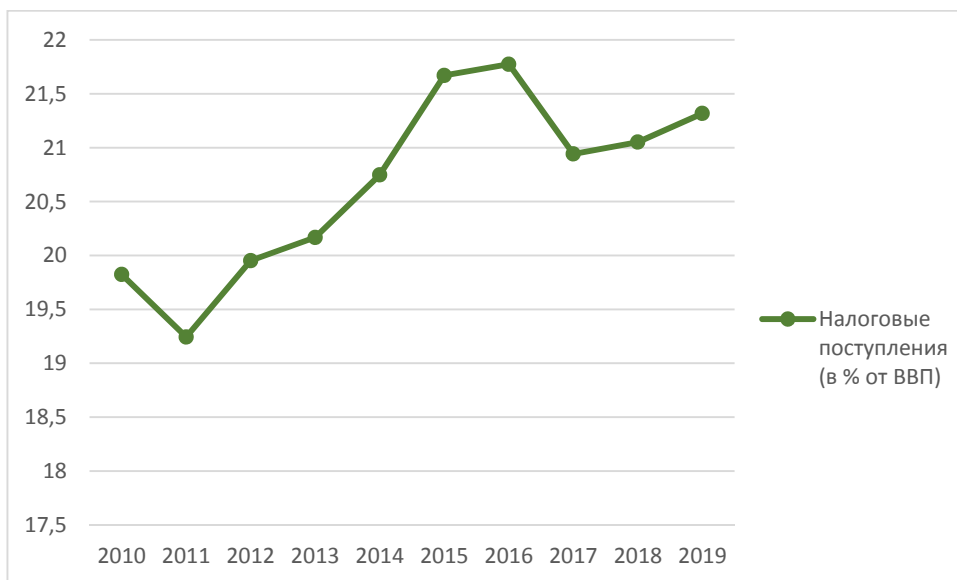

Рис. 4 / Fig. 4. Налоговые поступления, % от ВВП / Tax revenues, % of GDP

Источник / Source: данные Всемирного банка, составлено автором / Data of the World Bank, compiled by the author.

пространства управления, создания информационной насыщенности для политики в области доступа к институтам, сокращения издержек на обмен информацией между ведомствами и службами. В среднесрочной перспективе можно ожидать рост разнообразия технологий коммуникации в зависимости от типа среды и опций доступа, поскольку государства все активнее внедряют технологии цифровых идентичностей, цифровых агентов и двойников, интегрированных информационных систем и платформ [29].

Однако цифровое государство не характеризуется взрывным ростом результатов извлечения стоимости после внедрения технологий коммуникации, что предполагается экспонентой как метафорой на примерах корпораций и стартапов. Это можно объяснить тем, что корпорации применяют подрывные инновации и создают новые рынки, в результате чего используют эффекты раннего

входа на рынок и растут по экспоненциальной траектории до периода насыщения рынка, так как действуют в линейной системе. Государство, в том числе цифровое, функционирует в системе с положительной обратной связью, в которой экспоненциальный рост невозможен. В то же время можно выделить дополнительные направления поиска экспоненциальной динамики в эффектах политики цифрового государства: темпы распространения отдельных онлайн-услуг и цифровых инструментов среди населения, темпы роста предлагаемых онлайн-ресурсов и сервисов, скорость предоставления доступа к онлайн-ресурсам.

Исходя из этого, актуальны дальнейшие исследования способов концептуализации цифрового государства с учетом проанализированных технологий коммуникаций и понимания цифрового государства как адаптивной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Denning P., Lewis T. Exponential laws of computing growth. *Communications of the ACM*. 2017;60(1):54–65. DOI: 10.1145/2976758
2. Исмаил С., Мэлоун М., ван Геест Ю. Взрывной рост. Почему экспоненциальные организации в десятки раз продуктивнее вашей (и что с этим делать). Пер. с англ. М.: Альпина Паблшер; 2020. 440 с.
Ismail S., Malone M., van Geest Y. Exponential organizations: Why new organizations are ten times better, faster, and cheaper than yours (and what to do about it). New York: Diversity Books; 2018. 328 p. (Russ. ed.: Ismail S., Malone M., van Geest Y. Pochemu eksponentsial'nye organizatsii v desyatki raz produktivnee vashei (i chto s etim delat'). Moscow: Alpina Publisher; 2020. 440 p.)
3. Coelho D.A., Nunes F., Vieira F.L. The impact of crowdsourcing in product development: an exploratory study of Quirky based on the perspective of participants. *International Journal of Design Creativity and Innovation*. 2018;6(1–2):114–128. DOI: 10.1080/21650349.2016.1216331

4. Cosenz F., Qorbani D., Yamaguchi Y. An exploration of digital ride-hailing multisided platforms' market dynamics: Empirical evidence from the Uber case study. *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2021;70(4):725–742. DOI: 10.1108/IJPPM-10–2019–0475
5. So K. Kim H., Oh H. What makes birbnb experiences enjoyable? The effects of environmental stimuli on perceived enjoyment and repurchase intention. *Journal of Travel Research*. 2021;60(5):1018–1038. DOI: 10.1177/0047287520921241
6. Balanagarajan K., Kabaly P. Exponential organization: Paytm — A review. *Global Journal of Enterprise Information System*. 2018;10(3):34–40.
7. Subramanian K., Balanagarajan K. Exponential entrepreneurs: Entrepreneurs achieving exponential growth through digital technology and innovation — A review. *International Journal on Recent Trends in Business and Tourism*. 2018;2(4):14–18.
8. Diamandis P., Kotler S. Bold: How to go big, create wealth and impact the world. New York: Simon & Schuster; 2015. 336 p.
9. Dahlberg L. Re-constructing digital democracy: An outline of four 'positions'. *New Media & Society*. 2011;13(6):855–872. DOI: 10.1177/1461444810389569
10. Asenbaum H. Rethinking digital democracy: From the disembodied discursive self to new materialist corporealities. *Communication Theory*, 2021;31(3):360–379. DOI: 10.1093/ct/qtz033
11. Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2021;46(2):250–262. DOI: 10.52575/2712–746X-2021–46–2–250–262
Zotov V.V., Zakharov V.M., Sapryka V.M. Digitalization of public administration: Electronic democracy vs electronic government. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2021;46(2):250–262. (In Russ.). DOI: 10.52575/2712–746X-2021–46–2–250–262
12. Fourcade M., Gordon J. Learning like a state: Statecraft in the digital era. *Journal of Law and Political Economy*. 2020;1(1):78–108. DOI: 10.5070/LP61150258
13. Lyon D. Surveillance culture: Engagement, exposure, and ethics in digital modernity. *International Journal of Communication*. 2017;11:1–18. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/5527/1933>
14. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. Пер. с англ. М.: Новое издательство; 2012. 212 с.
Olson M. Power and prosperity: Outgrowing communist and capitalist dictatorships. New York: Basic Books; 2000. 272 p. (Russ. ed.: Olson M. Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. 212 p.).
15. Mazzucato M. The entrepreneurial state: Debunking public vs. private myths in risk and innovation. London: Anthem Press; 2013. 261 p.
16. Mazzucato M. The value of everything: Makers and takers in the global economy. London: Allen Lane-Penguin; 2018. 384 p.
17. Dolfisma W. Government failure — Four types. *Journal of Economic Issues*. 2011; 45(3):593–604. DOI: 10.2753/JEI0021–3624450304
18. Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. Пер. с англ. М.: Ad Marginem; 2016. 224 с.
Graeber D. The utopia of rules: On technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy. New York: Melville House; 2015. 261 p. (Russ. ed.: Graeber D. Utopiya pravil. O tekhnologiyakh, gluposti i tainom obayanii byurokratii. Moscow: Ad Marginem; 2016. 224 p.).
19. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. М.: Университетская книга; 2005. 576 с.
Scott J. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven, CT; London: Yale University Press; 1998. 464 p. (Russ. ed.: Scott J. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni. Moscow: Universitetskaya kniga; 2005. 576 p.).
20. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. Пер. с англ. М.: Дело; 2016. 592 с.

- Dean M. Governmentality: Power and rule in modern society. London: Sage; 2010. 304 p. (Russ. ed.: Dean M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh. Moscow: Delo; 2016. 592 p.).
21. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital citizenship: The Internet, society and participation. Cambridge, MA: The MIT Press; 2007. 240 p.
  22. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность. *Власть*. 2019;27(4):65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
Brodovskaya E.V. Digital citizen and digital citizenship. *Vlast' = The Authority*. 2019;27(4):65–69. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
  23. Sierzputowski B. The data embassy under public international law. *International and Comparative Law Quarterly*. 2019;68(1):225–242. DOI: 10.1017/S 0020589318000428
  24. Prause G. E-Residency: A business platform for Industry 4.0? *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2016;3(3):216–227. DOI: 10.9770/jesi.2016.3.3(1)
  25. Mukhametov D.R. Collective data governance for development of digital government. In: 2021 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH). (Vienna, 20–22 Oct. 2021). Piscataway, NJ: IEEE; 2021:1–5. DOI: 10.1109/EMCTECH53459.2021.9619164
  26. Lember V., Kattel R., Tõnurist P. Technological capacity in the public sector: The case of Estonia. *International Review of Administrative Sciences*. 2018;84(2):214–230. DOI: 10.1177/0020852317735164
  27. Kassen M. Open data and e-government — related or competing ecosystems: A paradox of open government and promise of civic engagement in Estonia. *Information Technology for Development*. 2019;25(3):552–578. DOI: 10.1080/02681102.2017.1412289
  28. Goede M. E-Estonia: The e-government cases of Estonia, Singapore, and Curaçao. *Archives of Business Research*. 2019;7(2):216–227. DOI: 10.14738/abr.72.6174
  29. Мухаметов Д.Р., Симонов К.В. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России. *Мир новой экономики*. 2021;15(3):17–27. DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–3–17–27
Mukhametov D.R., Simonov K.V. “Smart government”: Prospects for introduction of digital technologies in public administration in Russia. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(3):17–27. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–3–17–27

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Данияр Рустямович Мухаметов — стажер-исследователь департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Daniyar R. Mukhametov — Trainee Researcher, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7256-3281>
mukhametovdaniyar@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.01.2022; после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 12.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 14.01.2022; revised on 27.01.2022 and accepted for publication on 12.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-19-29
УДК 620.9(045)
JEL F01

Энергетика арабских стран в свете вызовов зеленой экономики

В.А. Исаев^а, А.О. Филоник^б

^а Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия; МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
^б Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Возобновляемые/альтернативные источники энергии (ВИЭ), которые часто фигурируют под названием «зеленая энергетика» и предназначены для создания новой базы генерации, ныне являются объектом пристального внимания практически во всех странах мира. Растущий эффект применения этих источников отмечается в Европе, США, КНР, Индии и в целом ряде других государств, но с разной степенью успеха. Не остается в стороне от этого направления и арабский регион, хотя, по понятным причинам, он сильнее других привержен углеводородам и конвенциональной энергетике. Но устойчивый консерватизм по отношению к ископаемым горючим материалам присущ не только арабскому обществу. Даже страны, не обладающие обширными месторождениями нефти и газа, трудно расстаются с традиционными источниками энергии. И все же арабский мир получает в лице зеленой энергетике весьма серьезного конкурента, которому в будущем придется в довольно жестком противостоянии отвоевывать свою нишу в генерации электроэнергии в арабской части международного экономического пространства. На этом фоне предполагаемое соперничество в арабском регионе выглядит пока скорее назывным, чем реальным и не вызывает особого беспокойства на Арабском Востоке, который ныне переживает гораздо более сложные политические и социально-экономические проблемы.

Ключевые слова: арабские страны; возобновляемые/альтернативные источники энергии; зеленая экономика; солнечная и ветровая энергетика; АЭС; водородная энергетика; гидроэнергетика

Для цитирования: Исаев В.А., Филоник А.О. Энергетика арабских стран в свете вызовов зеленой экономики. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):19-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-19-29

ORIGINAL PAPER

Energetics of Arab Countries in the Light of the Green Economy Challenges

V.A. Isaev^a, A.O. Filonik^b

^a Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
^b Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

Renewable/alternative energy sources (RES), which are often referred to as “green energy” and are intended to create a new generation base, are now the object of close attention in almost all countries of the world. The growing effect of the use of these sources is noted in Europe, the USA, China, India and in a few other countries, but with varying degrees of success. The Arab region does not remain aloof from this direction, although, for obvious reasons, it is more committed to hydrocarbons and conventional energy than others. But persistent conservatism in relation to fossil fuels is inherent not only in Arab society. Even countries that do not have vast oil and gas fields find it difficult to part with traditional energy sources. And yet, the Arab world receives a very serious competitor in the form of green energy, which in the future will have to win back its niche in electricity generation in the Arab part of the international economic space in a rather tough confrontation. Against this background, the alleged rivalry in the Arab region still looks more nominative than real and does not cause much concern in the Arab East, which is now experiencing much more complex political and socio-economic problems.

Keywords: arab countries; renewable/alternative energy sources; green economy; solar and wind energy; nuclear power station; hydrogen energy; hydropower

For citation: Isaev V.A., Filonik A.O. Energetics of Arab countries in the light of the green economy challenges. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):19-29. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-19-29

© Исаев В.А., Филоник А.О., 2022

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЫЗОВОВ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Идея глобальной модернизации производственных, социально-экономических связей и экологического сопровождения этого весьма пространственного (оказавшегося со временем крайне злободневным) процесса зародилась как ответ на опасные вызовы разной этиологии. Они возникли как следствия серьезных причин, провоцировавших дисбалансы, противоречия и конфликты в наиболее чувствительных точках социально-экономического роста самых различных государств и выстраивались первоначально в виде очагов. Но затем стали сливаться в целые явления, пока не актуализировались настолько, что фактически переросли (конечно, в той или иной степени) в явную угрозу всему человечеству.

О необходимости принятия мер против распространения крайне негативных проявлений хозяйственной и иных форм деятельности разного генезиса ныне говорят множественные тревожные сигналы, которые свидетельствуют, прежде всего, о растущих в прогрессии нагрузках на природные ресурсы. Давление на них реализуется в виде их неумеренного потребления в ходе широкого использования приемов и методов работы, свойственных индустриальному технологическому укладу, который в наши дни становится все более враждебным по отношению к живой природе.

Уклад этот, тем не менее, продолжает существовать, несмотря на то, что материальные носители промышленной идеологии в мировой научной литературе часто рассматриваются как уходящие. Но предупреждения об опасности такого уклада достаточно громко звучат сегодня в индустриально продвинутых государствах, возможности которых позволяют, так или иначе, купировать особо острые нежелательные последствия в зонах критического соприкосновения интересов человека и природы. Этот момент, однако, не следует преувеличивать, так как и здесь не наблюдается полного равновесия, и глобальные изменения действуют и на лидеров промышленного мира, понуждая их к активному участию в попытках разрядить обстановку вокруг природоохранной тематики.

Поэтому вся эта тема, по большому счету, продолжает оставаться бесспорной максимой. Ситуация такова, что смена парадигмы развития происходит не одномоментно, а имеет протяженность во времени и в пространстве, занимая сравнительно длительный временной период, ведь ранее интен-

сивно накапливавшийся экономический потенциал морально устаревающих добывающих и перерабатывающих производств ныне постепенно отстывает лишь в индустриально развитых государствах, освобождая пространство для материально-технической базы будущего технологического уклада. В развивающихся же странах, в том числе и в арабских, продолжает копиться инерция прежнего уклада, который по-прежнему остается господствующим.

В таких условиях трудно ожидать, что в обозримом будущем (через 5–10 лет) глобальный процесс модернизации, с точки зрения аккумуляции количественных и качественных показателей, сможет приобрести всеобщий характер. Скорее всего, более вероятен другой вариант развития, при котором этот процесс будет постепенно эволюционировать из спорадического во фронтальный, распространяясь на развивающиеся страны, которые в настоящее время функционируют в основном в режиме «догоняющего развития» и пока далеки в своем большинстве от утверждения у себя новых и новейших достижений науки и техники.

На этом фоне деградация разных составляющих экосферы и биосферы становится все более заметной и агрессивной настолько, что уже не остается сомнений относительно того, насколько серьезные подвижки происходят в глобальных процессах под влиянием антагонизма человеческого и природного факторов.

Наблюдаемая в некоторых нишах и обретающая устойчивые признаки деградация окружающей среды является следствием многих причин, но главными генераторами угроз сбалансированному режиму взаимодействия природы и людских сообществ стали, как представляется, как минимум три. Первая — это рост демографических показателей, увеличивавшихся весьма быстрыми темпами со второй половины прошлого века, которые, в свою очередь, поставили на мировую повестку дня вопрос о выживании человеческого общества в условиях колоссального воздействия антропогенного фактора на состояние и внутреннюю динамику окружающей среды. Вторая — накопление отрицательного «заряда», генерируемого «черной» индустрией во всех ее проявлениях, в результате чего живая природа приблизилась к критическому порогу. Третья проявляется в атмосферных аномалиях, угрожающих и нормальному функционированию человеческого капитала, и воспроизводству в аграрном комплексе, особенно в сферах, которые наиболее подвержены тепловому воздействию или испытывающих дефицит пресной воды.

Имеются и другие причины, которые вносят свой вклад в дестабилизацию условий, необходимых для поддержания окружающей среды уже на локальном уровне, и варьирующихся по воздействию на природное окружение. Одни, например, распространяются на относительно небольшие участки водной акватории, как это случается время от времени с «красными приливами» в зоне Персидского залива, когда живые организмы из-за разрастания микроскопических водорослей гибнут от нехватки кислорода. Другие имеют более масштабные последствия на суше, причем их воздействие имеет долговременный характер и связано с быстрым перемещением тысячетонных масс песка под воздействием ветров, в результате чего выводятся из хозяйственного оборота значительные сельскохозяйственные территории ряда арабских стран.

Понятно, что надежных средств для купирования болезненных тенденций в глобальном и локальном масштабах еще не найдено. Не существует и панацеи от природных катастроф, которые все чаще показывают свою силу в разных концах мира. Ни одно государство и ни одно общество не может быть защищено от серьезных потрясений из-за природных катаклизмов, которые способны нанести трудновосстановимый урон материальному производству, физическим активам и населению любой страны.

Помимо природных феноменов, возникающих спонтанно и не поддающихся регулированию, имеются явления иного порядка. Общеизвестна роль упоминавшегося выше антропогенного фактора. Он действует не менее жестко, чем природный, из-за устоявшегося характера современных производительных сил с углеводородной составляющей и не может быть одномоментно вытеснен на дальнюю периферию современных интересов человеческого общества.

Даже государства, высокоразвитые по показателям технологической оснащенности, хотя и продвинулись дальше других, имеют ныне серьезные активы в индустрии, работающей на нефти, газе и их производных. Поэтому их стремление выйти на новые энергоносители актуально, так как они расходуют огромные массы горючих минеральных материалов и других полезных ископаемых, опасное воздействие которых на среду обитания уже начинает сглаживаться, но не ликвидировано во всех проявлениях.

Этим, скорее всего, и объясняется появление в государствах Запада теории зеленого роста, ко-

торая прямо связана с обращением к более чистым источникам энергии, изобретением инновационных материалов с заранее заданными свойствами, внедрением в экономику и иные сферы более наукоемких и менее затратных (и одновременно максимально щадящих по отношению к внешнему миру) способов взаимодействия с природным потенциалом и окружающей средой.

СОВРЕМЕННОЕ АРАБСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗЕЛЕНый РОСТ

Понятно, что без изменения энергетической базы переход на инструменты нового технологического уклада и соответствующее ему экологическое обеспечение зеленого роста выглядит маловероятным. Во всяком случае, едва ли этот рост будет таким же динамичным даже для промышленно развитых наций, которые относительно быстро сумели в середине 70-х гг. прошлого века перейти к энергосберегающим технологиям, вызванным, как известно, резким ростом цен на углеводороды (который последовал после четвертой арабо-израильской войны) и национализацией арабскими нефтеэкспортирующими странами добывающей отрасли в своих странах. Тогда путем сложных переговоров между ОПЕК и Международным энергетическим агентством, совершенствования элементов производительных сил индустриального этапа, срочно принятых западными государствами мер энергосбережения и пр., развитые страны сумели в целом решить проблему удорожания энергоносителей и даже создали базу для своего постиндустриального развития. В результате оптимизации использования жидких углеводородов экологическая ситуация в странах Запада стала заметно улучшаться, что вызвало надежды на изобретение новых нестандартных подходов и технологий, которые ныне воплощаются, конечно, с разной долей успеха, в концепциях зеленой экономики. Отдельные направления такого развития достаточно ясно просматриваются в экономически развитых государствах, весьма активно продвигающих новейшие технологии в некоторые секторы своей хозяйственной деятельности.

В странах арабского региона этот процесс пока еще не очень заметен, даже если принимать в расчет арабские монархии Персидского залива, иницирующие, с тем или иным успехом, довольно смелые эксперименты, которые, в принципе, могут служить базой дальнейшего развития новых экономических моделей, базирующихся, например, на

достижениях инновационной агротехники и всего инструментария, применяемого ими для реформирования производственного механизма этой группы арабских государств. Но их пример весьма неординарен, поскольку они обладают так называемыми избыточными финансовыми накоплениями, позволяющими им широко маневрировать капиталами одновременно в сельском хозяйстве, промышленности и иных сферах, чего лишены другие арабские страны, даже те, что также добывают нефть и газ.

Движение в зеленом коридоре в арабском регионе зависит от множества факторов, сочетание которых неодинаково даже для тех его стран, которые обладают примерно одинаковыми параметрами развития, характеристиками экономической структуры, взглядами на модернизацию, глубиной участия в процессах глобализации и т.п. Все это порождает индивидуальность подходов к решениям, имеющим определяющее значение для их будущего благополучия. А это означает, что в движении к освоению зеленых технологий будет ощущаться растущий разрыв между странами арабского региона, пережившими не столь давно события арабской весны, которые в ряде стран сопровождались разрушительными гражданскими войнами, и их более удачливыми соседями, которые без внеэкономических потерь пережили период арабской весны и сохранили производства, создавая новые экономические активы, но, главное, и в этих непростых условиях поддерживали, по возможности, темпы хозяйственного роста, утрата которых для других арабских стран среднего уровня развития (например, Сирии) и тем более беднейших (например, Йемена, Судана или Сомали) оказывается сегодня колоссальной проблемой. Ведь, прежде чем заниматься освоением тонких и дорогих технологий зеленого роста, таким государствам придется направить свои основные усилия на преодоление отставания даже от своих арабских соседей длиной в несколько десятков лет, поскольку именно на такой, а возможно, судя по некоторым оценкам, и на еще больший период времени они были отброшены назад в своем социально-экономическом развитии драматическими событиями их новейшей истории. А затем — нагонять ушедших за это время далеко вперед соседей по региону.

В отличие от понесших трудноисчисляемые потери арабских стран (из-за событий арабской весны, а затем и из-за нападения исламских вооруженных формирований), группа родственных государств

(в большей степени с Аравийского полуострова) смогла добиться заметного успеха в начальном освоении инновационных технологий промышленного аграрного назначения. Очевидно, однако, что и в этой продвинутой группе стран арабского региона технологические свершения до сих пор еще не выходят за рамки экспериментальных проектов, которые, конечно, функционируют, но сложно приживаются в издавна сложившейся реальности ряда стран. Подобное происходит в силу многих причин — от трудностей освоения новейших технологий до нехватки квалифицированного персонала и от проблем управления до ценообразования.

Поэтому неудивительно, что показатели зеленой экономики во всем арабском регионе на протяжении последних 10–15 лет практически не меняются в относительном выражении, оставаясь примерно на уровне 1% от мирового (соответствующий показатель для США — 6%, КНР — 5%, стран Евросоюза — 11%). И это на фоне того, что арабский регион за счет ухудшения экологической обстановки ежегодно теряет по 95 млрд долл. [1]. Если бы эти средства арабские страны могли мобилизовать для создания хотя бы базовых опор зеленого роста, то они существенным образом подняли бы свой авторитет в этой сфере.

В правящих кругах арабских стран хорошо понимают, что достижение устойчивого социально-экономического развития и зеленого роста зависит от эффективности капиталовложений и национального хозяйства в целом, качества человеческого потенциала и умения мобилизовать в нем созидательные силы, прививая культуру и научные знания, внедряя современные навыки и компетенции, повышая тем самым производительность труда и конкурентоспособность экономики в целом. Однако эти теоретические соображения не находят должного отклика в арабском обществе в ситуациях, которые уже традиционно создают препятствия на пути социально-экономического прогресса в арабском регионе. Это — и тупики экономики, и проблемы с качественным управлением на разных уровнях, и «дикая» глобализация, и коррупция, и др.

Между тем, все, что связано с экологией и проблемой выживания общества в условиях неустойчивой экосферы, остается большим вопросом для ряда арабских стран, особенно тех, которые переживают вооруженные конфликты. Эти обстоятельства одинаково болезненны с точки зрения урегулирования как социально-экономических, так и природных проблем. И те и другие требуют

огромных финансовых инвестиций для модернизации производительных сил и предотвращения дальнейшего упадка среды обитания не только за счет улучшения собственно экологии, но и внедрения современных «чистых» технологий, могущих гарантировать безопасность жизнедеятельности арабского общества в целом.

Этот аспект приобрел немалое значение именно на текущем этапе развития арабского региона, так как в ходе него был нанесен серьезнейший ущерб сельскохозяйственным угодьям и пустынным территориям, которые при их природной хрупкости весьма чувствительны к механическим воздействиям от перемещения тяжелой военной техники, ковровых бомбардировок, когда частично или полностью погибли и без того не очень обильные зеленые насаждения, пострадали источники пресной воды, прибрежные морские воды и т.п.

В этих условиях становится понятно, что одни только заимствования и копирование пионерных процессов, разворачивающихся в среде лидеров промышленного мира, едва ли смогут создать в арабском регионе такой стимул, который помог бы ему уверенно войти в зону современных инновационных зеленых практик, опираясь только на собственные силы, обладающие к тому же серьезным традиционным и инерционным потенциалом. Понятно, что последний не мог не отразиться на социально-экономическом укладе всего арабского общества, привыкшего за десятилетия, прошедшие со времени первой волны энерго-сырьевого кризиса начала 1970-х гг., к тому, что в одних странах (главным образом, крупных нефте- и газо-экспортерах) доходы от вывоза за рубеж углеводородного сырья составляют основу их финансового благополучия и успешного хозяйственного развития, а в других (например, в Египте, Сирии, Тунисе) — являются существенной составной частью доходов их национальных бюджетов.

АРАБСКИЙ РЕГИОН: ТРАДИЦИОННАЯ И ЗЕЛЕНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

В силу объективных причин мирового развития одним из важных узлов переплетения глобальных процессов мировой экономики, тесно связанных с возрастающим значением энергии, повышением роли арабских стран в мировом топливно-энергетическом комплексе, а также огромным его воздействием на становление в них индустриальной системы производительных сил и трансформацию социально-экономических структур, стал

арабский регион. Он и сегодня сохраняет свои позиции в качестве главного топливного арсенала всего мира. В арабских странах сосредоточено почти 50% доказанных и до половины прогнозируемых ресурсов жидкого топлива, а также почти четверть запасов природного газа всего мира, причем издержки их добычи являются самыми низкими в связи с необычайно высокой естественной отдачей месторождений этих полезных ископаемых. Даже в условиях форсированной эксплуатации месторождений сланцевых нефти и газа арабские страны и поныне обеспечивают почти треть добычи и около половины мирового экспорта нефти¹.

Однако современные тенденции к созданию зеленых ареалов и защите окружающей среды на базе качественно нового состояния производительных сил вводят мир в эпоху серьезнейших сдвигов в технике, технологиях, экономике и других сферах. Признаки этих сдвигов видны не только в новейших зеленых способах производства, но и в противоречиях, создаваемых традиционной энергетикой, которая, оставаясь одним из столпов современного экономического роста, одновременно имеет статус самого «грязного» производственного агента, вредящего экологии и подрывающего биологическое разнообразие. Эта проблема чрезвычайно актуальна для всего арабского региона и особенно той его части в Персидском заливе, которая перенасыщена добывающей инфраструктурой и существует как комплекс опасных для природы производств, связанных с промышленной добычей и переработкой углеводородного сырья, вредоносные качества которого еще более усугубляются неблагоприятными климатическими условиями.

Внимание альтернативным источникам энергии для формирования новой базы генерации ныне уделяется практически во всех арабских странах, причем не только в Персидском заливе, но и в Марокко, Египте, Тунисе, Иордании и др., где новые реалии встречают понимание, хотя приживаются не без трудностей. Ведь арабское пространство не едино, и страны заметно дифференцированы по множеству показателей, включая энергооборуженность, состав генерирующих мощностей и задачи энергетической политики.

Тем не менее в последние годы во многих арабских странах заметно активизировалась деятель-

¹ Подсчитано по: BP Statistical Review of World Energy 2020.

ность в сфере зеленой экономики, которая в будущем может способствовать разрядке нынешней ситуации, реально угрожающей самой жизнеспособности региона. С этой точки зрения он в целом повторяет мировую динамику, правда, с определенными отличиями: если в мире 51% производства электроэнергии из ВИЭ приходится на ветровую и почти 25% — на солнечную [2], то арабские страны сделали упор на солнечную, которая чрезмерно инсолирует территорию арабского региона, но давая при этом потенциальную возможность получения зеленой энергии и использования ее для замещения вредного по химическому составу топлива.

В авангарде процесса по овладению солнечной и ветровой энергией находятся аравийские монархии, основной опорой социально-экономического прогресса которых продолжает оставаться обеспеченное нефтью и газом финансовое благополучие. Переход к гелио- и ветровой энергетике удачно ложится на их стремление коренным образом модифицировать свою экономическую модель, не теряя, конечно, образа энергетической кладовой мира. Поэтому ясно, что новейшие зеленые технологии привлекательны для этой группы арабских стран, с одной стороны, крайне зависимых от отчислений от продажи нефти и газа, а с другой — не заинтересованных в истощении своих запасов, так как они понимают, что спрос на природные углеводороды будет поддерживаться в мире в любом случае, если не в виде горючего, то в виде сырья для нефтехимических и нефтеперерабатывающих предприятий.

ГЕЛИО- И ВЕТРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА В АРАБСКИХ СТРАНАХ: НАДЕЖДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Вышеуказанные соображения привели к тому, что уже в 2013 г. арабские страны приняли Панарабскую стратегию развития возобновляемой энергии на 2020–2030 гг., которая должна была стать своего рода дорожной картой, следуя которой они окажутся в состоянии объединить все страны региона по трем стратегическим направлениям, главное из которых — развитие альтернативной энергетики, могущей в будущем обеспечить и два других: поддержание жизнеспособности окружающей среды и предотвращение загрязнения подземных и наземных источников пресной воды². Согласно намеченным планам к 2030 г. абсолют-

ными лидерами по показателям установленных мощностей предположительно должны стать Алжир — 15 тыс. МВт, Кувейт — 9,3 тыс. МВт, Дубай — 5 тыс. МВт, Марокко — 4,6 тыс. МВт, Тунис — 1,5 тыс. МВт, Иордания — 0,9 тыс. МВт. Правда, Саудовская Аравия наметила достижение пика к 2040 г. — до 41 тыс. МВт — высоту, видимо, недосягаемую для всех остальных стран. На этом фоне весьма скромно выглядят показатели для Сирии — 3,3 тыс. МВт к 2030 г., особенно если учесть десятилетнюю войну с ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), истощение ресурсов страны и необходимость масштабных восстановительных работ. То же касается Ливии (1,2 тыс. МВт), Судана (1,1 тыс. МВт), которые ныне не входят в категорию социально-экономически и политически успешных государств и стоят перед лицом сложнейших проблем. Сомнительными выглядят также довольно низкие показатели Ирака — 0,3 тыс. МВт, Йемена — 0,1 тыс. МВт, Палестины и Мавритании — менее 0,1 тыс. МВт, обстановка в которых остается весьма сложной, а временами кризисной³. Понятно, что указанные цифры отражали завышенные цели, которые были установлены еще в самом начале арабской весны и последовавшей за ней для ряда стран катастрофой. Однако на сегодняшний момент ничего не указывает на то, что в них вносились какие-то коррективы. Но если нечто подобное произойдет завтра, то даже минимальные изменения в сторону повышения этих показателей в вышеуказанной дорожной карте едва ли могут быть реализованы в полном объеме, так как в этих странах постоянно наблюдаются сложности с наполнением бюджетов, а получение иностранной помощи нерегулярно и проблематично.

К тому же энтузиазм большинства арабских стран в развитии гелио- и ветровой энергетики стал угасать по мере возникновения технологических и финансовых проблем, с которыми они стали сталкиваться в ходе реального освоения ВИЭ. Так, в качестве серьезного ограничителя выступило то обстоятельство, что мощности для получения, например, солнечной энергии, во-первых, относительно невелики (мощность средней солнечной электростанции примерно в 20 раз меньше мощности средней ТЭЦ). Во-вторых, солнечные панели занимают большие площади, имея при этом низкий

² Pan Arab Strategy for Development of Renewable Energy Applications 2010–2030.

³ Pan Arab Renewable Energy Strategy 2030. Roadmap of Actions for Implementation/IREMA; 2014.

КПД (1 кв. км солнечной «фермы» в среднем за год дает электроэнергию, количество которой эквивалентно использованию всего лишь 1 млн баррелей нефти, т.е. 158,7 тыс. т нефти) [3], а следовательно, не в состоянии удовлетворять энергетические потребности крупных энергоемких производств (которыми отличаются, например, аравийские монархии, Алжир, Египет или Ирак), а также «отнимают» слишком большие территории у так называемых малых стран (например, Кувейта, Катара, Бахрейна, Иордании, Ливана или Джибути), которые просто не могут себе позволить «роскошь» отводить десятки, а то и сотни квадратных километров своей территории под солнечные панели.

Также экспериментально выяснилось, что энергетическая эффективность солнечных панелей понижается на 0,45% с каждым дополнительным градусом нагрева от солнечных лучей (оптимальная температура нагрева солнечной панели составляет 25 °С) и может потерять до 10% при температуре, превышающей 40 °С. Причем в этом случае требуется установка специального оборудования для их охлаждения, которое, в свою очередь, потребляет определенную часть электроэнергии, вырабатываемой этими панелями, что понижает их отдачу еще на 0,6%⁴.

Напомним, что в большинстве арабских стран, особенно расположенных на Аравийском полуострове, даже в зимние месяцы дневная температура редко опускается ниже 25 °С, а летом, даже в тени, часто доходит 45–48 °С и ежегодно сопровождается ветрами «хамсин» (от арабского слова «пятьдесят»), которые дуют с каменистых аравийских пустынь в течение 50 суток, поднимая в воздух тысячи тонн мельчайшей песчаной пыли, содержащей огромное количество кремниевых частиц, которые повреждают рабочие поверхности солнечных панелей, забиваются в микроскопические зазоры механизмов, а также требуют ежедневных и трудоемких работ по очистке рабочих поверхностей этих панелей. Учитывая тот факт, что использование последних в промышленных масштабах рентабельно только в случае их установки на больших пространствах, такие операции требуют серьезных дополнительных затрат.

Поэтому не удивительно, что сегодняшний бум интереса к гелиоэнергетике в арабском регионе больше говорит о намерениях, чем о переходе

арабских стран к этому новому для них источнику энергии. Кажется очевидным, что и через 10–15 лет солнечная энергетика в регионе не сможет составить реальную конкуренцию традиционному энергосырью. Реальнее предположить, что она может немного увеличить свой удельный вес в общей выработке электроэнергии в регионе, но лишь в качестве дополнения к уже имеющемуся топливному потенциалу, а не вытеснить последний с занимаемых им позиций.

Заметно меньшее внимание в арабских странах уделяется развитию ветровой энергетике, доля которой в общей генерации электроэнергии региона устойчиво составляет менее 0,1% и даже имеет определенную тенденцию к снижению. Причин этому явлению довольно много, но к числу основных можно отнести, например, дороговизну и низкую эффективность получения этого вида энергии. Так, обустройство одной скважины на нефтяном или газовом месторождении или же строительство двух ветряных турбин стоит примерно одинаково, но если последние производят лишь 0,7 барреля нефти в час (в энергетическом эквиваленте), то скважина на месторождении даже сравнительно дорогого сланцевого газа дает 10 баррелей в час. К тому же, если хранение 1 барреля нефти или его эквивалента в природном газе обходится в 0,5 долл. США, то хранение энергии, полученной от ветряков, в аккумуляторах — в 200 долл.⁵

Кроме того, упомянутые выше «хамсины» приводят к ускоренному износу механизмов ветряков, а палящее солнце — к перегреву проводов ЛЭП, делая их работу менее рентабельной. Еще одно серьезное препятствие на пути использования ветряков, прежде всего в небольших по территории арабских государствах, состоит в том, что инфразвуковой шум, который они производят во время своей работы, отрицательно сказывается на здоровье людей, а поэтому их запрещено использовать вблизи населенных пунктов⁶.

В силу этих и ряда других причин ветровая энергетика отвоёвывает свою нишу в общем энергобалансе арабского региона с большой долей неуверенности, невзирая на то обстоятельство, что суммарный ветровой баланс региона считается одним из крупнейших в мире, благодаря, прежде всего, Египту, Марокко и Тунису, которые являются мировыми лидерами по потенциалу ветровой энергетике [4].

⁴ Institut de la Francophonie pour le Développement durable. La Planification énergétique sectorielle; 2020.

⁵ Вести. Финанс. 25.09.2019.

⁶ Вестник ЮНИДО в России. 2020;(4).

Еще одной причиной, из-за которой внедрение солнечных и ветровых электростанций идет довольно медленными темпами не только в арабском регионе, но и во многих других странах мира, являются длительные сроки их окупаемости: для солнечной электростанции они составляют в среднем 6 лет, для ветровой — 1 год. Но если принять во внимание необходимость установки на них дополнительных систем для стабилизации генерации и компенсации просадок (отсутствие солнечного света по ночам или безветрие и др.), то эти сроки повышаются для солнечных электростанций до 16 лет, а для ветровых — до 6 лет (для сравнения: электростанция, работающая на природном газе, окупается за 2 недели непрерывной работы, на угле — за 2 месяца, ГЭС — за 2–3 года)⁷.

ЕСТЬ ЛИ У АРАБСКИХ СТРАН «ВОДОРОДНОЕ БУДУЩЕЕ»?

Учитывая проблемы с гелио- и ветровой энергетикой, арабские страны в последние несколько лет стали возлагать надежды на использование водорода, который из-за своей высокой реакционной способности легко связывается с другими элементами, а поэтому в земных условиях встречается практически повсюду. Хотя пока водород не считается возобновляемым источником энергии, он может выступать в роли ее практичного носителя. Тем самым он позволяет устранять главные недостатки ВИЭ, т.е. зависимость режима работы последних от внешних условий и их неспособность запасать энергию. К тому же главным аргументом для внедрения водорода в современную энергетику считается охрана окружающей среды, так как в местах энергетического использования водорода, полученного с помощью гидролиза, в атмосферу выбрасывается только водяной пар. Кроме того, водород можно использовать для прямого получения электрического тока с помощью топливных элементов.

Несмотря на эти положительные аспекты внедрения водорода (который к тому же по удельной теплотворной способности в 2,57 раза превосходит метан), применение последнего сдерживают необходимость его использования в сжатом или жидком состоянии, исключительная способность проникать в структуру различных материалов (вызывая их растрескивание, что создает дополнительные

требования к условиям его безопасного хранения) и дороговизна получения⁸. Способность атомов водорода проникать в любые микротрещины крайне опасна, так как он взрывается при малейшем соприкосновении с воздухом, а поэтому риск для любого ДТП чрезвычайно велик, что ограничивает его использование в качестве замены бензина в двигателях внутреннего сгорания, газовых турбинах и системах отопления. Транспортировка водорода по обычным магистральным трубопроводам также невозможна из-за его способности разрушать их стенки.

Свои ограничения в крупномасштабное использование водорода вносит и современный уровень научно-технического прогресса: в настоящее время 96% водорода получают из ископаемого топлива (самым подходящим сырьем является метан) и только 4% — электролизом воды⁹. В результате водород (кроме получаемого с помощью гидролиза) пока не способен решить климатическую проблему, так как для его производства требуется добыча и переработка природного газа, из-за чего для получения всего 1 т водорода из метана в атмосферу выбрасывается 5,5 т парникового газа, который необходимо улавливать и каким-то образом утилизировать, например путем закачки в геологические пласты, что на 20–40% увеличивает стоимость энергии, получаемой из водорода¹⁰.

Но, как уже говорилось выше, водород удобно использовать в качестве накопителя избыточной энергии, производимой всеми известными видами ее генерации. Именно это обстоятельство вызывает интерес богатых арабских стран (прежде всего, аравийских монархий), которые стали вкладывать средства в эксперименты с водородом, ведущиеся в настоящее время главным образом с водородными топливными элементами в промышленно развитых государствах, в надежде (в случае успеха таких экспериментов) воспользоваться их плодами.

ДРУГИЕ ВИДЫ АРАБСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Не обошли своим вниманием арабские страны и ядерную энергетику, преимущества которой заключаются в огромной энергоемкости уранового

⁷ URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/FS_20_1296

⁸ URL: cyberleninka.ru/article/n/vodorod-kak-dobavka-v-toplivo/viewe

⁹ URL: proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&id=9770

¹⁰ URL: gasprom.ru/press/news/report/2020/pure=hydrogen/

сырья, возможностях его повторного использования после регенерации и отсутствии создания парникового эффекта. Хотя, конечно, в арабском регионе существуют серьезные опасения по поводу этого вида энергетики из-за трагедий в Чернобыле и на Фукусиме.

Первой арабской страной, попытавшейся создать АЭС, стала Ливия, которая еще в 1977 г. заключила с СССР соглашение о строительстве и обеспечении соответствующим оборудованием научно-исследовательского ядерного центра в Таджуре, куда был поставлен советский реактор на высокообогащенном уране мощностью 10 МВт, который вошел в строй в 1981 г. Ливия также вела переговоры с СССР о строительстве двух АЭС, но безуспешно — из-за санкций США и Великобритании, опасавшихся, что Ливия сможет использовать советские технологии для создания ядерного оружия¹¹.

В 2009 г. в ОАЭ при содействии Южной Кореи начались работы по сооружению АЭС, оборудованной четырьмя энергоблоками с реакторами третьего поколения, мощность каждого из которых составляет 1400 МВт. Первый энергоблок был запущен в апреле 2021 г. Власти ОАЭ планируют, что после ввода в строй всех энергоблоков эта АЭС сможет обеспечить не менее 25% потребностей страны в электроэнергии¹².

В ноябре 2015 г. правительства Египта и России подписали соглашение о строительстве АЭС, оборудованной четырьмя блоками мощностью 1200 МВт каждый с реакторами поколения «3+». Сроки окончания строительства, изначально запланированные на 2028 г., были перенесены на 2030 г. из-за сбоев, вызванных эпидемией коронавируса¹³.

Если ядерная энергетика в арабском регионе находится пока еще на начальных этапах своего развития, то гидроэнергетика стала здесь развиваться достаточно давно, и сегодня ее доля в общеарабской генерации составляет 4,5–4,6%¹⁴. Правда, эта цифра практически целиком является результатом работы таких крупных ГЭС, как Высотная Асуанская в Египте и Евфратская в Сирии, построенных еще при содействии СССР. Другие же проекты создания ГЭС на Ниле или Евфрате и Тигре с середины 1980-х гг. блокируются противоречиями между

Египтом, Эфиопией и Суданом из-за распределения нильской воды, а также разногласиями между Турцией, Сирией и Ираком, которые пока не в состоянии договориться друг с другом по поводу распределения речных вод Евфрата и Тигра. Поэтому вклад гидроэнергетики в зеленую экономику всего арабского региона не только не растет, но даже имеет определенную тенденцию к снижению в относительном выражении.

БУДУЩЕЕ ЗЕЛеноЙ АРАБСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Следует заметить, что энергетический рынок в арабском регионе по сей день остается разнородным с точки зрения организации деятельности, глубины и размаха реформирования и структурирования его сегментов, устоявшихся приоритетов и степени вмешательства государства в процессы управления. То же касается и ситуации с рынком ВИЭ, особенно с учетом того, что их удельный вес пока еще крайне незначителен. Иными словами, альтернативная электрогенерация в арабских странах еще практически не выделилась в самостоятельную отрасль и работает в условиях, определяемых рынком традиционной энергетики.

В ряде арабских государств рынок конвенциональной электроэнергии полностью либерализован. Другие же находятся в растянувшемся во времени процессе приватизации. Третьи ограничиваются частичным дерегулированием, оставляя за собой функцию производителя электроэнергии, но освобождаясь от обязанности содержать распределительные сети и заниматься транспортировкой энергии. Из всех арабских стран фактически только в Марокко в законодательном порядке закреплена частная генерация на базе ВИЭ. В Абу Даби и Дубае, несмотря на весьма энергичное продвижение ими проектов зеленой энергетики, вопрос о придании статуса «независимых» ее производителям до сих пор рассматривается. Представляется уместным, однако, полагать, что расширение «ниши» альтернативной энергетики приведет в итоге арабские страны к необходимости придать этому рынку более четкие организационные формы.

Понятно, что арабский регион вполне реально обладает более чем достаточным набором ВИЭ и имеет широкие возможности использовать их для целей своего социально-экономического развития. Положительным моментом для подъема зеленой энергетики служит государственная заинтересован-

¹¹ URL: tvzvezda.ru/news/201709200924-89gw.htm

¹² URL: news.myseldon.com/ru/news/index/248648603

¹³ URL: news.myseldon.com/ru/news/index/257563844

¹⁴ IRENA. International Renewable Energy Agency. League of the Arab States. Overview of Development.

ность в подобных проектах, доступность кредита в арабских и международных банках, постепенное снижение цен на зеленые технологии. Дополнительным стимулом ныне становится появление местных средних и мелких предпринимателей и инвесторов, которые стали заниматься решением несложных технических задач, например монтажом и обслуживанием домашних солнечных панелей, строительством простейших электросетей для одного источника с перспективой встраивания их в более интегрированный цикл и т.п.¹⁵

Но нельзя сбрасывать со счетов и встречные ограничители, например лимитированный доступ к микрофинансированию, неготовность госорганов работать с малым и средним энергобизнесом, негативное влияние нефтяных цен на конкурентоспособность ВИЭ, низкий рыночный спрос на последние и др. В арабских странах остро стоит проблема отсутствия долгосрочных маркетинговых планов продвижения зеленого энергетического продукта на домашний, коммерческий и промышленный рынки и недостаточной государственной поддержки зеленой энергетики в ее борьбе с конвенциональным конкурентом [5].

Понятно, что развитие энергетической зеленой составляющей арабской энергетики не может быть равномерным по всем направлениям. Очевидно также, что ближе других арабских стран к конечной цели окажутся крупные экспортеры нефти и некоторые сравнительно экономически развитые страны (Египет, Алжир, Марокко), которые за предыдущие десятилетия совершили трудный переход к рыночной экономике, которая пока функционирует с определенными изъянами. Тем не менее такие страны получили шанс приступить к диверсификации своих энергосистем.

Другие, менее благополучные, арабские страны едва ли смогут добиться поставленных целей в развитии зеленой энергетики, поскольку вряд

ли будут способны в сжатые исторические сроки преодолеть жесткие социально-экономические проблемы сегодняшнего и грядущего этапов развития, повысить макроэкономическую эффективность, провести структурные хозяйственные реформы, заложив тем самым основы перехода к освоению инновационных методов получения энергии.

На пути реформирования арабской энергетики стоят и другие препятствия, например общая повышенная внутривластная турбулентность, способная, как показали события арабской весны, в любой момент перерасти в жесткие политические и вооруженные конфликты. Если нечто подобное случится в обозримом будущем, то это станет еще одним доказательством того, что арабский регион пока еще не в состоянии уйти от разобщенности, и каждая входящая в него страна развивается самостоятельно своим внутренним алгоритмам, которые в силу исторических, экономических, социальных и других причин плохо поддаются рациональной регулировке.

На этом фоне освоение новых видов генерации едва ли может рассматриваться арабскими странами в качестве абсолютного мерила их социально-экономического развития. Для них, скорее, это очередная задача, по крайней мере, на начальных этапах преобразования национальной энергетики. Естественно, эти страны придают большое значение заимствованию наиболее передовых зеленых технологий из-за рубежа. Однако основные задачи для них заключаются в том, чтобы не просто механически переносить импортные достижения в этой сфере на местные, весьма специфические условия, а приспособлять их к особенностям окружающей среды. Так как при всей видимой заманчивости для арабских стран внедрения принципов зеленой энергетики, понятно, что подобные технологии при нынешнем уровне научно-технического прогресса пока не в состоянии решить проблемы социально-экономического развития и сохранения окружающей среды, весьма остро стоящие перед государствами Арабского региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филоник А. О., ред. Арабский Восток: «зеленый» рост и вызовы современности. М.: Ин-т востоковедения РАН; 2019. 404 с.
2. Булатов А. С., ред. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: КноРус; 2021. 510 с.
3. Акимов А. В., Панарин С. А., ред. Новая система производительных сил и страны Востока. М.: Ин-т востоковедения РАН; 2019. 276 с.

4. The future for renewable energy in the MENA Region. A Report by Clean Energy Pipeline. Washington, DC: Squire Sanders; 2013. 36 p. URL: <https://docplayer.net/23859112-The-future-for-renewable-energy-in-the-mena-region-a-report-by.html> (дата обращения: 25.12.2021).
5. Филоник А.О., Исаев В.А., Морозов В.М. Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики). *Вестник МГИМО-Университета*. 2017;(6):143–160. DOI: 10.24833/2071–8160–2017–6–57–143–160

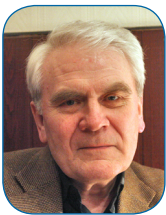
REFERENCES

1. Filonik A. O., ed. The Arab East: Green growth and modern challenges. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2019. 404 p. (In Russ.).
2. Bulatov A. S., ed. World economy and international economic relations. Moscow: KnoRus; 2021. 510 p. (In Russ.).
3. Akimov A. V., Panarin S. A., eds. A new system of productive forces and the countries of the East. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2019. 276 p. (In Russ.).
4. The future for renewable energy in the MENA Region. A Report by Clean Energy Pipeline. Washington, DC: Squire Sanders; 2013. 36 p. URL: <https://docplayer.net/23859112-The-future-for-renewable-energy-in-the-mena-region-a-report-by.html> (accessed on 25.12.2021).
5. Filonik A. O., Isaev V. A., Morozov V. M. Renewables in development of the Arab East (case of solar energy). *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2017;(6):143–160. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071–8160–2017–6–57–143–160

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Александрович Исаев — доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Vladimir A. Isaev — Dr Sci. (Econ.), Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1797-3143>
 v-isaev@yandex.ru

Александр Оскарович Филоник — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
Alexandre O. Filonik — Cand. Sci. (Econ.), Lead Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7455-0361>
 fao44@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 31.01.2022; после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 31.01.2022; revised on 15.02.2022 and accepted for publication on 01.03.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-30-42
УДК 338.1(045)
JEL F64

Экологическая государственная политика России и стран Латинской Америки (на примере Эквадора, Мексики, Бразилии)

В.И. Якунин^а, Т.Ю. Русакова^б

^а МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^б Исследовательская ассоциация Centro, Москва, Россия; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье описываются основные характеристики государственной экологической политики и их влияние на политические процессы в России и ряде стран Латинской Америки. Через призму сравнительного анализа рассматриваются взаимоотношения между человеком и окружающей его средой через посредничество идеологических конструкций и властных отношений, которые помогают отобразить существующие противоречия между культурой и природной средой рассматриваемых стран. Таким образом, в настоящей работе для каждой из стран выделяются и анализируются особые «стили развития», а также приводятся возможные сценарии в сфере экологической политики.

Ключевые слова: экология; государственная политика; экологическое развитие; экстрактивизм; экотерриториальный сдвиг; buen vivir

Для цитирования: Якунин В.И., Русакова Т.Ю. Экологическая государственная политика России и стран Латинской Америки (на примере Эквадора, Мексики, Бразилии). *Мир новой экономики*. 2022;16(2):30-42. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-30-42

Ecological Public Policy of Russia and Latin America (On the Example of Ecuador, Mexico, Brazil)

V.I. Yakunin^a, T. Yu. Rusakova^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^b Research Association Centro, Moscow, Russia; Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article describes the main characteristics of the state environmental policy and their impact on political processes in Russia and a few Latin American countries. Through the prism of comparative analysis, the relationship between a person and his environment is considered through the mediation of ideological constructions and power relations, which help to display the existing contradictions between the culture and the natural environment of the countries in question. Thus, the author identified and analysed in this paper, for each of the countries their specific “development pattern” and presented possible scenarios in the field of environmental policy.

Keywords: ecology; public policy; ecological development; extractivism; eco-territorial progress; buen vivir

For citation: V.I. Yakunin., Rusakova T. Yu. Ecological public policy of Russia and Latin America (on the example of Ecuador, Mexico, Brazil). *The World of the New Economy*. 2022;16(2):30-42. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-30-42

ВВЕДЕНИЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В Латинской Америке, как и во всем мире, экологические проблемы характерны для всех видов природных ресурсов: земельных, лесных, запасов пресных вод, прибрежных и береговых экосистем, атмосферного воздуха.

Латиноамериканский регион — один из первых в мире по территориям, предназначенным для землепользования. Около 47% земли все еще покрыто лесами, но эта цифра быстро сокращается из-за расширения сельскохозяйственных угодий. За полвека (1961–2011 гг.) площадь сельскохозяйственных земель в Латинской Америке значительно выросла, достигнув цифры в 741 млн га¹.

Бурный рост пахотных земель привел к серьезным проблемам в регионе: Латинская Америка страдает от сокращения земель для сельского хозяйства, расширения городов, эрозии почвы и увеличившегося числа лесных пожаров.

Ранее лесные пожары были в основном природного происхождения, а сейчас вызваны в большинстве случаев человеческим фактором. Расширение площадей под сельское хозяйство, добыча древесины при развитии мелкого сельскохозяйственного производства — основные причины сведения лесов.

О деградации почвы (физической, химической и биологической) свидетельствует сокращение растительного покрова, снижение плодородия, загрязнение почвы и воды и, как следствие, обеднение урожая. Основными причинами деградации являются водная эрозия, интенсивное применение агрохимикатов и вырубка лесов².

Деградация почв также связана с бедностью и отсутствием справедливого распределения природных ресурсов: бедные слои населения имеют меньший доступ к земле и воде. В районах с высоким уровнем бедности находится много земель, непригодных для использования в сельском хозяйстве. Прогнозы также показывают, что на 5–6% земельных площадей Латинской Америки к концу века может произойти смена биомов в результате изменения климата [1].

Латиноамериканский регион богат возобновляемыми водными ресурсами, составляющими более 30% мировых запасов. 30% водозаборов в Латинской Америке приходится на подземные воды

[2]. Гидрологический баланс изменяется в результате вырубки лесов, развития землепользования, уменьшения растительного покрова, чрезмерной эксплуатации водоносных горизонтов и осушения естественных водоемов.

Больше всего воды в регионе использует сельскохозяйственный сектор — 70% от всех водозаборов. Далее следуют бытовое использование (20%) и промышленность (10%). На тропические ледники в Андах приходится более 80% доступной пресной воды для населения низовьев и экосистем в полузасушливых тропических регионах Латинской Америки. Их таяние происходит ускоренными темпами, что объясняется изменением климата [3].

В регионе существуют две основные проблемы, связанные с водными ресурсами: сокращение доступности воды и потеря ее качества. Уменьшение количества воды (количественная деградация) происходит, когда изменяется водный баланс и используется больше воды, чем имеется в наличии. Потеря качества (загрязнение) происходит, когда полезность воды снижается, а свойства повреждаются под воздействием окружающей среды и ее организмов. Эта ситуация вызвана в основном недостаточной степенью или вообще отсутствием очистки воды и бесконтрольным применением химических удобрений. Загрязнение воды добывающей отраслью также ведет к снижению ее качества³. Кроме того, искусственные каналы, плотины и активная городская застройка вызывают изменения в водных экосистемах⁴.

Загрязнение воздуха — это еще одна острая проблема в сфере экологии, от которой страдает Латиноамериканский регион. Это происходит из-за высоких темпов урбанизации, роста населения и промышленности и постоянно увеличивающегося числа автомобилей.

Более 80% населения Латинской Америки и Карибского бассейна⁵ проживает в городских районах. Рост населения также влияет на окружающую среду, причем не только через потребление и использование природных ресурсов, но и косвенно, например, это может выражаться в возникновении острых конфликтов из-за ограниченных ресурсов.

Таким образом, глобальное изменение климата оказывает негативное влияние на регион Латинской

¹ URL: <https://www.fao.org/americas/prioridades/suelo-agua/es/>

² URL: <http://www.fao.org/3/t2351s/T2351S08.htm>

³ URL: <http://www.fao.org/americas/prioridades/suelo-agua/es>

⁴ Там же.

⁵ URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/americas-latinas-es-la-region-mas-urbanizada-del-mundo-en-desarrollo-20171116500>

Америки с учетом его социально-экономической и экологической уязвимости. Сочетание антропогенных факторов может вывести некоторые региональные социально-экологические системы за пределы критических точек и привести к резкому сокращению биоразнообразия [4].

ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ОПЫТ МЕКСИКИ, ЭКВАДОРА, БРАЗИЛИИ И РОССИИ

Столкнувшись с серьезными проблемами состояния окружающей среды, страны Латинской Америки начали внедрять различные механизмы управления и устойчивого развития природных ресурсов. Все рассматриваемые страны являются участниками международных договоров по охране окружающей среды и активно внедряют климатические проекты.

Так, в Бразилии в 1980-х гг. стали определять институциональные рамки для сохранения Амазонии. Одной из них стала национальная экологическая политика. В 1990-х гг. тема экологии в стране приобрела актуальность в связи с проведением конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. Тогда же Бразилия создала первые заповедники для добычи полезных ископаемых и начала процесс демаркации территорий коренных народов, что позволило замедлить продвижение сельскохозяйственных границ и урбанизацию местных лесов. Кроме того, в 1994 г. была принята Национальная программа по биологическому разнообразию.

В 2000-х гг. Бразилия запустила один из новаторских и наиболее важных в мире проектов по сохранению биоразнообразия под названием «Агра» для устойчивого развития региона Амазонки. А в 2010 г. Бразилия вновь принимала конференцию ООН «Рио+20».

За последние три десятилетия Бразилия добилась большого прогресса в реализации повестки дня по биоразнообразию. В 2021 г. стартовал проект GEF-Pro-Especies, цель которого — сохранение видов, находящихся под угрозой исчезновения. Проект состоит из четырех компонентов: сохранение исчезающих видов; контроль и предотвращение незаконной охоты, рыболовства, незаконной добычи растений, борьба с контрабандой растений и животных; предотвращение и раннее обнаружение инвазивных чужеродных видов и быстрое реагиро-

вание на эти ситуации; координация, мониторинг и коммуникация⁶.

Проект финансируется Глобальным экологическим фондом (ГЭФ) при участии федерального правительства, штатов и муниципалитетов. Планируется, что он будет работать как минимум в 13 штатах страны, охватывая в общей сложности 9 млн га. Предполагаемая продолжительность проекта GEF Pro-Especies — 4 года⁷.

За последние несколько лет Министерство охраны окружающей среды Эквадора также реализовало ряд важных инициатив. Прежде всего, речь идет о программах стимулирования лесного хозяйства, программах по очистке источников воды, а также об инициативах по управлению твердыми отходами через программы экологического образования и ликвидации открытых свалок по всей стране.

Стоит упомянуть программу Socio Bosque, целью которой является совершенствование социально-экологических механизмов, направленных на укрепление финансовой устойчивости зеленой экономики. Важную роль сыграла концепция Buen Vivir⁸ как новая модель справедливого и сбалансированного развития. Благодаря обеим программам в 2020 г. в Эквадоре было сохранено 1 670 000 га леса⁹.

Мексика также активно внедряет программы по сохранению видов и охране экологии. В 2018 г. по инициативе президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора был представлен проект Sembrando Vida, направленный на борьбу с деградацией почв и обезлесением. Правительство намерено посадить 3 400 000 деревьев, при этом оно платит сельским жителям, которые сажают деревья. Как считают мексиканские власти, такая инициатива не только сохраняет территории страны от обезлесения, но еще и вносит вклад в продовольственную безопасность, так как сажаются преимущественно фруктовые деревья¹⁰.

⁶ Brasil lanza un proyecto para proteger especies amenazadas de extinción. URL: <https://www.wwf.org.br/?65584/Brasil-lanza-un-proyecto-para-proteger-especies-amenazadas-de-extincin>

⁷ Там же.

⁸ Buen Vivir — интеллектуальное движение, возникшее в андском регионе в конце XX — начале XXI в., базирующееся на этических принципах и знаниях коренных народов Латинской Америки. Основные постулаты Buen Vivir критикуют существующие западные модели развития общества.

⁹ Ecuador alcanza acuerdos de cooperación ambiental. URL: <https://www.ambiente.gob.ec/ecuador-alcanza-acuerdos-de-cooperacion-ambiental/>

¹⁰ URL: <https://www.gob.mx/sembrandovida>

В рамках программ и инициатив по сохранению окружающей среды и укрепления устойчивого развития следует особенно отметить ратификацию Мексикой соглашения Эскасу в 2021 г. Это первое соглашение в Латинской Америке и Карибском бассейне, которое призвано гарантировать участие общественности, доступ к информации и правосудию в вопросах охраны окружающей среды¹¹. Латинская Америка — регион, где в настоящее время убивают больше всего экологических правозащитников, поэтому ратификация соглашения Эскасу (его также ратифицировал и Эквадор) свидетельствует о понимании важности экологических проблем и расширяет права и возможности граждан в сфере охраны окружающей среды.

Россия, как и упомянутые выше латиноамериканские страны, давно является полноправным участником процесса по формированию повестки устойчивого развития. В 1996 г. была принята концепция перехода к устойчивому развитию¹², которая включала в себя ряд решений социально-экономического характера и предложений по сохранению благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала для обеспечения потребностей нынешнего и будущих поколений.

Главная особенность российских инициатив по сохранению окружающей среды состоит в том, что они интегрируются в национальные проекты, прописываются как в федеральных документах, так и в стратегиях развития российских регионов. В настоящее время Россия является участницей примерно 100 международных соглашений в области охраны окружающей среды. Наиболее эффективно международное сотрудничество развивается в совершенствовании системы особо охраняемых природных территорий¹³.

В начале ноября 2020 г. президент России Владимир Путин подписал Указ о сокращении выбросов парниковых газов в целях реализации Российской Федерацией своих обязательств по Парижскому со-

глашению. Указом президента правительству России поручено к 2030 г. обеспечить сокращение выбросов парниковых газов до 70% от уровня 1990 г.¹⁴

Таким образом, внедряя программы и инициативы, направленные на сохранение окружающей среды на уровне государственной политики, Россия и страны Латинской Америки сосредотачиваются прежде всего на устранении зависимости экономического роста от использования природных ресурсов посредством устойчивого управления экосистемами и поиска альтернативных решений.

Однако, несмотря на все усилия, эти страны испытывают определенные трудности с реализацией инициатив, направленных на сохранение окружающей среды. Это связано, прежде всего, с экономическими и политическими факторами, которые напрямую влияют на принятие решений государства в области экологической политики.

Некоторые успехи, достигнутые в области охраны окружающей среды, «размываются» из-за осуществления политики экстрактивизма — подхода, подразумевающего добычу полезных ископаемых и сверхэксплуатацию природных ресурсов как государством, так и крупным бизнесом.

Реализация ряда крупных инфраструктурных мегапроектов в России и странах Латинской Америки угрожает окружающей среде, снижает биоразнообразие и провоцирует серьезные социально-экологические конфликты. В конечном счете осуществление этих проектов показывает, что для правительств в настоящее время экологические проблемы пока не являются приоритетными. Это также доказывает ряд кейсов, описанных ниже.

МЕКСИКА

В настоящее время мексиканское правительство фокусируется на привлечении иностранных инвестиций и создании новых рабочих мест, чтобы восстановить экономику, пострадавшую от COVID-19. Следует отметить, что и до пандемии государственная политика отнюдь не была направлена на разрешение экологического кризиса. По мнению авторитетного мексиканского биолога Виктора Толедо, кризис окружающей среды длится в стране уже несколько лет¹⁵.

¹¹ México ratifica el acuerdo de Escazú que entrará en vigor 22 de abril. URL: <https://www.efe.com/efe/america/mexico/mexico-ratifica-el-acuerdo-de-escazu-que-entrara-en-vigor-22-abril/50000545-4447235>

¹² Указ президента Российской Федерации о концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9017665>

¹³ Россия в международных природоохранных конвенциях и соглашениях. URL: <https://geographyofrussia.com/rossiya-v-mezhdunarodnyx-prirodooxrannyx-konvencionax-i-soglasheniyax/>

¹⁴ Путин поручил сократить выбросы парниковых газов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4559047>

¹⁵ La democracia directa y participativa es la solución a la crisis ambiental y civilizatoria. URL: <https://unamglobal.unam.mx/la-democracia-directa-y-participativa-es-la-solucion-a-la-crisis-ambiental-y-civilizatoria-victor-toledo/>

Лучшее доказательство этому — сокращенный еще до пандемии бюджет всего экологического сектора. За последние пять лет в Мексике наблюдается резкое сокращение бюджетных ассигнований на охрану окружающей среды: если в 2015 г. весь экологический сектор насчитывал 67 976 млн песо (3 млрд долл. США), то в 2020 г. эта цифра сократилась до 29 869 млн песо (1,5 млрд долл. США)¹⁶. Пандемия COVID-19 еще сильнее повлияла на сокращение бюджетных расходов ведомства. Министрство охраны окружающей среды и природных ресурсов (SEMARNAT), а также Национальная комиссия по охраняемым природным территориям (CONANP), Национальная комиссия по лесному хозяйству (CONAFOR) и Федеральная генеральная прокуратура по охране окружающей среды (PROFEPA) работали с минимальными финансовыми ресурсами. Это привело к тому, что учреждения не смогли в полной мере выполнять свои функции, в том числе осуществлять мониторинг в целях борьбы с экологическими преступлениями.

Кроме того, SEMARNAT стало ведомством, которое чаще всего меняло своих руководителей: за два года у него их было три. Причем отставка одного из министров SEMARNAT была связана с его стремлением запретить ряд гербицидов, что спровоцировало конфликт министерства с мощным аграрным лобби и горнодобывающим бизнесом, позиции которых традиционно сильны в Мексике.

В Мексике после прихода к власти Андреса Мануэля Лопеса Обрадора началось интенсивное продвижение мегапроектов нефтеперерабатывающего завода «Дос Бокас» и «Поезд «Майя» (проект с инвестициями в размере 6,294 млрд долл. на строительство около 1554 км железной дороги в пяти юго-восточных штатах: Чиapas, Табаско, Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо). Строительство НПЗ «Дос Бокас» в низинах штата Табаско является поводом для беспокойства по нескольким причинам. Воздействие мегапроектов на окружающую среду уже сказывается на прибрежных лагунах и мангровых зарослях. «Поезд Майя» и НПЗ — единственные масштабные проекты, продвигаемые федеральным правительством. Существует также проект «Интеграл Морелос», который разрабатывается с 2012 г. и предусматривает строительство двух электростанций, работающих на природном

газе; газопровода, который пересекает три штата: Тлакскала, Пуэбла и Морелос; а также — акведука для извлечения воды из реки Куаутла в Морелосе. Кроме того, выделяются ресурсы на модернизацию электростанций, работающих на угле, дизельном топливе, газе и нефти.

Следует отметить, что 91% производимой в Мексике энергии поступает из углеводородов, и страна должна будет снизить это число и увеличить объем энергии из возобновляемых источников. Среди обязательств, принятых Мексикой и закрепленных в Общем законе об изменении климата, — сокращение к 2050 г. выбросов парниковых газов на 50% от уровня 2000 г., а также нулевое обезлесение к 2030 г.¹⁷

Обезлесение и незаконная вырубка лесов — еще одна серьезная проблема Мексики. По данным исследования Университета Мэриленда, опубликованного организацией Global Forest Watch, с 2002 по 2020 г. страна потеряла 662 тыс. га девственных лесов¹⁸. Одна из главных причин обезлесения — расширение плантаций авокадо и других коммерческих культур (вроде африканской пальмы или сои). Кроме того, незаконная вырубка лесов стала частью криминального бизнеса. По меньшей мере, половина продаваемой в стране древесины имеет нелегальное происхождение и контролируется группами, связанными с наркобизнесом. Это обстоятельство лишает работы общинные лесозаготовительные предприятия.

В Мексике общинные лесозаготовительные предприятия (ОЛП) берут свое начало в эхидо, или аграрных общинах, представляющих собой социальные организации, которые владеют лесными землями на общих основаниях, имеют разный уровень производственной интеграции и производят древесину для коммерческих целей. С точки зрения управления и бизнеса многие лесные предприятия общин Мексики не были успешными из-за навязывания государственных программ по сохранению лесов и неадекватных моделей интеграции в рыночную экономику. Из 584 лесных общин в Мексике лишь немногие зарекомендовали себя как конкурентоспособные.

По данным отраслевого СМИ Mongabay, до пандемии COVID-19 общинные лесозаготовитель-

¹⁶ Presupuesto ambiental sufre descalabro de 37 por ciento. URL: <https://www.excelsior.com.mx/nacional/presupuesto-ambiental-sufre-descalabro-de-37-por-ciento/1349656>

¹⁷ Compromisos de mitigación y adaptación ante el cambio climático para el periodo 2020–2030. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/162974/2015_indc_esp.pdf

¹⁸ URL: <https://gfw.global/3Hr3tjX>

ные предприятия создавали по всей стране около 160 тыс. рабочих мест¹⁹, и до сих пор нет официальных данных о том, сколько из них было потеряно. Между тем, общины, которые производят легальную древесину, должны бороться не только с присутствием организованной преступности и безнаказанностью, но и с чрезмерной бюрократической волокитой и отсутствием политики и бюджетов, направленных на укрепление лесного хозяйства.

Таким образом, процесс обезлесения в Мексике бьет не только по экологии, но и провоцирует серьезные социально-экологические конфликты. В этом смысле экологические проблемы следует понимать как социальные, которые затрагивают наиболее уязвимые группы населения, прежде всего коренные народы, чей уклад жизни из-за экологических проблем неотвратимо разрушается.

Мексика входит в число четырех наиболее опасных стран (после Филиппин, Колумбии и Бразилии) для защитников окружающей среды, согласно докладу, представленному Global Witness в июле 2020 г. В 2019 г. в стране было убито 18 защитников окружающей среды и территорий²⁰. Пока проблема убийств на почве экологии Мексикой никак не решается. Более того, президент Мексики Лопес Обрадор склонен обвинять НКО, которые занимаются экологическими вопросами и защитой прав человека, в том, что они выступают против мегапроектов и корыстно помогают коренному населению противостоят строительству легальными способами, тем самым дестабилизируя ситуацию в регионе. Согласно заявлению президента, неправительственные организации, выступающие против строительства «Поезда Майя», получают финансирование из-за рубежа в размере более 13 млн долл.²¹

Действия правительства показывают, что мексиканская государственная экологическая политика до сих пор существует в парадигме экстрактивизма²²

и направляет усилия на расширение использования природных ресурсов, не уделяя должного внимания вопросам окружающей среды. Этот курс в целом противоречит климатической повестке и выполнению международных обязательств.

ЭКВАДОР

За четыре года правления Ленина Морено Министерство окружающей среды было существенно ослаблено: сменилось шесть министров, само министерство объединилось с Секретариатом по водным ресурсам, был серьезно уменьшен бюджет обоих учреждений, а в объединенном ведомстве прошли масштабные сокращения: только в 2020 г. было уволено почти 400 сотрудников²³.

На серьезный кризис, который только усугубился с пандемией коронавируса, наложилось традиционные для Эквадора проблемы в области окружающей среды: угрожающие масштабы обезлесения и экологические конфликты с представителями коренных народов.

В течение нескольких десятилетий сильному обезлесению тропических лесов Эквадора не уделялось достаточного внимания. Утрата лесов является серьезной проблемой в Эквадоре на протяжении почти трех десятилетий. По данным ряда исследований, за последние 26 лет страна потеряла более 2 млн га тропического леса, что составляет около 7,8% от общей площади Эквадора²⁴. По мнению экспертов, это произошло благодаря углублению экстрактивизма как основы эквадорской экономической модели²⁵.

Исчезновение тропических лесов в Эквадоре означало бы не только потерю одного из самых биологически разнообразных мест в мире, но и тысяч уникальных видов растений на планете. Их утрата может изменить целые экосистемы. Исследователи

минералами или нефтью, он также присутствует в сельском хозяйстве, лесоводстве и даже рыболовстве.

²³ 398 personas fueron desvinculadas del Ministerio del Ambiente y Agua; guardaparques rechazan la medida. <https://www.elcomercio.com/tendencias/ambiente/personas-desvinculadas-ministerio-ambiente-ecuador.html>

²⁴ Estudio señala que Ecuador registró la pérdida más alta de bosque en la Amazonía durante el año 2020. URL: <https://www.elcomercio.com/tendencias/ambiente/estudio-ecuador-perdida-bosque-amazonia.html>

²⁵ Doménica Montaña. Nuevo estudio: en los últimos 26 años Ecuador ha perdido más de 2 millones de hectáreas de bosque. URL: <https://es.mongabay.com/2021/03/nuevo-estudio-en-los-ultimos-26-anos-ecuador-ha-perdido-mas-de-2-millones-de-hectareas-de-bosque/>

¹⁹ Los desafíos ambientales de México en el 2021. URL: <https://es.mongabay.com/2021/01/desafios-ambientales-mexico-2021-acuerdo-de-escazu-nuevas-leyes-bosques-clima/>

²⁰ Defender el mañana. URL: <https://www.globalwitness.org/es/defending-tomorrow-es/>

²¹ Fundaciones extranjeras financian oposición al Tren Maya, acusa AMLO. URL: <https://www.proceso.com.mx/nacional/2020/8/28/fundaciones-extranjeras-financian-oposicion-al-tren-maya-acusa-amlo-248452.html>

²² Эквадорский экономист А. Акоста под данным термином понимал виды деятельности, связанные с извлечением больших объемов природных ресурсов, которые не перерабатываются (или перерабатываются лишь в ограниченной степени). Согласно концепции Акосты, экстрактивизм не ограничивается

из проекта LaForeT обнаружили, что люди, живущие в тропических лесах или вблизи них, были вынуждены преобразовывать определенные лесные территории в сельскохозяйственные (включая территории под монокультуры). Необходимость выживания и использования богатых природных ресурсов привела к потере огромного количества растительности в Эквадоре²⁶.

Обезлесение имеет не только экологические последствия. В таких странах, как Эквадор, это явление имеет серьезные последствия для жизни людей, которые (особенно представители коренных народов) могут остаться без ресурсов, необходимых для выживания.

В стране с 2017 г. действует Органический экологический кодекс, регулирующий экологическое законодательство, включающее управление лесами. Однако на практике он практически не реализуется.

Еще одна яркая иллюстрация экологических проблем, которые испытывает Эквадор, — это ситуация с Национальным парком Ясуни в эквадорской Амазонии. Этот регион, где уровень биоразнообразия наиболее высок, до недавнего времени был «последней надеждой» для экологов.

Инициатива Yasuní-ITT (Ishpingo-Tambococha-Tiputini) заключалась в отказе от добычи нефти, запасы которой были на территории парка, с сохранением при этом экосистемы Ясуни. В 2007 г. с такой инициативой выступил бывший президент Рафаэль Корреа. Речь шла также о компенсации от мирового сообщества в размере 3,6 млрд долл.,²⁷ — эти деньги должны были быть инвестированы в возобновляемые источники энергии, защиту биоразнообразия и сохранение 44 охраняемых территорий. С помощью этого проекта, который был связан с общей концепцией Buen Vivir, Эквадор планировал прийти к постэкстрактивистской модели общества и, как следствие, к повышению уровня жизни граждан Эквадора. Однако в 2013 г. этот план был отменен правительством Корреа на том основании, что международное сообщество не выплатило Эквадору достаточной компенсации.

В ответ на экологическую угрозу Ясуни возникло несколько групп экологов. Одна из них, Yasunidos, планировала провести референдум по данному вопросу, для чего активистам необходи-

мо было собрать подписи не менее 5% электората. В случае успеха на референдум был бы вынесен вопрос о том, стоит ли навсегда останавливать добычу нефти в Национальном парке Ясуни.

В апреле 2014 г. было собрано 780 тыс. подписей. Однако несколько недель спустя Национальный избирательный совет подтвердил только 360 тыс. из них, чего было недостаточно для вынесения вопроса о Ясуни на общественное обсуждение. Поэтому президент Корреа объявил, что продолжит добычу нефти в Ясуни²⁸.

Второй этап спорного проекта Ishpingo-Tambococha-Tiputini (ИТТ), начатый в 2016 г., вызвал ожесточенную критику со стороны защитников природы и организаций гражданского общества. На Тамбокоча-2 компания Petroamazonas планировала построить четыре платформы и пробурить почти 100 скважин. Компания настаивала, что будет делать это незаметно, сосредоточив бурение на небольшой территории, закопав трубы и приняв меры предосторожности против разливов нефти. Однако экологические группы заявляли, что невозможно гарантировать нулевое воздействие на такую биологически чувствительную территорию. Они настаивали, что угрозы для экосистемы не только сохранятся, но и усилятся²⁹.

В октябре 2020 г. Конституционный суд Эквадора принял к рассмотрению чрезвычайный иск о защите коллектива «Ясунидос», основной целью которого является сохранение нефтяных запасов, находящихся в Ясуни. Но решение пока не принято.

Следует отметить, что в Эквадоре суд иногда становится на сторону правозащитников, экологов и общественности. Так, в 2021 г. в городе Куэнка на южном нагорье Эквадора 80% населения в ходе референдума проголосовало за запрет на горнодобывающую деятельность в районах пополнения водных ресурсов рек Томебамба, Тарки, Янункай, Мачангара и Норкай. Эти пять рек являются самыми крупными в городе и его окрестностях, и важны, потому что они снабжают водой население Куэнки³⁰.

²⁶ Deforestación en paisajes forestales tropicales en Ecuador. URL: http://inabio.biodiversidad.gob.ec/wp-content/uploads/2021/01/LAFORET_WEB.pdf, p. 31.

²⁷ ¿Por qué fracasó la iniciativa Yasuní-ITT? URL: <http://ibdigital.uib.es/greenstone/collect/cd2/index/assoc/ocud0016.dir/ocud0016.pdf>

²⁸ El president de Ecuador defiende la explotación de petróleo en la Amazonía. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20141107/54419022169/correa-defiende-extraer-petroleo-en-la-amazonia-y-dice-afectacion-sera-minima.html>

²⁹ Yasunidos pide que no se explote el campo Ishpingo. URL: <https://www.eltelegrafo.com.ec/noticias/politica/3/yasunidos-pide-que-no-se-explote-el-campo-ishpingo>

³⁰ Voters backed prohibition on mining in Ecuador city of Cuenca, mayor says. URL: <https://www.reuters.com/article/ecuador-mining-idUSL1N2KE2C3>

Победа на референдуме является серьезным прецедентом, гарантирующим права человека на воду, защищаемые Конституцией Эквадора (но не всегда реализуемые), и демонстрирует обозначившуюся тенденцию ставить права природы выше экономических выгод от сверхэксплуатации природных ресурсов в стране.

В отдельных случаях решения выносились в пользу природы, которая, согласно конституции Эквадора, также является субъектом права. Однако результаты президентских выборов в 2021 г. показывают, что общий курс на укрепление экстрактивизма будет продолжен. Другой альтернативы для стимулирования экономики Эквадора Гильермо Лассо — пришедший к власти представитель правых сил — не имеет.

Так, в ходе президентской кампании Лассо неоднократно заявлял, что Эквадор не может позволить себе держать нефтяные и горнорудные ресурсы под землей, никак их не используя³¹. По его словам, горнодобывающая и нефтяная отрасли являются важными факторами роста экономики, и поэтому нужно расширить эксплуатацию нефтяных и горных месторождений. Лассо упоминал о передовых технологиях, чтобы минимизировать вред окружающей среде. Однако, учитывая тот факт, что добывающая деятельность в принципе невозможна без отрицательного воздействия на окружающую среду, с большой вероятностью можно предположить, что во время президентства Г. Лассо «уважение к окружающей среде» скорее останется на бумаге, нежели перейдет в практическую плоскость.

БРАЗИЛИЯ

Бразилия, ставшая после международной конференции Эко-92 одним из главных акторов по борьбе с изменением климата и запретившая вырубку тропических лесов в Амазонии, теперь реализует, скорее всего, антиэкологическую политику.

Правительство Жаира Болсонару сокращает бюджет страны на охрану окружающей среды. В 2021 г. ассигнования для Министерства охраны окружающей среды и подведомственных ему учреждений уменьшились практически на четверть по сравнению с тем же периодом прошлого года и сейчас

составляют 2 млрд реалов (365,3 млн долл.)³². Особо следует отметить тот факт, что решение было принято всего через день после Саммита по климату, где президент Бразилии пообещал удвоить расходы на охрану окружающей среды. Такие жесткие бюджетные ограничения могут в значительной степени парализовать работу природоохранных учреждений.

Помимо сокращения ассигнований на работу учреждений, которые занимаются проблемами окружающей среды, так же, как и в упомянутых выше кейсах Эквадора и Мексики, Бразилия не избежала серьезных кадровых изменений в природоохранных организациях. Особенно показательна ситуация с «милитаризацией кадров» в Бразильском институте окружающей среды (ИВАМА): оттуда были уволены специалисты (экологи, ученые, социологи), непосредственно занимающиеся проблемами экологии, а на их места (с нарушением ряда юридических требований к найму) назначены военные, не имеющие соответствующей квалификации³³.

Также правительство Болсонару практически парализовало службу охраны лесов, передав ее в подчинение Министерству сельского хозяйства, возглавляемое представителем лобби агробизнеса. Антиэкологическую тенденцию бразильской государственной политики демонстрируют не только организационные изменения, касающиеся учреждений, связанных с охраной окружающей среды, но данные Национального института космических исследований (INPE), который собирает данные о сокращении площади лесов с 2015 г. Согласно информации этой организации, площадь обезлесения в Амазонии в 2021 г. увеличилась на 42,5% по сравнению с 2020 г.³⁴

Ситуация с исчезновением лесов усугубляется распространением пожаров неприродного происхождения в регионе. За весь 2020 г. в бразильской Амазонии было зарегистрировано 103 161 очаг по-

³¹ Ecuador: Lasso, Correa y los límites del extractivismo. URL: <https://www.politicaexterior.com/ecuador-lasso-correa-y-los-limites-del-extractivismo/>

³² Um dia após promessa na Cúpula do Clima, Bolsonaro corta verba para meio ambiente. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2021/04/um-dia-apos-promessa-na-cupula-do-clima-bolsonaro-corta-verba-para-meio-ambiente.shtml>

³³ Servidores do IBAMA protestam contra nomeações de militares por Salles. URL: <https://istoe.com.br/servidores-do-ibama-protestam-contranomeacoes-de-militares-por-salles/>

³⁴ La Amazonía brasileña bate su récord histórico de deforestación en abril tras perder más de 580 km de la selva. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20210507/amazonia-brasilena-bate-su-record-deforestacion-abril/2089127.shtml>

жара, что на 15,6% больше, чем в 2019 г.³⁵ и является самым высоким показателем с 2017 г.

Антиэкологический тренд связан с тем, что Болсонару продвигает политику продуктивного использования Амазонии. Во время своей президентской кампании он пообещал, что откроет этот регион для коммерческого развития, включая крупномасштабную добычу полезных ископаемых и развитие сельского хозяйства.

При этом бразильскими властями игнорируется тот факт, что регион Амазонии является заповедной землей для коренных народов. Для бразильского правительства коренное население — это прежде всего люди, которые просто занимают 13–14% богатых полезными ископаемыми и другими ресурсами земель, но сами ничего не производят. А поэтому территории, на которых они проживают, должны более рационально использоваться.

В феврале 2020 г. Болсонару представил законопроект³⁶, который разрешал бы проекты по разведке полезных ископаемых в резервациях коренных народов Амазонии (сейчас это запрещено законом). Ради развития агробизнеса на этих территориях Болсонару планирует также выйти из Конвенции № 169 МОТ, которая защищает коренные народы и их земли.

Глава Бразилии утверждает, что «Бразилия ничего не должна миру в отношении сохранения окружающей среды»³⁷ и изменил процедуру экологического лицензирования, чтобы облегчить строительство на землях коренных народов. Было объявлено о нескольких новых крупных инфраструктурных проектах, в том числе о строительстве плотины на реке Тромбетас, моста через Амазонку и о 500-километровом продлении дороги, которая пересечет тропический лес от Амазонки до границы с Суринамом. Рост количества инфраструктурных проектов на охраняемых территориях и попытка коммерческого освоения Амазонии для экономической эксплуатации региона чреват взрывным

ростом экологических конфликтов и усилением социального напряжения.

Антиэкологическая политика властей уже спровоцировала конфликты между нелегальными старателями и фермерами и представителями коренных народов. В апреле 2021 г. в штате Рорайма начались столкновения гаримпейру (старателей, добывающих золото) и индейцев яномами, на чьей территории находятся крупные золотые прииски³⁸. Несмотря на то что легальная добыча золота на этих землях невозможна из-за их текущего охраняемого статуса, данные территории труднодоступны и недостаточно контролируются правительством, что подталкивает старателей заниматься на них криминальной деятельностью.

Все вышесказанное дает основания заключить, что с момента вступления Жаира Болсонаро в должность президента в начале 2019 г. в Бразилии начался фактический демонтаж государственной политики, направленной на сохранение окружающей среды ради активного экономического роста.

При сохранении существующей антиэкологической тенденции государственной политики Бразилии есть вероятность дальнейшего обострения социально-экологических конфликтов в регионе, а сама страна рискует стать окончательным «экологическим аутсайдером».

РОССИЯ

Ситуация с экологической повесткой в России, на первый взгляд, в отличие от латиноамериканских кейсов, более позитивна, что показывает увеличившийся объем финансирования инициатив по охране окружающей среды.

Согласно заявлению президента России, страна к 2024 г. увеличит объем средств на охрану окружающей среды на 50% и направит в этот сектор около 1 трлн руб.³⁹ (13065 млн долл.). Эти средства пойдут на развитие инфраструктуры, переработку твердых отходов, снижение уровня загрязнения воздуха, очистку водных ресурсов и борьбу с обезлесением.

Еще в 2009 г. Москва приняла климатическую доктрину, в которой впервые признала ответствен-

³⁵ La Amazonía brasileña perdió más de 8 mil km2 de selva en 2020. URL: <https://www.portalambiental.com.mx/impacto-ambiental/20210114/la-amazonia-brasilena-perdio-mas-de-8-mil-km2-de-selva-en-2020>

³⁶ Bolsonaro cumple sus promesas sobre la Amazonía y los indígenas de Brasil temen un “etnocidio”. URL: <https://www.nytimes.com/es/2020/04/19/espanol/america-latina/bolsonaro-brasil-amazonia-indigena.html>

³⁷ Brasil renuncia al liderazgo global bajo el gobierno de Bolsonaro. URL: <https://dialogochino.net/es/clima-y-energia-es/27469-brasil-renuncia-al-liderazgo-global-bajo-el-gobierno-de-bolsonaro/>

³⁸ Mineração e garimpo disputam área maior do que a Bélgica dentro da Terra Indígena Yanomami. URL: <https://brasil.elepaiz.com/brasil/2021-06-22/mineracao-e-garimpo-disputam-area-maior-do-que-a-belgica-dentro-da-terra-indigena-yanomami.html>

³⁹ Путин: Россия потратит 1 трлн рублей на решение экологических проблем. на охрану окружающей среды на 50% на 1 триллион рублей. URL: <https://rg.ru/2020/09/23/putin-rossiia-potrati-1-trln-rublej-na-reshenie-ekologicheskikh-problem.html>

ность человека за процесс глобального потепления. Российские власти признают серьезность проблемы изменения климата⁴⁰, хотя еще совсем недавно они разделяли точку зрения скептиков, которые отрицали тот факт, что деятельность человека никак не влияет на изменение климата.

В 2019 г. Россия стала полноправным участником Парижского соглашения (ПС) по климату, что демонстрирует изменение отношения российских властей к этой проблеме. Россия входит в число крупнейших мировых эмитентов парниковых газов⁴¹, что обуславливает повышенное внимание к ее государственной экологической политике со стороны мирового сообщества.

Обязательства в рамках ПС потребуют кардинального преобразования российской экономики, так как значительная часть выбросов приходится на энергетический сектор⁴². Поэтому российские власти уже одобрили⁴³ программу модернизации теплоэлектростанций, а на законодательном уровне обсуждается проект закона о государственном регулировании выбросов парниковых газов, — речь идет о создании системы их инвентаризации. Также рассматривается вопрос о вводе оплаты за эмиссию двуокиси углерода сверх фиксированной нормы и системе торговли квотами. В рамках выполнения своих обязательств в ПС Россия обязуется снизить объем выбросов парниковых газов к 2030 г. на 25–30% от уровня 1990 г. До настоящего времени это обязательство выполнялось, но следует отметить, что низкий уровень выбросов — следствие упадка производства на территории страны после распада СССР.

Помимо изменения климата, главные проблемы, с которыми сталкивается Россия в вопросах сохранения окружающей среды — последствия экологических катастроф и переработка мусора.

За последние несколько лет наша страна столкнулась с несколькими экологическими катастрофами, которые заставили власти принять срочные

меры. Самой масштабной в России (и крупнейшей в Арктике) стала утечка из ТЭЦ-3 АО «НТЭК» (принадлежит компании «Норникель») в 2020 г. около 21 тыс. т дизельного топлива. Несмотря на заявления «Норникеля» о том, что ситуация под контролем, и обязательство направить (в качестве уплаты штрафа) 150 млрд руб.⁴⁴ для очистки и рекультивации пострадавшей территории, затраты на устранение последствий будут несоизмеримо выше. Арктическим экосистемам нанесен непоправимый ущерб, который практически невозможно будет устранить из-за климатических особенностей территории, на которой произошел разлив.

Экологические катастрофы, подобные произошедшей в Норильске, показывают, что Россия так же, как и рассмотренные ранее латиноамериканские государства, практикует экстрактивистскую парадигму. Природные ресурсы и инфраструктура эксплуатируются без необходимой модернизации последней и без усиленного контроля государства, тогда как получение экономической выгоды ставится в приоритет.

Такая модель государственной экологической политики приводит к нарастанию социально-экологических конфликтов, когда недовольные ею граждане прибегают к протестам. По данным Института экономики роста им. Столыпина, экологическая ситуация в России хуже, чем в других развитых и развивающихся странах. Россия занимает 52-е место в рейтинге стран по состоянию окружающей среды (наряду с Венесуэлой, Кубой и Панамой)⁴⁵. Одна из ключевых проблем, ухудшающих экологическую ситуацию, — отсутствие системы обращения с отходами.

В 2017 г. в России случился «мусорный кризис», когда в Москве, Московской области и других частях страны были организованы масштабные акции протеста против полигонов и свалок. Одним из самых показательных стал протест жителей поселка Шиес около Архангельска. Туда, по первоначальному замыслу властей, мусор должен был доставляться из Москвы, которая уже не справлялась с собственными отходами.

Протесты жителей возымели нужный эффект, и уже в 2018 г. президент России Владимир Путин утвердил национальный проект «Экология», кото-

⁴⁰ «Россия ощущает угрозы»: Путин рассказал о борьбе с изменением климата. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/04_a_13620800.shtml

⁴¹ Климатическая повестка России: реагируя на международные вызовы. ЦСР, Москва, 2021. С. 17. URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2267/2021_1_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82_%D0%A6%D0%A1%D0%A0_%D0%90%D0%A6_%D0%A0%D0%AD%D0%90_%D0%A1%D0%A6.pdf

⁴² URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/17409.pdf>

⁴³ URL: <https://minenergo.gov.ru/node/13784>

⁴⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406560>

⁴⁵ Системы управления бытовыми отходами разных стран: рецепты для России. URL: <https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2019/10/sistemy-utilizatsii-othodov-raznyh-stran-25-09-2019.pdf> С. 18.

рый устанавливает целевой показатель переработки 36% твердых бытовых отходов (ТБО) к 2024 г.⁴⁶ По данным Гринпис, в настоящее время в России ежегодно образуется около 70 млн т отходов, из них перерабатывается около 4%, сжигается — 2%.⁴⁷

Однако экологи критикуют меры правительства по реализации зеленых проектов, включая планы правительства построить 30 мусоросжигательных заводов. По мнению руководителя токсикологического отдела компании Greenpeace в России Алексея Киселева, использование устаревших технологий сжигания отходов вместо их переработки негативно скажется на экологии⁴⁸.

На принятие решений в сфере охраны окружающей среды влияет также фактическое отсутствие единого экологического движения в России и экологических НПО. Последние зачастую признаны в России иностранными агентами и не могут способствовать созданию больших экологических проектов, ограничиваясь решением локальных проблем вроде ликвидации свалок, борьбы с точечной застройкой, вырубкой парков и лесов. Отсутствие экспертизы и широкого обсуждения экологических проблем с общественностью также удерживает Россию в «тисках» экстрактивизма и существенно тормозит процесс перехода к иной модели общественного и экономического развития.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС

Говоря о факторах, которые непосредственно отражаются на социально-экологическом развитии Мексики, Эквадора, Бразилии и России, мы не могли не упомянуть теоретические концептуальные основы экологического развития этих стран.

Попытки выстроить системную экологическую теорию-«базис» в России в конце XIX — начале XX в. связаны, прежде всего, с именем В.И. Вернадского и понятием ноосферы. Вернадский рассматривал ноосферу как объективный процесс, итог развития человечества, новое состояние биосферы. Это сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая

деятельность становится главным, определяющим фактором развития [5]. Мысли Вернадского развил академик Н. Моисеев, однако он считал, что разумная человеческая деятельность не в силах сделать мировой процесс управляемым [6]. Моисеев утверждал, что люди не имеют права вмешиваться в «дела среды», и как только это «активное невмешательство» будет достигнуто, мир придет к «коэволюции» и равновесию природы и общества.

Впрочем, данная концепция в России остается на уровне философских рассуждений и не была включена в российский социально-экологический дискурс.

В странах Латинской Америки в последние годы получила широкое распространение концепция *buen vivir*. Эта теория тесно связана с мировоззрением коренных народов региона, и в центре ее внимания — отношения человека с природы. При этом категория «человек» занимает не центральное место, в отличие от европейского (и российского) антропоцентризма. В разной форме концепция *buen vivir* рассматривается отдельными исследователями и интеллектуалами как альтернатива социально-экологического развития в Мексике. В частности, одной из форм концепции *buen vivir* можно назвать концепцию коммунизма Виктора Толедо, который положительно оценивает опыт сапатистского движения, практикующего такую форму⁴⁹, и понятие «*k'anel*» мексиканского философа индейского происхождения Мануэля Боллома [7], распространенную также в Бразилии [8].

Следует особо подчеркнуть, что научно-теоретический «базис», связанный с экологической повесткой и концепцией *buen vivir*, наиболее ярко проявился в Эквадоре. Так, правительство Рафаэля Корреа в начале 2000-х гг. взяло на вооружение концепцию *Sumak Kawsay* (достойная жизнь), которую сформировали в конце 90-х гг. XX в. и продвигали эквадорские интеллектуалы индейского происхождения Альфредо и Карлос Витери Гуалинга [9].

Уругвайский исследователь Эдуардо Гудинас, анализируя ключевую категорию *Sumak Kawsay*, полагает, что там по-другому трактуются процессы развития общества и отсутствует традиционное западное толкование понятий «прогресс» и «развитие» [10]. При этом концепция переопределяет роли человека и природы. В концепции *Sumak Kawsay*

⁴⁶ Энергичная утилизация: как превратить отходы в энергию. URL: <https://rostec.ru/news/energichnaya-utilizatsiya-kak-prevratit-otkhody-v-energiyu/>

⁴⁷ Greenpeace. Что делать с мусором в России? URL: <https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2019/10/report-RUSSIA-GARBAGE.pdf> С.2.

⁴⁸ Почему сжигание отходов — это не выход? URL: <https://greenpeace.ru/expert-opinions/2021/03/03/pochemu-szhiganie-othodov-jeto-ne-vyhod/>

⁴⁹ La Comunalidad, tercera vía de transformación social: Víctor Toledo. URL: <https://lacoperacha.org.mx/comunalidad-tercera-via-victor-toledo/>

человек больше не центр мироздания, природа же становится таким же субъектом права, как и человек.

Еще одной формой *buen vivir* (*Sumak Kawsay*) в Эквадоре стала концепция лидера коренной народности кичва, проживающего в эквадорской Амазонии Хосе Гуалинга, которая носит название *Kawsak Sacha* (пер. с кичва — живой лес)⁵⁰. По сути, это инициатива по сохранению биоразнообразия, которая базируется на трех аспектах: общинной жизни, плодородной земле и отношении к лесу Амазонки как к живому существу, заслуживающему всяческого ухода и уважения как к субъекту права. В рамках этой инициативы народности кичва удается с помощью зонирования территорий эффективно сохранять и управлять 135 тыс. га леса Амазонии. В рамках *Kawsak Sacha* были созданы заповедные зоны, зоны охоты и рыбной ловли, а также зоны населенных пунктов.

Концепция *buen vivir* и ее производные, в широком смысле понимаемые как критика развития, связанного с бесконечным экономическим ростом, а также как альтернатива социально-общественного развития, которая должна учитывать опыт коренных народов, успешно и гармонично сосуществующих с природной средой и отказывающихся от ключевой роли человека в этой системе, уже успели сформировать своеобразный дискурс в экологической повестке Латинской Америки. В России же нет такого широкого научного базиса по этому вопросу.

⁵⁰ A Different Vision of “Doing Conservation:” The Kawsak Sacha of the Kichwa People of Sarayaku, Ecuador. URL: <https://wrm.org.uy/articles-from-the-wrm-bulletin/section1/a-different-vision-of-doing-conservation-the-kawsak-sacha-of-the-kichwa-people-of-sarayaku-ecuador/>

Такая ситуация может объясняться менее развитой научной школой в сфере социальной и политической экологии, чем в странах Латинской Америки. Однако с ростом экологического самосознания в России, возможно, будет формироваться похожее направление социально-экологической мысли. Впрочем, говорить о его включении в политическую жизнь пока преждевременно.

ВЫВОДЫ

Анализируя отдельно взятые кейсы экологической государственной политики в Мексике, Эквадоре, Бразилии и России, можно сделать вывод, что все рассматриваемые страны, вне зависимости от политической ситуации, культурной парадигмы и научно-теоретического фундамента социально-экологической мысли, в настоящее время реализуют экстрактивистскую модель.

Следствие экстрактивизма — большой объем используемых невозобновляемых природных ресурсов и социальные конфликты в районах, где он осуществляется. Обращение к экстрактивизму сегодня связано с экономической культурой регионов в целом, когда правительства рассматривают территории в качестве ресурсов с дешевой рабочей силой, не думая о разрушении экосистем.

Не в последнюю очередь такой подход в настоящее время обусловлен тяжелым экономическим кризисом, вызванным эпидемией COVID-19. Правительства планируют перезапуск экономики и для обеспечения экономического роста поощряют добычу полезных ископаемых и эксплуатацию природных ресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Boit A., Sakschewski B., Boysen L., Cano-Crespo A., Clement J., Garcia-alaniz N. et al. Largescale impact of climate change vs. land-use change on future biome shifts in Latin America. *Global Change Biology*. 2016;22(11):3689–3701. DOI: 10.1111/gcb.13355
2. Campuzano C., Hansen A.M., De Stefano L., Martínez Santos M., Torrente D., Willaarts B.A., Blanco E., Castro L.F., Donoso G., Franco G., Kuroiwa J., Lucen M.N., Montenegro J.I., Pahlow M., Zhang G. Water resources assessment. In: Willaarts B.A., Garrido A., M.R. Llamas M.R., eds. *Water for food security and well-being in Latin America and the Caribbean: Social and environmental implications for a globalized economy*. Abingdon: Routledge; 2014:27–54. (Earthscan Studies in Water Resource Management).
3. Chevallier P., Pouyaud B., Condom T. Climate change threats to environment in the tropical Andes: Glaciers and water resources. *Regional Environmental Change*. 2011;11(1):179–187. DOI: 10.1007/s10113-010-0177-6
4. Leadley P.W., Krug C.B., Alkemade R., Pereira H.M., Sumaila U.R., Walpole M., Marques A., Newbold T., Teh L.S.L., van Kolck J., Bellard C., Januchowski-Hartley S.R., Mumby P.J. Progress towards the Aichi biodiversity targets: An assessment of biodiversity trends, policy scenarios and key actions. Secretariat of the Convention on Biological Diversity. CBD Technical Series. 2014;(78). URL: https://www.researchgate.net/publication/269845681_Progress_towards_the_Aichi_Biodiversity_Targets_An_Assessment_of_Biodiversity_Trends_Policy_Scenarios_and_Key_Actions

5. Грачев В.А. Учение В.И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития. *Юг России: экология, развитие*. 2015;10(3):16–23.
Grachev V.A. Vernadsky's theory of noosphere as the basis for sustainable development. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie = South of Russia: Ecology, Development*. 2015;10(3):16–23. (In Russ.).
6. Моисеев Н.Н. Быть или не быть...человечеству? Ульяновск: Ульяновский Дом печати; 1999. 288 с.
Moiseev N.N. To be or not to be... for humanity? Ulyanovsk: Ul'yankovskii Dom pechati; 1999. 288 p. (In Russ.).
7. Bolom Pale M. K'anel: Una construcción de la indentidad dialógica y espiritual de los tsotsiles en Huixtán, Chiapas. *Etnoecológica*. 2012;9(1):42–46.
8. Nunes O.V.R. Post-development as an alternative to experiences of urban governance: the Buen Vivir. V!14. 2017. URL: www.nomads.usp.br/virus/virus14/?sec=4&item=3&lang=en
9. Santos E. C.S. Dilemas acerca da exploração petrolífera no Equador: Uma coisa es con guitarra otra con violín. Rio de Janeiro: Novas Edições Acadêmicas; 2016. 152 p.
10. Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow. *Development*. 2011;54(4):441–447. DOI: 10.1057/dev.2011.86

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Иванович Якунин — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Vladimir I. Yakunin — Dr Sci. (Political Science), Head of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0006-1252>

gospolitika_msu@mail.ru

Татьяна Юрьевна Русакова — кандидат политических наук, ведущий эксперт исследовательской ассоциации Centro, ассистент кафедры теории и практики иностранных языков, институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Tatyana Yu. Rusakova — Candidate of Political Sciences, Leading Expert of the Research Association Centro, Assistant of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4341-7143>

rusakova@centero.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.02.2022; после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 20.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.02.2022; revised on 02.03.2022 and accepted for publication on 20.03.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-43-50
УДК 339.9(045)
JEL F02, F53, N42

Эволюция экономических отношений США и Канады: взаимозависимость двух экономик

А.Д. Филина, Г.В. Третьякова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В работе представлены результаты исследования эволюции экономических отношений США и Канады начиная с 1989 г. Рассмотрены соглашения, регулирующие экономические отношения этих стран между собой и с другими торговыми партнерами. Проведено экономико-статистическое исследование объемов экспорта Канады в страны Латинской Америки и Карибского региона и импорта из них. И Канада, и США стали лидерами в создании открытого и свободного пространства, основанного на принципах многосторонней торговли. Тем не менее некоторые исследователи ставят под сомнение эффективность этой торговой системы. Президент США Джо Байден обещает принять меры по активизации двустороннего сотрудничества, однако канадцы обеспокоены его решением отменить проект по строительству трубопровода Keystone XL. Вызывает некоторые волнения и приверженность американского президента политике «покупать американское». Вышесказанное определяет актуальность рассмотрения вопроса, связанного с экономическим сотрудничеством США и Канады в современных условиях. В работе использовались нормативный метод и метод политического анализа.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; Канада; страны Латинской Америки; экономические отношения; международная торговля; тенденции развития; интеграция; НАФТА; оглашение USMCA; устойчивое экономическое развитие

Для цитирования: Филина А.Д., Третьякова Г.В. Эволюция экономических отношений США и Канады: взаимозависимость двух экономик. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):43-50. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-43-50

ORIGINAL PAPER

The Evolution of Economic Relations Between the USA and Canada: The Interdependence of the Two Economies

A.D. Filina, G.V. Tretyakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents the results of the study of the evolution of economic relations between the United States and Canada, since 1989. The agreements regulating the economic relations of these countries among themselves and with other trading partners. An economic and statistical study of Canada's exports to Latin America and the Caribbean and imports from them was carried out. Both Canada and the United States have become leaders in creating an open and free space based on the principles of multilateral trade. The main characteristics of the free trade zone are mutual concessions in terms of access to markets for services and goods; discipline in terms of trade restrictions; the use of dispute settlement mechanisms. Nevertheless, some researchers question the effectiveness of this trading system. US President Joe Biden promises to take measures to intensify bilateral cooperation, but Canadians are concerned about his decision to cancel the Keystone XL pipeline project. The commitment of the American president to the policy of "buying American" also causes some unrest. The above determines the relevance of considering the issue related to economic cooperation between the United States and Canada in modern conditions. The following research methods were used in the work: the normative method and the method of political analysis.

Keywords: United States of America; Canada; Latin American countries; economic relations; international trade; development trends; integration; NAFTA; announcement of the YUMSK; sustainable economic development

For citation: Filina A.D., Tretyakova G.V. The evolution of economic relations between the USA and Canada: The interdependence of the two economies. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):43-50. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-43-50

© Филина А.Д., Третьякова Г.В., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Торговые отношения между Канадой и США регулировались различными документами: Соглашением о свободной торговле от 1989 г., Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) (подписано 17 декабря 1992 г.; вступило в силу 1 января 1994 г.), а с 01.07.2020 г. — соглашением USMCA. Каждое последующее соглашение отличалось от предыдущего, что обуславливало необходимость разработки новых положений и правил для решения актуальных проблем. Более того, развитие событий показало, что даже развитые ассоциации не защищены от новых прецедентов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Концепция интегрированной модели, предложенная А. М. Либманом и Б. А. Хейфецем [1], в современных условиях вызывает особый интерес. Типология этой модели экономической интеграции уравнивает власть игроков, выступая драйвером интеграционного процесса, при этом не предполагается учет корректировки экономической политики и степени либерализации торговли. Авторы типологизировали дезинтеграцию и предложили стагнирующую, шоковую, конфликтную, дивергентную модели.

По мнению некоторых исследователей, в современных условиях доминирующей моделью межправительственных соглашений, т.е. ключевой движущей силой интеграции, выступают национальные власти. В данном процессе важную роль играет традиционное политическое сотрудничество между народами и политические мотивы. Основными проявлениями центробежных тенденций являются: слабость финансовой политики, разногласия в бюджетировании отдельных регионов, разрыв в социальном и экономическом благополучии государств-участников, концентрация ресурсов на отдельных территориях, столкновение интересов на национальном и наднациональном уровнях, решение некоторых стран покинуть союз, разрозненность экономического пространства, смена курса региональных хозяйственных комплексов в сторону стран, не включенных в объединение.

Позднее А. М. Либман предложил интеграционную классификацию в соответствии с критериями реализации целей. По мнению исследователя, при помощи этой концепции может быть обозначена интенсивность и глубина потенциального воздействия конкретной группы на сферу международной

торговли, — как и прежде, такие объединения не могут определять факторы производства и свободу передвижения товаров.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО США, КАНАДЫ И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Исследуя экономическое сотрудничество между Канадой и США, необходимо подчеркнуть, что в начале XXI в. Латинская Америка стала важным игроком в мировой экономике и политике. Регион стремится к установлению прочных политических и экономических связей с новыми партнерами внутри и вне западного полушария. Перспективным потенциальным партнером для Латиноамериканского региона является Канада, также заинтересованная в диверсификации экономики и укреплении инвестиционных и торговых связей.

Торговля между регионами набирала обороты на протяжении 26 лет. Некоторые из аспектов отношений Латинской Америки и Канады уже были предметом специальных научных исследований. Значительный вклад в разработку этой темы внесли Е. Г. Комкова, П. МакКен, Л. Макдональд, П. Хейдрих [2]. Указанные исследователи занимались изучением отдельных аспектов канадско-латиноамериканских отношений, но углубленный анализ торговых связей, изменений в структуре экспорта и импорта до сих пор не проводился. Ученые рассмотрели экономические и торговые связи Латинской Америки и Канады, но не сформировали целостный взгляд на эволюцию данных связей в новом столетии, показав только некоторые сюжеты и проблемы отдельных стран.

Для большего понимания особенностей развития торговли с Латинской Америкой необходимо обозначить общие тенденции формирования торговых отношений Канады в новом столетии: последние два десятилетия страна медленно наращивала свой экспортный потенциал и выстраивала новые торговые связи.

С момента создания НАФТА основным и практически единственным торговым партнером Канады в регионе выступала Мексика. Но в последние годы доля экспорта в Мексику составляет меньше половины от всего экспорта в регион (табл. 1).

Канада постепенно выходит на рынки новых стран региона, с которыми еще недавно не было никаких торговых отношений. Объем экспорта в целом стабильно увеличивается во всех странах

Таблица 1 / Table 1

Страны Латинской Америки с наибольшей долей канадского экспорта / Latin American countries with the largest share of Canadian exports

Импортер	Экспорт Канады по Латинскому и Карибскому регионам			
	Количество экспорта в 2019 г., (тыс. долл.)	Торговый баланс 2019 г., (тыс. долл.)	Рост в объеме экспорта в 2015–2019 гг., %	Общий объем роста импорта в цене партнерских государств в 2015–2019 гг., %
Мир	446 562 311	-6 594 914	3	5
Латинская Америка и Карибский регион	11 476 350	-29 344 144	-	-
Мексика	5 516 060	-22 301 667	2	5
Бразилия	1 698 667	-2 369 443	0	3
Колумбия	705 199	78 350	6	-
Чили	656 031	-583 672	5	5
Перу	579 122	-2 118 142	-3	4
Куба	289 785	-140 369	-5	-5
Эквадор	289 277	122 247	5	2
Аргентина	215 077	-469 092	-2	-2

Источник / Source: [3].

Таблица 2 / Table 2

Размер канадского экспорта в Латинскую Америку по годам, тыс. долл. / The size of Canadian exports to Latin America by year, thousand dollars

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем	13 157 600	12 899 559	11 596 089	11 130 888	11 484 443	12 666 540	11 476 350

Источник / Source: [3].

и остается стабильным без явной тенденции к снижению или росту (табл. 2).

Учитывая имеющиеся данные, можно выделить основные категории в структуре экспорта:

1. Высокоценные ресурсы, механизмы, машины, автомобили, высокотехнологичные товары для производства. Канада имеет более высокий уровень технологического развития по сравнению с большинством стран Латинской Америки. Поэтому продукция высокотехнологичного производства и специализированное оборудование, производимое в Канаде, пользуются большим спросом в Латинскоамериканском регионе.

2. Продовольственные товары и органические средства, используемые при их производстве (мясо, орехи, фрукты, зерновые культуры). Часть товаров

этой категории требует специфических условий и высокотехнологичных методов производства. Заводское производство многих товаров категории обеспечивает снижение цен на них и повышает их конкурентоспособность.

Отдельно необходимо выделить экспорт топлива и продуктов его переработки, доля экспорта которых, несмотря на высокие показатели, за последние 2–3 года упала практически вдвое.

Помимо экспорта товаров, Канада продолжает наращивать экспорт сервисов. В отличие от торговли товарами, торговля сервисами охватывает продажу услуг, электронных и интеллектуальных ресурсов, доступа к идеям и технологиям. Этот вид экспорта характеризуется стабильным ежегодным ростом на территории всего региона.

Наиболее динамично развивающимся направлением импорта выступают драгоценные металлы и камни. За последние 2–3 года объем импорта этой продукции с территории региона увеличился вдвое (почти вернувшись к докризисному уровню). Несмотря на снижение многих статей импорта в условиях пандемии COVID-19, импорт драгоценных камней и металлов только увеличиваются. Кроме того, регион импортирует сырье и детали высокотехнологических производств, отдельные результаты этих производств, минеральное сырье, неорганические химикаты, а также овощи, фрукты, кофе, чай, спиртные напитки.

Особо стоит сказать о высоких показателях импорта мебели, производимой на территории региона. С укреплением взаимосвязей аналогично экспорту сервиса увеличиваются объемы импорта сервисов, (различаются только направления) (табл. 3).

Несмотря на повышение интереса региона к экспорту из Канады, баланс между экспортом и импортом имеет сильный перекоп в сторону последнего (примерно 3:1).

Канада вкладывает значительную часть капитала в оказание помощи и развитие Латиноамериканского региона. На уровне разных представительств Канады в Латинской Америке реализуются программы социальной помощи и помощи развитию региона. Они касаются таких сфер, как миграция населения, образование, здравоохранение, улучшение и защита состояния окружающей природной среды. Помимо прямой помощи и государственных программ, часть ее предоставляется через международные организации и неправительственные фонды. Но такие акты поддержки и проекты открывают путь к продвижению интересов Канады в сфере развития горнодобывающей промышленности и сопутствующих производств. Увеличивающийся объем импорта ценных металлов говорит о том, что данная сфера вложения капиталов Канады оправдывает все ожидания.

Из вышесказанного следует, что сегодня не стоит надеяться на скачкообразный рост объемов торговых отношений. К тому же, в течение последних лет колебания объемов экспорта и импорта в целом были незначительными. При этом есть отрасли, получающие дополнительное развитие, но рост отдельных отраслей «компенсируется» потерями в других.

Объем торгового оборота довольно стабилен, и вряд ли сегодня существуют факторы, которые

способны повлиять на этот тренд. Ограничениями на пути роста торгового баланса являются сложная логистика, дорогая канадская валюта, протекционистская политика Канады и США, и в ближайшее время преодолеть их вряд ли удастся.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время развитие экономических и торговых отношений между Канадой и странами Латинской Америки практически полностью отвечает интересам Канады, которая хочет получить быструю отдачу от своих вложений в регион. Латинская Америка ценит работу с Оттавой по ключевым направлениям, активно пользуясь вложениями Канады в промышленную и социальную сферы. В ближайшее время вряд ли стоит ожидать улучшения экономических отношений между регионами: политическая нестабильность Латинской Америки, сильное влияние пандемии и кризиса — основные факторы, которые обуславливают развитие канадско-латиноамериканских отношений. Канада рассматривает регион в качестве достаточно перспективного направления развития в связи с насыщенностью экономических отношений и увеличивающимися политическими трениями с другими партнерами. Главные рынки сбыта (Китай, США и страны Европы) уже устоялись и не имеют большого потенциала для развития торговли с Канадой. Латиноамериканский регион, наоборот, имеет неограниченные возможности и перспективы для новых игроков.

Стремительный рост интеграционных групп в мире обусловлен ожиданием положительных результатов от интеграции. Среди них: привлечение большего количества инвестиций, увеличение объемов торговли, повышение конкурентоспособности продукции, рост глобального влияния. Интеграция уже достигла больших результатов в ЕС и в Северной Америке (во многом, благодаря НАФТА). Тем не менее некоторые сложности обусловили необходимость заключения нового соглашения с USMCA.

США, КАНАДА, МЕКСИКА

Канада и Мексика являются важными партнерами для США. Американцы хотят жить в процветающем стабильном регионе в соседстве с демократическими странами, разделяющими их взгляды. Важнейшим в этом регионе является американо-мексиканское партнерство. Внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны по причине общих

Таблица 3 / Table 3

**Размер латиноамериканского импорта в Канаде по годам и основным отраслям, тыс. долл. /
The size of Latin American imports in Canada by year and main industries, thousand dollars**

Товар		Импорт Канады из Латинской Америки и Карибского региона				
код	наименование	2016	2017	2018	2019	2020
	общая сумма импорта по годам	36 822 790	40 214 726	41 373 712	40 820 494	35 823 447
87	Транспортные средства, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, а также их части и принадлежности	7 706 658	9 324 454	9 157 904	8 662 189	6 235 918
85	Электрооборудование, оборудование и их части; звукозаписывающие и воспроизводящие устройства	5 332 578	5 391 366	5 542 088	5 381 028	4 560 904
84	Машины, механические устройства, ядерные реакторы, котлы; их части	4 194 607	4 420 029	4 838 710	5 046 617	4 294 318
71	Натуральный или культивируемый жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни, драгоценные металлы, плакированные металлы	3 967 880	3 365,145	2 839 118	4 095,366	5 092 103

Источник / Source: данные о международной торговле и доступе к рынкам. URL: <https://www.wto.org/> / Data on international trade and market access. URL: <https://www.wto.org/>.

угроз безопасности, динамичных торговых отношений и географической близости. Мексика — второй по величине экспортный рынок США. По состоянию на 2020 г. Мексика была самым крупным торговым партнером США, опередив Канаду и Китай. Несколько лет Мексика является главным экспортным рынком для всех американских штатов вдоль общей границы, протяженность которой составляет 2 тыс. миль (около 3 тыс. км). Компании из США поставляют в Мексику товары и услуги в объеме, большем, чем в Китай, Индию, Россию и Бразилию вместе взятые.

Канада, Мексика и США поспособствовали превращению Северной Америки в успешный, экономически процветающий регион и зону свободной торговли [4]. ВВП трех стран — партнеров USMCA больше, чем у всех 27 стран — членов ЕС. Огромные торговые обороты, имевшие место последние 20 лет, стимулировали экономический рост региона. Мексика и США занимаются производством и продажей сельскохозяйственной продукции, пластмассы, автомобилей, текстиля, промежуточных промышлен-

ных товаров для американского аэрокосмического сектора, оборудования и пр. Ежедневно границу пересекают товары и услуги объемом в 1,7 млрд долл. США. Многие эксперты, обсуждая торговую политику, нередко упускают из виду, что 6 млн рабочих мест в США напрямую связаны с мексиканскими компаниями, — это подчеркивает важное значение Мексики для американской экономики.

На протяжении нескольких десятков лет США и Канада, являясь странами со свободными рынками, вместе занимали верхние строчки в ежегодном рейтинге Индекса экономической свободы (The Heritage Foundation). Экономическая свобода, являющаяся основой динамичных, прозрачных и свободных рыночных систем, положенных в основу значимого с экономической точки зрения партнерства двух союзников, обладает в условиях пандемии COVID-19 гораздо более существенным значением, чем когда-либо раньше.

Канада и США имеют самую протяженную немилитаризованную границу — 5525 миль (около 9 тыс. км). Население этих стран связано тесными

узами. Ежегодно между компаниями и отдельными лицами совершается несколько миллионов трансграничных взаимодействий. Естественно, правительства двух стран тоже сотрудничают друг с другом по наиболее важным вопросам безопасности, экономики и политики. В основу отношений Канады и США положены общие принципы и интересы: в частности, обе страны имеют членство в разведывательном альянсе Five Eyes, будучи членами НАТО, они продолжают сотрудничать в сфере развития и безопасности Арктики для противостояния Китаю и Российской Федерации.

Альянс США и Канады укреплен за счет общих интересов и ценностей. В современных сложных условиях два государства уже давно научились извлекать выгоду из масштабного двустороннего экономического диалога с динамичным ростом предпринимательства и созданием миллионов рабочих мест в каждой из стран. Между ними налажены и поддерживаются взаимовыгодные двусторонние инвестиционные и торговые отношения.

Ученые внесли большой вклад в исследование международной экономической интеграции, в частности НАФТА [5]. Но изучение внешней торговли должно продолжаться и дальше. Также целесообразно продолжать исследовать внутрирегиональные потоки после заключения соглашения. Отдельное внимание должно быть уделено проведению анализа торговли продукцией сельскохозяйственного назначения с учетом ее особенностей, актуальности вопросов продовольственной безопасности, а также того обстоятельства, что страны-члены выступают в качестве важных производителей и поставщиков такой продукции. Исследование особенностей соглашений, заключенных между Канадой и США, может стать примером для других стран в подписании торговых соглашений регионального уровня в будущем.

НАФТА оказало положительное воздействие на разные сферы всех стран-членов. 30 ноября 2018 г. между Канадой, США и Мексикой было заключено новое соглашение — USMCA/ЮМСКА. Среди его новшеств можно назвать несколько разделов, посвященных текущим возможностям и вопросам, касающимся торговли [6]. США могут заключать современные торговые соглашения с основными клиентами и своими соседями. Также в торговлю могут быть включены технологические достижения. Соглашение USMCA содержит разделы, посвященные обменному курсу, макроэкономической политике, развитию цифровой торговли, участию

среднего и малого бизнеса во внешнеэкономической деятельности, противодействию коррупции. Особое внимание в Соглашении уделено торговой политике для сельскохозяйственной продукции, заработной плате в машиностроительной отрасли, соблюдению прав коренных народов, сотрудничеству в сфере культуры, энергетики, торговли автомобилями, сельского хозяйства, интеллектуальной собственности, окружающей среды, а также в области разрешения споров.

Соглашение USMCA должно пересматриваться не реже, чем один раз в 6 лет после вступления в силу. Пересмотр обеспечит гарантию того, что оно останется актуальным и эффективным для североамериканских рабочих, поможет обеспечить стабильность для предприятий и производителей, а также решить проблемы до того, как они перерастут во что-то серьезное. Срок действия Соглашения — 16 лет. После пересмотра Соглашение может быть продлено сторонами еще на такой же срок. Многие изменения по различным вопросам (в том числе в сфере торговой политики) можно проследить через развитие интеграции разных торговых блоков. Следует сказать, что, хотя страны НАФТА имеют определенные различия в уровне экономического развития (иногда очень даже существенные), положительные эффекты имеют место во всех странах-партнерах, т.е. не только в Канаде и США, но и в Мексике.

Каждая страна, заключившая Соглашение, имела свои собственные цели. Например, цель США заключалась в диверсификации своего растущего рынка: обеспечение свободного перемещения товаров и услуг, защита прав интеллектуальной собственности, сочетание новых технологий и своих инвестиций с природными ресурсами Мексики и Канады, а также их дешевой рабочей силой. Все это позволило бы добиться увеличения конкурентоспособности США. Цель Канады заключалась в присоединении к производству наукоемкой продукции, увеличении доходов и обеспечении стабильного доступа на рынок Мексики. Каждая страна стремилась увеличить объемы своего экспорта и притока инвестиций. При этом некоторые цели различались в зависимости от рисков и преимуществ партнеров.

Экономические и торговые отношения между странами всегда были и остаются главным фактором развития экономического сектора Северной Америки. По данному поводу И. Фергюссон и М. Вильярреал отмечают, что измерить общее

экономическое воздействие НАФТА довольно сложно, так как на инвестиции и торговлю влияет множество факторов — колебания курса валют, инфляция, экономический рост. Но даже с учетом отрицательных аспектов НАФТА играет важную роль в интеграции для Северной Америки [7]. За 4 года была сформирована четкая организационная структура по реализации Соглашения, а основные тенденции, приведшие к его заключению, получили отражение не только в сфере свободной торговли, но и в распространении ключевых принципов НАФТА на другие сферы экономики в Северной Америке. При этом сложно не согласиться с М. Лизун, утверждающей, что основными задачами региональной интеграции любого формата выступают: устранение барьеров для свободного движения рабочей силы и капитала, расширение взаимной торговли, научное и промышленное сотрудничество, приводящее к ускорению темпа экономического роста, устойчивому и сбалансированному экономическому развитию [3]. Таким образом, анализ внешней торговли является важным показателем интеграции.

ВЫВОДЫ

Учитывая важность сельскохозяйственного сектора, следует отметить, что на Соединенные Штаты

приходится большая часть сельскохозяйственного экспорта. Доля Мексики в общем экспорте и импорте группы растет как в отношении всех товаров, так и в отношении экспорта сельскохозяйственной продукции. Торговый баланс НАФТА и, в частности, Соединенных Штатов по всем товарам был постоянно отрицательным, в то время как Канада и Мексика пережили несколько лет с положительным сальдо. Наибольшие значения коэффициента покрытия экспорта/импорта наблюдались у Мексики.

Внутрирегиональная торговля важна для каждой из стран-участниц, например, ее доля в США превышает треть от общего товарооборота, а в Канаде и Мексике составляет 74,7 и 80,7% соответственно. Главные торговые потоки идут в основном по направлениям США-Канада и США-Мексика, и, хотя разница в объемах по представленным направлениям начала уменьшаться по сравнению с направлением Канада-Мексика, тем не менее она остается значительной. Кроме того, увеличился объем торговли сельскохозяйственной продукцией между США и Мексикой.

Таким образом, торговые отношения между государствами-членами развиваются, и их интенсификации уделяется особое внимание с учетом новых требований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров Е., Либман А. Тренды региональной интеграции на постсоветском пространстве: результаты количественного анализа. *Вопросы экономики*. 2010;(7):94–107. DOI: 10.32609/0042–8736–2010–7–94–107
2. Комкова Е.Г. USMCA вместо NAFTA. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(4):50–58. DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–4–50–58
3. Lyzun M. Development trends of regional economic integration: Methodological aspect. *Journal of European Economy*. 2020;19(1):82–98. DOI: 10.35774/jee2020.01.082
4. Комар Н. Особливості формування зони вільної торгівлі в Північній Америці. *Вісник THEU*. 2016;(1):110–117.
5. Харламова В.Н. Международная экономическая интеграция. М.: Анкил; 2017. 174 с.
6. Felter C., Renwick D. et al. Mercosur: South America's fractious trade bloc. Council on Foreign Relations. Dec. 17, 2021. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/mercosur-south-americas-fractious-trade-bloc>, (accessed on 30.11.2021).
7. Villarreal M.A., Fergusson I.F. The North American Free Trade Agreement (NAFTA). Washington, DC: Congressional Research Service; 2017. 43 p. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R42965.pdf> (accessed on 12.02.2022).

REFERENCES

1. Vinokurov E., Libman A. Trends of regional integration in the post-Soviet space: Results of a quantitative analysis. *Voprosy ekonomiki*. 2010;(7):94–107. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2010–7–94–107
2. Komkova E.G. USMCA instead of NAFTA. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2019;63(4):50–58. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131–2227–2019–63–4–50–58

3. Lyzun M. Development trends of regional economic integration: Methodological aspect. *Journal of European Economy*. 2020;19(1):82–98. DOI: 10.35774/jee2020.01.082
4. Komar N. Features of the formation of a free trade zone in North America. *Visnik TNEU = Herald of Economics*. 2016;(1):110–117. (In Ukrainian).
5. Kharlamova V.N. International economic integration. Moscow: Ankil; 2017. 174 p. (In Russ.).
6. Felter C., Renwick D. et al. Mercosur: South America's fractious trade bloc. Council on Foreign Relations. Dec. 17, 2021. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/mercosur-south-americas-fractious-trade-bloc>, (accessed on 30.11.2021).
7. Villarreal M.A., Fergusson I.F. The North American Free Trade Agreement (NAFTA). Washington, DC: Congressional Research Service; 2017. 43 p. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R42965.pdf> (accessed on 12.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ /ABOUT THE AUTHORS

Александра Дмитриевна Филина — студентка 2-го курса магистратуры факультета международных экономических отношений департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandra Dmitrievna Filina — 2nd-year Master's student, Faculty of International Economic Relations, Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7796-288X>

mrs.alexandra.filina@mail.ru

Галина Викторовна Третьякова — кандидат педагогических наук, доцент департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

Galina Viktorovna Tretyakova — Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0367-8995>

GVTretyakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.03.2022; после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 25.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.03.2022; revised on 15.03.2022 and accepted for publication on 25.03.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-51-63
УДК 336.717.06(045)
JEL G21

Цифровой банкинг: смена парадигмы современных финансов

И.А. Зарипов

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой авторский взгляд на современные проблемы, стоящие перед финансовым сектором Российской Федерации, в рамках перехода на цифровое обслуживание финансовых операций. Проблемы трансформации финансового сектора России обострились в связи с массовым переходом на дистанционные каналы взаимодействия из-за ограничений пандемийного периода. Автор исследует актуальные уязвимые точки цифровизации финансового сектора из-за усилившихся кибератак преступников и предлагает рекомендации по противодействию данным преступлениям. Приводятся доказательства необходимости пересмотра концепций и стратегий развития банков в связи с цифровизацией, совершенствования подходов к информационной безопасности. Автор приходит к выводу, что именно информационная безопасность является ключевым элементом процесса цифровизации банковской деятельности, а стабильность и надежность банковских институтов может быть обеспечена только совместными усилиями государства, банков и их клиентов.

Ключевые слова: цифровизация; финансовый сектор; банковские операции; цифровые финансы; информационная безопасность

Для цитирования: Зарипов И.А. Цифровой банкинг: смена парадигмы современных финансов. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):51-63. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-51-63

ORIGINAL PAPER

Digital Banking: Modern Finance Paradigm Shifting

I.A. Zaripov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents author's view on the current problems facing the banking system of the Russian Federation as part of the transition to digital banking services, especially aggravated due to the massive using of remote channels of interaction caused by the restrictions of the pandemic period. The author analyses the current problems of financial sector due to increased criminal cyber attacks and offers his recommendations to counter these crimes. There is evidence of the needs to revise the concepts and strategies of the development of banks in connection with digitalization, to improve approaches to information security. Finally, the author concluded that a key element in the process of digitalization of banking activities is information security, and the soundness of banking institutions can be ensured only by the joint efforts of the state, banks, and their customers.

Keywords: digitalization; financial sector; banking; digital finance; information security

For citation: Zaripov I.A. Digital banking: Modern finance paradigm shifting. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):51-63. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-51-63

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время цифровой банкинг (Digital Banking, DB) — это модный тренд, о котором говорят банковские институты, представители ИТ-компаний, эксперты и чиновники. Действительно ли за цифровым банкингом будущее: т.е. цифровой банкинг сможет вытеснить с рынка традиционные банковские структуры, перевести их в «нишевое» положение? И какие основные угрозы может принести цифровизация банковскому сектору?

Цифровая революция способствовала развитию цифровых технологий в финансовом секторе, включая банковские операции — Digital banking. Эти тенденции, наряду с урбанизацией экономически активного населения, привели, прежде всего, к ускорению темпа жизни человека и изменению психологии массового клиента, который перестал воспринимать традиционные банки с их консервативными отделениями, очередями и часто неторопливым обслуживанием как нечто приемлемое лично для него. Благо, появились технологии и провайдеры, которые позволяют осуществлять все основные нужные клиентам банков операции на расстоянии в то время, когда удобно клиенту, а не в строго отведенные часы работы банковских филиалов и отделений. Эти новые возможности стали использовать и банки, разрабатывая и предлагая своим партнерам, контрагентам и клиентам мобильные приложения, усовершенствованные системы дистанционного обслуживания и интернет-банкинга. Имея смартфон или планшет и установив на него мобильное приложение, любой клиент может осуществить перевод, оплатить счета, проверить баланс, заказать новую пластиковую карту или заблокировать старую, даже открыть счет и оформить депозит. Поэтому функционал банковских отделений как универсальных финансовых хабов, где клиенты могли проводить все виды финансовых операций, уходит в прошлое.

Банковская отрасль стремительно меняется. Еще два года назад больше половины клиентов были готовы сменить банк, если закрывается их местный филиал. В настоящее время количество выразителей таких настроений снизилось и составляет меньше 1/5 от общего количества клиентов¹.

¹ Accenture. North America Consumer Banking, 2015. Отчет по розничным банковским продуктам в Северной Америке, 2015. URL: <https://www.accenture.com/us-en/~media/Accenture/Conversion-Assets/Microsites/Documents17/Accenture-2015-North-America-Consumer-Banking-Survey.pdf#zoom=50> (дата обращения: 12.12.2021).

В настоящее время пересмотр функционала банка и банковской сети — одна из самых главных задач банковских учреждений. Владельцам и высшему руководству банковских институтов следует двигаться в фарватере современных тенденций, поэтому сейчас неприемлем старый взгляд на банковские отделения и филиалы как места, в которых денежные средства перемещаются между банком и клиентом. Ранее рост банковской сети, особенно в регионах, говорил о масштабности банковского бизнеса, существовали понятия «ключевой регион», «регион присутствия банка». Сейчас ситуация изменилась.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ БАНКОВСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ

В настоящее время нет потребности в существовании физического присутствия банковских подразделений в различных регионах страны, можно ограничиться лишь небольшим представительством банковского персонала, который бы функционально отвечал за техническую поддержку и консультировал клиентов. Банки сейчас отказываются и от такого представительства, перенося техподдержку и взаимодействие с клиентурой в виртуальное пространство, иногда предлагая вначале услуги ботов или виртуальных помощников, которые позволяют решить наиболее простые и стандартные проблемы. Так, в США банковские структуры закрыли около трети филиалов по стране за последние пять лет, что позволило значительно (почти в половину) сократить операционные расходы и почти никак не отразилось на количестве привлеченных клиентов². Что касается России, то, по оценке автора, минимальные расходы на открытие филиала банка обойдутся в 15 млн руб., а годовое содержание, при наличии минимального количества персонала, потребует еще около 10 млн руб.

Поэтому банки, сокращая отделения и развивая цифровые сервисы, имеют возможность снижать комиссии за обслуживание, уменьшать ставки по кредитам, т.е. предлагать своим клиентам более льготные условия. Это еще одно преимущество, которое предоставляют цифровые технологии.

В связи со снижением потребностей в широкой банковской сети банкирам придется решать, что делать с освободившимися площадями. Преждевременно говорить о полной ликвида-

² ABIATEC. URL: www.abiatec.by (дата обращения: 08.12.2021).

ции банковских сетей в течение ближайших 15–20 лет — все-таки значительная часть клиентов предпенсионного и пенсионного возраста предпочитает пойти в банковское отделение и там путем живого общения с банковским сотрудником произвести платеж или получить наличные.

Кроме того, в любом обществе присутствуют консервативные настроения, постепенно трансформируемые в категорию «национальной традиции». Так, в США, Великобритании, Малайзии и странах — бывших колониях Великобритании клиенты до сих пор рассчитываются чеками, чего в банковской системе других стран никогда не было.

Безусловно, банковские отделения продолжают существовать и в будущем, хотя в некоторых странах (например, в Швейцарии) они превратятся в аналог элитарных клубов. Возможно, что на первый план будут выходить функции финансового советника или *private-banking*³. Банковские сотрудники отделений станут осуществлять консультации по различным экономическим вопросам, оказывая поддержку клиентам на протяжении всей жизни.

Известный банковский эксперт Ден Реймер также считает, что отделения не исчезнут. В рамках концепции цифровизации банковские отделения из главного канала взаимодействия становятся лишь одним из средств коммуникации, и в будущем из мейнстрима перейдут в нишевую, узкоспециализированную плоскость, станут дополнением к иным каналам цифрового банковского бизнеса. Но отделения все же будут исполнять некоторые функции: открытие счетов и их обслуживание (особенно для новых клиентов); консультирование (особенно по вопросам кредитов и новых сервисов), а также поддержка бренда банка [1].

Отметим, что в настоящее время совершенствуются технологии открытия счетов клиентам и без их физического присутствия. Современные программно-технические решения позволяют соблюдать все требования российского законодательства по идентификации клиента в рамках противодействия отмыванию криминальных доходов и финансированию терроризма, а также защиты персональных данных. Поэтому со временем кли-

ентам для открытия счета не нужно будет приезжать в отделение, а кредитную карту можно будет заказать через интернет, а банк, используя свои процедуры, проверит клиента и примет решение. Пин-код клиент получит через колл-центр, а карта будет активизирована через любой банкомат данного банка.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ЦИФРОВОЙ БАНКИНГ

При переформатировании модели банка его руководству необходимо в Digital Banking найти ответы на следующие вопросы:

- Какое количество отделений нужно банку? Какие отделения будут построены на системе самообслуживания, а какие станут консультативными центрами и займутся продажами простых и транзакционных продуктов?

- Какое количество персонала нужно в головном офисе, консультативных центрах, точках продаж. Может быть, стоит часть функций передать на аутсорсинг? Как поступить с уже работающими сотрудниками? Надо ли значительно сокращать персонал или, может быть, переобучить ряд квалифицированных сотрудников на новую банковскую специальность?

- Каковы клиентские предпочтения? Стоит ли переориентировать отделения на более специализированные [филиалы для Private Banking, исламского (партнерского) банкинга и др.]?

- Какие технологии должны быть использованы в каждом отделении, и каким образом они будут коррелироваться с определенными группами клиентов?

- Какие другие способы взаимодействия с клиентами и контрагентами нужно использовать банку, и как интегрировать различные технологии, методики и продукты в единые цифровые системы банка?

От правильного ответа на данные вопросы зависит конкурентоспособность банка не только по отношению к другим финансовым институтам, но и к разным цифровым компаниям, постепенно, но все более активно заходящим на территорию банковской системы.

Итак, первое свойство цифрового банкинга — активное использование интернет- и иных цифровых технологий, ведущих к переформатированию отделений, филиалов традиционных банков — достаточно значимое, но не являющиеся основной тенденцией цифровизации.

³ Private-banking — вид банковского обслуживания, ориентированный на предоставления комплекса банковских и финансовых услуг для состоятельной клиентуры, включая круглосуточного персонального менеджера (*concierge service*). Традиционно осуществляется в отдельных специально оборудованных банковских филиалах.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Главное в современных процессах перехода на цифровой банкинг — изменение поведения банка, когда происходит общая трансформация парадигмы самого банковского дела. Цифровой банкинг означает, что банк сам приходит в те области, где есть клиенты. Кроме того, концепция цифрового банка предполагает, что банк будет развиваться в новых сферах, — именно в этих областях финансовый институт создает специальные возможности для различных групп клиентов. При этом он часто предлагает не только гибридные, транзакционные продукты, но и понятный и удобный для клиента технологический интерфейс с техническими решениями, нужными именно этой категории.

До эры новых технологий финансовый институт заявлял: «Вот я, вот моя продуктовая линейка, вот мои критерии по клиентам и условия, — будем рады видеть вас своими клиентами, если вы подойдете». Сегодня, в эпоху развития виртуальных систем, финансовый институт заявляет, что он самостоятельно может определить месторасположение клиента, приблизительно понял область его потребностей и готов в любое время предоставить комплекс услуг для комфортного использования.

В рамках новой концепции цифровых услуг банковские структуры, являясь своеобразными виртуальными посредниками, готовы предложить весь нужный клиенту комплекс услуг, не ограничиваясь только финансовыми операциями. При этом банк может создавать каналы взаимодействия с клиентами в информационных сервисах и социальных сетях, в электронном бизнесе и интернете вещей, в приложениях к мобильным устройствам, используя любую систему виртуального пространства, в которой клиенту могут потребоваться банковские услуги.

И хотя именно технологии Digital Banking являются теми средствами, которые положили начало этой новой концепции в банковском деле, все же главное, что изменился сам подход.

Цифровой банкинг ставит задачу охватить все области деятельности человека, — финансовые институты активно работают в мобильной сфере и в социальных сетях, но в остальных каналах банки пока находятся на стадии экспериментов. Проводится активная работа на уровне R&D⁴, идет

⁴ R&D — Research&Development (англ.) — исследование и развитие — направление, отвечающее за аналитику и определение путей развития бизнес-структуры.

поиск решений, применение которых, полагаем, будет успешным.

Есть определенные возможности для банков и в новом направлении, называемом «интернет вещей», где финансовому институту надо найти варианты встраивания в цепочку взаимодействия устройств клиента.

DIGITAL BANKING — НОВОЕ В РОЗНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЯХ

Цифровой банк — это комплексная бизнес-стратегия, включающая все информационные каналы. Полагаем возможным отметить, что ситуация с переходом на цифровые технологии меняется так стремительно, что банковские институты, не начавшие процесс перехода, согласно новой концепции, отстанут настолько, что не смогут конкурировать с теми банковскими структурами, которые уже трансформируются из традиционных банков в экосистему по предоставлению комплекса всех виртуальных услуг, среди которых собственно банковские операции будут составлять лишь небольшую часть.

Цифровой банк — это следующая стадия в эволюции розничных банковских операций, включающих мобильные платежи, системы онлайн-займов (в том числе пиринговых) и депозитов, мобильный банкинг, MPOS⁵, системы персонального учета финансов (PFM).

Безусловно, банкам необходимо активно развивать и интернет-маркетинг, который позволит расширить охват клиентов, уже проведя сегрегацию их по группам, исходя из их потребностей.

Усилившаяся конкуренция в банковском секторе, который активно применяет цифровые технологии, привела к особой требовательности клиентов, особенно с точки зрения скорости и комфортности проведения банковских операций. У современных клиентов нового типа — Homo informaticus, людей поколения Z (Next Generation) — есть повышенные потребности и серьезные возможности искать свой идеал виртуального банка, поскольку эти клиенты хотят получить эксклюзивные банковские услуги, подобранные специально для них, в любой момент времени и нужные именно им. И такая потребность вполне объяснима, так как

⁵ MPOS — mobile points of sale (англ.) — мобильная точка продажи — компактное устройство, представляющее собой подключенный к смартфону или планшетному компьютеру торговый терминал.

стиль жизни клиентов связан с интернет-средой и виртуальным пространством.

Традиционным банкам, которые хотят преуспеть в процессе перехода на новую цифровую платформу банковского обслуживания, уже недостаточно иметь просто официальный сайт в интернете и некое банковское приложение для мобильных систем Андроид и iOS. Подобные системы, отвечающие за лояльность потребителя и поддерживающие механизм продаж, во-первых, есть у всех без исключения средних и крупных финансовых структур, а во-вторых, уже не дают достаточно значимого прироста клиентской базы, поскольку не являются уникальным продуктам. Поэтому в современных условиях усиления конкуренции, как в банковском бизнесе, так и в онлайн-пространстве, банкам необходимо выработать новую уникальную концепцию построения информационной инфраструктуры и грамотно презентовать ее рынку.

В настоящее время большинство кредитных учреждений управляют классически отформатированными многоуровневыми процессами, предполагающими особый контроль. Но эти процессы в современных условиях позволяют удержать часть консервативных клиентов, а не привлечь новых с особыми потребностями в цифровых технологиях. При этом, даже если традиционные банки предлагают лишь отдельные цифровые услуги (например, мобильный банк или интернет-обслуживание с использованием дистанционного доступа через личный кабинет), этого уже недостаточно, поскольку невозможно полностью сконструировать комплексную модель цифрового банкинга для финансового института.

Большинство экспертов полагают, что заниматься созданием цифровой инфраструктуры без комплексного подхода непродуктивно. Новым игрокам достаточно затруднительно интегрироваться в существующее цифровое пространство, а тем более — сформировать свою уникальную цифровую инфраструктуру, достаточно гибкую и эффективно развивающуюся в соответствии с запросами и требованиями нового типа клиентов.

Пионерами цифрового банкинга стали глобальные банковские империи, начавшие инвестировать в цифровую стратегию ранее остальных банков, а также банки нового поколения, сразу построившие свою бизнес-стратегию как Digital банки. Именно они по праву заняли топовые места веду-

щих цифровых банков в рейтингах крупнейших консалтинговых компаний⁶.

Флагманам цифрового банковского рынка уже удалось добиться того, что взаимодействие банка и клиента осуществляется без участия сотрудников банка. Остальным финансовым институтам приходится удваивать и утраивать усилия, чтобы догнать своих конкурентов в этой сфере.

Кроме того, небанковские компании появляются на рынках традиционных банковских услуг (Google, Apple), развиваются поставщики финансовых продуктов нового поколения: Moven, Knab, Fidor Bank — на глобальном рынке; Instabank, Modulbank, Рокетбанк — в Российской Федерации⁷.

РЕКОМЕНДАЦИИ БАНКАМ ПО РАЗВИТИЮ DIGITAL BANKING

Оптимальная, на наш взгляд, стратегия банка должна быть нацелена на такое обслуживание клиентов, при котором все операции проводятся быстро и удобно, а запросы обрабатываются в режиме реального времени, 24/7.

Для достижения этого следует синхронизировать все каналы обслуживания, четко ориентировать предложения продуктов на конкретного клиента, использовать сквозную обработку информации и постоянно коммуницировать с клиентами в режиме онлайн.

При этом, учитывая быстро меняющуюся ситуацию в мире цифровых технологий, надо предусмотреть гибкость как в ИТ-системах (позволяющую оперативно вносить изменения, корректировать и изменять услуги, каналы взаимодействия, банковские инструменты и продукты), так и в должностных инструкциях сотрудников банка и управленческих механизмах для того, чтобы быстро реагировать на изменяющуюся обстановку, не затягивая процесс принятия решений.

Для построения комплексной системы цифрового банкинга следует создать стандартный и бесперебойный механизм обслуживания клиентов в любом комфортном им канале. Зачастую клиенту одинаково удобно получить обслуживание

⁶ Internet banking rank. Deloitte, Marksw Webb Rank & Report, 2016. URL: <https://marksw Webb.ru/report/internet-banking-rank-2016/> (дата обращения 16.12.2021).

⁷ Диасофт, BIAN: Digital banking как стратегическое направление развития современного банка. Сайт журнала «Банковские технологии». URL: <http://bosfera.ru/bo/ekspertiza-bian-i-diasoft-digital-banking-kak-strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-sovremennogo> (дата обращения 15.12.2021).

как посредством дистанционных технологий (через выделенный сегмент на сайте банка или через мобильное приложение), так и в очном формате (через обращение к операционисту в отделении или через банкомат в торговом центре). При этом все каналы взаимодействия с клиентами должны быть интегрированы между собой, а также налажено взаимодействие с API⁸ и с центральной (core) банковской системой.

Внутри Digital-платформы особое внимание должно быть уделено согласованности действий, и предусмотрена возможность для клиентов самим управлять предоставляемыми банками виртуальными услугами. Для современного клиента банка будет важно иметь возможность провести индивидуальную настройку каналов реализации банковских услуг с другими виртуальными системами: социальными сетями, поисковыми системами и пр. Подобные возможности банки могут предоставить, если будут использовать открытый интерфейс, позволяющий встраивать свои каналы обслуживания в информационные системы, используемые клиентом.

Банковская информационная система должна быть гибкой, легко изменяемой и настраиваемой, быстро менять саму структуру, удалять или добавлять программные компоненты, разработанные различными производителями, модернизировать и видоизменять их. Актуальной для развития современной Digital-платформы является концепция «Open API», т.е. открытого программируемого интерфейса, управляющего работой различных приложений в общей информационной системе. Именно использование банками подобной концепции позволит банковским структурам оперативно и комфортно взаимодействовать с клиентами, собирать и обрабатывать информацию об их потребностях, предлагая дополнительные услуги, нужные именно определенной категории клиентов.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО БАНКИНГА

Цифровой банкинг становится в настоящее время темой для исследования в различных профессиональных сообществах, поскольку он находится на стыке финансов, ИТ-технологий, продаж,

⁸ API — Application Programming Interface (англ.), программируемый интерфейс для приложений — программная оболочка, отвечающая за взаимодействие различных приложений в общей информационной системе.

как розничных, так и корпоративных. Руководитель Департамента Digital Banking компании Global Digital Banking Набенду Мисра (Nabendu Misra) выделил следующие актуальные тенденции в области наиболее востребованного канала взаимодействия тандема «банк-клиент» — банковских приложений [2].

Мобильные платежи, моментальная оплата

Идея о том, что телефон может использоваться как платежная карта, возникла давно, почти вместе с созданием смартфона. Тем не менее практическая реализация началась лишь недавно. Специальные чипы стали интегрировать в ряд смартфонов Android в 2013 г. Гаджет с подобным чипом мог быть использован как платежная карта. Операционные системы смартфонов и планшетов совершенствовались и в Android 4.4, — в 2014 г. была предложена технология, заменяющая владельцу расчетную карту (HCE — host card emulation). Почти все приложения на базе этой ОС и более поздних версий будут позволять осуществлять бесконтактные расчеты. Apple, начиная с iPhone 6, оснащает смартфоны специальным чипом. Новый метод оплаты Apple Pay, позволяющий осуществлять бесконтактные платежи, используя в качестве идентификатора отпечатки пальцев, облегчил банкам задачу при разработке своих приложений для iPhone.

Программное обеспечение, которое позволит пользователям оплачивать покупки бесконтактно, привязав дебетовые и кредитные карты, есть сейчас в активе многих компаний. Прогнозируется массовая замена пластиковых платежных инструментов на виртуальные (как это уже практикует PayPal). Компания Visa также предлагает онлайн-услуги в рамках программы «Цифровые решения Visa» (Visa Digital Solutions). Есть подобная система и у Mastercard.

Функция бесконтактной оплаты пользуется спросом у плательщиков, и банкам стоит включаться в это направление, иначе их место займут небанковские компании.

В настоящее время процессы цифровизации банковских услуг отечественных кредитно-финансовых институтов осуществляются в рамках дополнительных санкций США и стран ЕС, введенных ими в ответ на начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г. Санкции и прессинг ведущих западных государств вынудили уйти с российского рынка

или прекратить обслуживание российских клиентов крупнейшие мировые ИТ-компании, а также корпорации, оказывающие платежные услуги. Прекращение обслуживания россиян компаниями Apple, PayPal, Western Union, Visa, Mastercard, American Express, отключение от международной системы SWIFT некоторых российских банков заставило российские государственные и частные компании находить альтернативные платежные системы, которые позволят российским клиентам надежно проводить платежи внутри России и обслуживаться за рубежом. Внутри России ApplePay рекомендуется заменить на SberPay и использовать межбанковскую СБС (систему быстрых платежей). Одной из альтернатив Visa, Mastercard может стать совместный проект по выпуску международной пластиковой карты Национальной российской платежной системы «Мир» и китайской платежной системы UnionPay, поддержанный большинством российских банков. Заметим, что китайская национальная платежная система очень широко распространена в мире: ее карту принимают в 180 государствах. На настоящий момент выпущено более 3 млрд пластиковых карточек UnionPay⁹. Рассматриваются и иные варианты, с учетом существующих обстоятельств, в частности, рассматривается проект создания международной платежной системы, альтернативной системе SWIFT. Учитывая, что все страны Ближнего Востока, Китай, Индия, ЮАР, страны ЕвразЭС, а также ряд стран Латинской Америки поддерживают Россию, успех создания и функционирования подобной системы представляется вполне реальным.

Внедрение принципов компьютерных игр в банковском бизнесе

Данная тенденция представляет собой применение принципов компьютерных игр к различным информационным каналам взаимодействия банка и клиента и заключается во внедрении таких опций, как получение баллов или предоставление особого статуса за депозит определенного уровня. Основная задача, которая решается банком, — мотивирование на регулярное открытие приложения, сайта, группы в социальных сетях. Эксперты считают, что в отличие от других цифровых инициатив данные усилия малоэффективны, поскольку трудно привязать клиента допол-

нительными баллами, однако, являясь финансово малозатратной, данная опция привлечения и удержания клиентов имеет право на существование и будет востребована частью клиентуры.

Мультизадачность в одном цифровом банковском продукте

В настоящее время Digital Banking становится конкурентным преимуществом, и финансовые институты работают над выпуском узкозадачных цифровых продуктов, направленных на привлечение клиентов, но в рамках одного банковского приложения. Так, одной из особо востребованных услуг на фоне роста трудовой миграции является система денежных переводов. Традиционными лидерами индустрии были компании с историей: Western Union и Moneygram. Однако все изменилось, и в настоящее время большую часть рынка занимают онлайн-трансферы компаний Xendpay, Transfer Wise и Xoom за счет удобства их сервисов и выгодных тарифов. Финансовый институт может не только предусмотреть в своем фирменном приложении дополнительные функции для мобильных устройств, типа денежных переводов, оплаты коммунальных услуг, обмена валют, но и проводить различные рекламные кампании и исследования рынков.

Особые продукты могут быть предложены клиентам для проведения денежных переводов на территории отдельных стран (для России будут востребованы переводы в страны СНГ), пополнения электронных кошельков, операций с финансовыми инструментами и др.

Многоканальный банкинг (multichannel banking) – синхронизированное обслуживание клиентов в отделениях и в цифровой среде

Финансовый институт, имея возможность отслеживать через свое приложение поисковую активность клиента, может оперативно готовить индивидуальное предложение, рассчитанное на конкретного клиента или узкую группу клиентов. При этом предложение может быть озвучено через любой канал взаимодействия. После очной консультации клиента в отделении банковские сотрудники могут приготовить соответствующий продукт и распространить его путем обзвона через колл-центры или через push-уведомления в приложениях.

⁹ UnionPay. Официальный сайт. URL: <https://www.unionpayintl.com/ru/> (дата обращения: 18.04.2022).

Банкам нужна корректная и актуальная информация о своих существующих и потенциальных клиентах, поэтому им следует использовать максимальное количество полезной информации из профилей в социальных сетях и анализировать, какие банковские продукты можно им предложить.

Учет местоположения и действий клиентов

Месторасположение (локацию) любого человека, а тем более клиента, чей телефон банк знает, можно отслеживать посредством триангуляции (поиска и отображения телефона базовыми станциями через системы GPS или BLE¹⁰). Подобная информация востребована компаниями, которые могут готовить маркетинговые отчеты, ориентируя заказчиков услуг и рекламодателей на конкретную целевую аудиторию, что позволяет более целенаправленно работать с потенциальными клиентами, уже зная их базовые потребности и месторасположение. Представляют интерес любые данные по истории посещения разных сайтов, поисковым запросам, перемещениям, а также любые демографические данные, например семейное положение, состав семьи, наличие и возраст детей, социальный статус. Эта информация, не являясь по российскому законодательству персональными данными и поэтому находящаяся в открытом доступе, активно используется банковскими структурами в маркетинговых действиях [3].

Итак, доступ к виртуальным каналам по сбору и анализу любой информации расширяет возможности банковских структур, поскольку таким образом банки смогут лучше понять потребности своих клиентов, более точно выстроить различные клиентские профили, что даст им конкурентное преимущество и обеспечит коммерческий успех.

Однако есть еще один аспект, который важно учитывать при вовлечении в цифровой банкинг, — информационная безопасность.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ – КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ DIGITAL BANKING

Переход на концепцию Digital Banking предполагает особую роль цифровых- и интернет-тех-

¹⁰ BLE (*bluetooth low energy*) — Bluetooth с низким энергопотреблением, на основе которого, в частности, построена технология Apple iBeacon. Это способ определения местоположения пользователя с точностью до 10 метров, при этом щадящий батарею устройства.

нологий, что сопровождается значительными информационными и коммерческими рисками. При этом одной из главных проблем является угроза преступлений в киберпространстве.

Самыми серьезными по общему масштабу материальных потерь и морального ущерба признаются киберпреступления, целью которых являются отдельные банковские структуры и финансовый сектор страны в целом. Преступления направлены на счета и информационные системы кредитно-финансовых учреждений, злоумышленники стараются похитить финансовые ресурсы с корреспондентских счетов, в том числе и в системе Банка России.

На всех этапах реализации цифровых банковских операций — от разработки новых программных методик и технических решений до реализации банковских продуктов своим клиентам — руководство кредитных учреждений должно осознавать имеющиеся риски, прежде всего возможные уязвимости систем информационной безопасности. Часть банков задумывается об инвестициях в системы информационной защиты только на первичных этапах разработки новых систем. Однако, полагаем, такой подход нерационален. И наше мнение подтверждается реальными ситуациями, когда преступники уже на первых неделях после запуска проекта находят уязвимости в информационных банковских системах и совершают многомиллионные хищения. Только после этого, убедившись в незащищенности и недоработанности своих защитных механизмов, коммерческие банки вынуждены обращаться к разработчикам, которые, обладая успешным опытом создания надежных защитных систем, смогут обеспечить банкам комплексную постоянную информационную защиту.

В эпоху бурного развития информационных технологий, которые позволяют бизнес-структурам расширять спектр проводимых ими операций, охватывать больше клиентов и, соответственно, получать больше прибыли, вопросы информационной безопасности становятся ключевыми. Именно по тому, сколько внимания банки уделяют построению и совершенствованию систем защиты информации, можно судить о зрелости бизнеса. Серьезность подхода к вопросам раннего определения потенциальных угроз и своевременного реагирования на эти угрозы для банковских информационных систем определяется тем, на каком этапе привлекается служба информацион-

ной безопасности ко всем банковским процессам. Заметим, что в настоящее время современные крупные финансовые структуры уже обладают возможностью успешно решать задачи информационной защиты, используя своих штатных специалистов.

При этом необходимо отметить, что в области информационной безопасности есть две важные категории: угроза (потенциальный риск кибернападения) и атака (непосредственное нападение на информационную систему с целью хищения конфиденциальной информации и/или денежных средств). В случае, когда потенциальные угрозы не учитываются, незащищенные информационные системы будут атакованы, что приведет к серьезным, а иногда и катастрофическим финансовым потерям. При этом именно клиент зачастую несет большую часть потерь, поскольку он наименее защищен, хотя и связан с банками через дистанционные системы обслуживания. Поэтому банкам целесообразно начинать с защиты клиента, обеспечив его надежной системой информационной безопасности.

Ситуация с киберпреступлениями против банков и их клиентов остается напряженной, как в России, так и по всему миру. Ассоциация российских региональных банков сообщала, что за IV квартал 2015 г. киберпреступники похитили со счетов банков — участников Ассоциации — сумму, превышающую 1,5 млрд руб. [4]. В 2016 г. в России было зафиксировано не менее 8 крупных кибератак на информационные системы банковских структур. Только своевременные совместные действия сотрудников информационной защиты коммерческих банков и регулятора позволили снизить реальный ущерб с 5 млрд руб. до 300 млн руб.¹¹ Но кибератаки возможны и на защищенные системы Центрального банка Российской Федерации. В июле 2018 г. киберпреступники с помощью вирусной вредоносной программы сумели несанкционированно получить доступ к автоматизированному рабочему месту клиента Банка России (АРМ КБР) и похитить с корреспондентского счета 58 млн руб., распределив их по пластиковым картам клиентов в 22 крупнейших российских банка. В течение нескольких часов большая часть средств

была обналичена [5]. Массовый переход банков на онлайн-обслуживание клиентов в 2020–2022 гг., вызванный распространением пандемии коронавируса, значительно ухудшил ситуацию в области виртуальных преступлений против банковских структур. По экспертной оценке специалистов Сбера, потери банковской системы России от кибератак составляют порядка 600 млрд руб. в год¹².

Киберпреступники продолжают совершенствовать свои знания и умения, постепенно приобретая специализацию в узких областях. Так, особой востребованностью в последнее время стали специалисты, готовые просканировать организационную и технологическую составляющую информационной системы банков и обнаружить все потенциальные уязвимости. На основе полученных данных киберпреступники готовы предоставить свои рекомендации по оптимальному взлому банковских систем и маскировке преступных действий. Подобные «экспертные» рекомендации уже стали предметом активной купли-продажи, в том числе, на уровне государств, не говоря уже о преступных сообществах [6].

Скачкообразно увеличилось количество преступлений по похищению денежных средств со счетов клиентов банков с помощью применения социальной инженерии и методов нейро-лингвистического программирования, когда преступники, получив часть персональных данных клиента банка путем общения по телефону, вынуждают его сообщить данные карты, получают доступ к счету или личному кабинету клиента и дистанционно похищают денежные средства с банковских счетов. Однако, учитывая общий масштаб хищений, за год достигший сотни миллиардов рублей, банки объединяют усилия по созданию систем противодействия подобным преступлениям (включая активные оперативные и профилактические мероприятия с подключением правоохранительных органов), формируют специальные подразделения и создают подробные инструкции для клиентов [7].

Несмотря на активную работу банковских структур совместно с Банком России в области противодействия виртуальным преступлениям, ситуация в области информационной банковской безопасности остается не только опасной, но и приближается к критическому уровню. В на-

¹¹ Аринтег (ARinteg). Актуальные решения по обеспечению информационной безопасности. 2016. Материалы X международной конференции АРБ. «Банковские карты: практика и трансформация» 14–15.04.2016 г. М.; 2016.

¹² Сбербанк. Официальный сайт. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/ir_presentation_march_2019_rus.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

стоящее время киберпреступники, объединенные в организованные группы, направляют свои усилия на атаки банковской системы, особенно — информационной системы Банка России. Угрозам подвергаются уже не только клиентские счета, но и средства на корреспондентских банковских счетах. А это уже системная угроза!

Дополнительную угрозу представляют бывшие сотрудники банков, которые имели доступ к внутренней конфиденциальной информации, касающейся механизмов и процедур информационной безопасности, методов хранения и вывода денежных средств. Подобных специалистов становится больше в связи с планомерной работой Центрального банка Российской Федерации по оздоровлению банковской системы, в результате много банков лишается своих лицензий, и, соответственно, сотрудники этих банков — работы. Очевидно, что, зная информацию о внутренней банковской ИТ-инфраструктуре, злоумышленники становятся обладателями фактически безграничных возможностей: здесь и центральная АБС — Автоматическая банковская система банка (хранящая все данные о счетах клиентов), и автоматизированное рабочее место клиента Банка России — АРМ КБР (позволяющее переводить финансовые ресурсы с одного корсчета на другой), и интерфейс системы SWIFT (для взаимодействия с иностранными банками).

Одним из самых уязвимых мест остается именно АРМ КБР, поскольку программное обеспечение для всех АРМ КБР одинаково, и работа с ним строго регламентирована Банком России. Это и привлекает киберпреступников, так как они изучают системы, выбирают банк с наименее защищенной, подбирают методологию взлома, атакуют этот банк, получают доступ к средствам на корреспондентском счете и переводят их в несколько других банков. Потом, возможно, злоумышленники «расщепляют» средства на меньшие суммы, распределяют по карточным счетам розничных клиентов и обналичивают. Это одна из возможных схем кибератаки преступников с момента взлома информационной системы до получения денежных средств в свое распоряжение. В рамках противодействия киберпреступлениям против банков Центральный банк Российской Федерации разработал систему мер по безопасной работе с системой АРМ КБР [8].

В целом, можно посоветовать банкам три основных практических шага для защиты данного

слабого звена. Во-первых, выделить АРБ КБР в отдельный сетевой сегмент и максимально ограничить к нему доступ на сетевом уровне. Во-вторых, вывести хост их корпоративного домена (это крайне важно, так как безопасность домена поддерживать очень непросто). В-третьих, максимально ограничить происходящее внутри операционной системы у хоста АРМ КБР: только разрешенное программное обеспечение и только установленные заранее авторизованные процессы.

Полагаем, что ужесточение контроля со стороны регулятора, а также широкое информирование ИТ-специалистов банков о возможностях противодействия, привлечение правоохранительных органов и клиентов банков, включая розничных, к профилактическим мероприятиям по борьбе с киберпреступлениями может снизить их количество и интенсивность кибератак на финансовую структуру. Однако, исследуя текущую ситуацию в области обеспечения информационной безопасности в российском банковском секторе, есть возможность предположить, что общие усилия могут в ближайшее время привести к улучшению именно защиты АРМ КБР.

Но у киберпреступников останется немало возможностей реализовывать свои намерения и в других системах. По-прежнему много уязвимостей в системе международных межбанковских переводов SWIFT. Кроме того, злоумышленники, получив доступ к автоматической банковской системе (АБС), смогут фальсифицировать данные о платежах, затем направив их в АРМ КБР. При отсутствии дополнительных систем защиты, специальных защитных экранов между этими системами, и с учетом того, что АРМ КБР работает в автоматическом режиме, может снова возникнуть системная угроза.

Кроме того, надо иметь в виду, что внутри-российские и международные информационные каналы взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому уязвимость, например, в одной из систем переводов и платежей может негативно отразиться на информационной системе банка или несанкционированный доступ к банкомату одного банка может привести к незаконным списаниям со счетов клиентов в другом банке. Разнообразие имеющегося арсенала виртуальных атак снижает целесообразность противодействия им на последнем этапе.

Особенно обострилась ситуация с кибератаками в конце февраля 2022 г. Тогда все автоматические

системы российских государственных структур, АБС российских банков и сайты системно значимых компаний подверглись кибератакам в рамках развернутой против России кибервойны (гибридной войны) со стороны высокопрофессиональных и хорошо организованных хакерских групп по заказу США и ряда стран ЕС в ответ на начатую 24 февраля 2022 г. специальную военную операцию России на Украине. Международные хакеры, имеющие задачу нанести любой ущерб информационным системам российских финансовых и нефинансовых структур, зачастую направляют свои усилия по дестабилизации именно российского банковского сектора, понимая системную значимость банковской системы для общей экономической ситуации в России.

Именно сейчас в архисложных условиях многократно усиливается опасность киберугроз, возрастают риски и цена любой недоработки по построению системы противодействия преступлениям в киберпространстве. Поэтому в данных обстоятельствах так важно системно подходить к решению проблемы развития и совершенствования комплексных мероприятий по противодействию виртуальным киберпреступлениям — от контроля физического доступа к компьютерному и банковскому оборудованию до систем виртуальной защиты. Общее мнение экспертов таково, что невозможно построить абсолютно безопасную систему, исключаящую любое несанкционированное действие [9]. Но задача состоит в создании такой защиты, которую преступникам преодолеть технически сложно, дорого, долго, и, следовательно, это лишено для них практического смысла.

ВЫВОДЫ

Цифровой банкинг, как в мире, так и в России, находится в начале развития, банки в этом бизнесе не обладают еще достаточным опытом, им, прежде всего, стоит начать с перестройки менталитета, вначале — у руководства, затем — у рядовых сотрудников. Финансовым институтам следует на данной стадии действовать достаточно оперативно, но вдумчиво, стараться перенять все лучшее у уже активных участников цифрового пространства. При внедрении новых технологий рекомендуется учитывать законодательные ограничения. При привлечении клиентов и отслеживании их потребностей полагаем важным найти «золотую середину» между навязчивостью и настойчивостью.

Перестройка системы банковского обслуживания, которая предусматривает переход на Digital Banking, предполагает, что для клиента банковский сервис станет удобнее, комфортнее, доступнее и безопаснее.

Финансовые институты по ходу включения в процесс дигитализации своего бизнеса должны становиться ближе к клиенту. Их основные функции изменятся: из кредитора и коллектора долгов банки трансформируются в финансового консультанта и помощника [10]. Такие метаморфозы повысят конкурентоспособность банковского сектора, а также привлекут к нему новых клиентов, в том числе из нового поколения Homo informaticus.

При этом полагаем, что без построения надежной и многоконтурной системы информационной безопасности банк не сможет защитить свои финансовые ресурсы и средства клиентов от киберпреступлений в цифровом пространстве. Кроме того, противодействие криминальным кибератакам должно происходить в рамках эффективного взаимодействия между государственными органами, финансовыми институтами и их клиентами разных категорий, включая розничных. Именно координация совместных и однонаправленных усилий всех перечисленных участников, построенная на принципах равного доступа к чувствительной информации, обеспечит защиту и будет способствовать развитию отечественного финансового сектора, включая региональные сегменты, что закрепит возможности совершения надежных и быстрых транзакций в цифровом формате.

Цифровые технологии не только принесли комфорт клиентам финансовых институтов, но и изменили уклад жизни большинства из них, их потребности и менталитет. Исходя из этого, банки из традиционных финансовых институтов превращаются в структуры, создающие новые цифровые бизнес-системы по оказанию услуг, лишь формально связанных с банковским ядром холдинга. Пример крупнейшего российского банка, оставившего от предыдущего названия лишь часть — «Сбер» и убравшего слово «банк», очень показателен и определяет лидирующее направление, в котором будут трансформироваться все банковские институты, включая региональные. По мере развития возникнут новые проблемы, откроются новые уязвимости, но это — естественный процесс эволюции, который будет определять развитие российского финансового сектора на ближайшие десятилетия.

Пока готовилась данная публикация, произошли события, которые кардинальным образом повлияли на прочность всю экономическую структуру Российской Федерации, в частности костяк экономики — финансовый сектор. Но, несмотря на планомерно вводимые США, ЕС и другими странами беспрецедентные экономические, финансовые и политические санкции, в также массовый уход ряда значимых и ведущих западных компаний с российского рынка, отечественный банковский сектор устоял, понеся относительно небольшие потери, показав наличие серьезного иммунитета к недружественным действиям внешних сил, механизмов снижения и нейтрализации внешних шоков, гибкости в принятии быстрых решений, а также продемонстрировав координацию совместных усилий с государственными надзорными

органами. По прогнозам известных экспертов, российская финансовая система будет вынуждена существовать в условиях западных санкций еще продолжительное время [11]. Поэтому необходимо использовать данный сложный период для развития своих собственных цифровых технологий (независимых от западных рынков платежных и расчетных систем), укрепления национальной валюты, продвижения цифрового рубля, обучения и повышения квалификации специалистов по цифровым банковским технологиям и информационной безопасности. Именно такой комплекс мер позволит поступательно развивать цифровые банковские услуги в России, обеспечив независимость и надежность отечественной банковской системе, несмотря на имеющиеся внешние ограничения и санкции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Реймер Д. Личный веб-сайт. URL: <http://denreymer.com/digital-banking-branch> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Nabendu M. Global digital banking. LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/future-digital-banking-2015-2016-nabendu-misra> (дата обращения: 06.12.2021).
3. Колезнева А. В. Технологии биометрической идентификации в банковских системах. *ПРО-Экономика*. 2018;(3):6.
4. Аитов Т. Выступление на панельной дискуссии “Мобильная безопасность и управление безопасности ИТ-инфраструктуры. Мат. Инфофорума 2016 (Москва, 4–5 февраля 2016 г.). М.; 2016:12–16.
5. Кондрашин М. Кибератаки на банки: тренды, уязвимости и роль регулятора. Сайт журнала «ПЛИАС». 27.07. 2018. URL: <https://plusworld.ru/professionals/kiberataki-na-banki-trendy-uyazvimosti-i-rol-regulyatora/> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Петрова Е. В., Кузнецова Т. Е. Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес процессов. *Финансовый журнал*. 2020;12(3):91–101. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101
7. Пашковская И. В. Тенденции развития цифрового банкинга. *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт*. 2019;(3):46–52.
8. Якубенко В. В. Финансовые технологии в обеспечении эффективности банковской деятельности. *Теория и практика общественного развития*. 2019;(1):72–76. URL: 10.24158/tipor.2019.1.13
9. Васильев И. И. Принципы организации кредитных организаций в условиях цифровых технологий. *Russian Economic Bulletin*. 2019;2(5):218–221.
10. Батаев А. В. Оценка мирового рынка облачных технологий в финансовой сфере. *Вектор экономики*. 2019;(6):91.
11. Ачаповская М. Цифровизация экономики как драйвер инновационного развития. *Банкаўскі веснік*. 2019;(3):52–58.

REFERENCES

1. Reymer D. Personal website. URL: <http://denreymer.com/digital-banking-branch> (accessed on 10.12.2021). (In Russ.).
2. Nabendu M. Global digital banking. LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/future-digital-banking-2015-2016-nabendu-misra> (accessed on 06.12.2021).
3. Kolezneva A. V. Application of biometric-based identification technologies in banking systems. *PRO-Ekonomika = PRO-Economics*. 2018;(3):6. (In Russ.).

4. Aitov T. Presentation at the panel discussion “Mobile security and IT infrastructure of security management”. In: Infoforum 2016 materials (Moscow, February 4–5, 2016). Moscow; 2016:12–16. (In Russ.).
5. Kondrashin M. Cyber attacks on banks: Trends, vulnerabilities and the role of the regulator. Website of the PLUS Magazine. July 27, 2018. URL: <https://plusworld.ru/professionals/kiberataki-na-banki-trendy-uyazvimosti-i-rol-regulyatora/> (accessed on 15.02.2022). (In Russ.).
6. Petrova E. V., Kuznetsova T. E. Digitalization in the banking industry: Digital transformation of the environment and business processes. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2020;12(3):91–101. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075–1990–2020–3–91–101
7. Pashkovskaya I. V. Trends in the development of digital banking. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt*. 2019;(3):46–52. (In Russ.).
8. Yakubenko V. V. Financial technology used to provide banking efficiency. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2019;(1):72–76. (In Russ.). URL: 10.24158/tipor.2019.1.13
9. Vasilyev I. I. Principles of organization of credit institutions in the digital technological environment. *Russian Economic Bulletin*. 2019;2(5):218–221. (In Russ.).
10. Bataev A. V. Evaluation of the world market of cloud technologies in the financial sphere. *Vektor ekonomiki*. 2019;(6):91. (In Russ.).
11. Achapovskaya M. Digitalization of the economy as a driver of innovative development. *Bankauski vesnik = Bank Bulletin Journal*. 2019;(3):52–58. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ильяс Абдулбарович Зарипов — кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия

Ilyas A. Zaripov — Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor, Plekhanov Russian University for Economics, Moscow, Russia

iliyas888@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0261-6592>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2022; после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 12.03.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.01.2022; revised on 10.02.2022 and accepted for publication on 12.03.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75
УДК 338.012(045)
JEL L13, L20, L62, M10

Стратегии премиальных автомобильных брендов в России и действия регулятора (2009–2021 гг.)

В.А. Вертоградов, С.В. Щелокова
МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирован премиальный сегмент автомобильного рынка РФ с 2009 по 2021 г. на основе данных Ассоциации европейского бизнеса. Авторы провели сравнительный анализ трендов российского автомобильного рынка в целом с трендами в премиальном сегменте и обнаружили значительные различия в циклах этих рынков. В статье представлен анализ основных периодов развития изучаемого рынка на основе матрицы SV (strength/variety). Кроме того, авторы исследуют основные внешние и внутренние факторы, повлиявшие на уровень конкуренции в рассматриваемые периоды. Основной вывод данной работы заключается в следующем: в то время как в массовом сегменте автомобилей сила компаний и доминирующих групп сильно зависит от внешних факторов, в премиальном сегменте основными движущими силами изменения ситуации на рынке являются действия самих компаний, их конкурентная стратегия, а также адаптация к актуальным рыночным трендам. В статье также даны комментарии относительно влияния экономических событий, произошедших с 24 февраля 2022 г., на ситуацию на рынке. **Ключевые слова:** автомобильный рынок; стратегический анализ; доминирование; матрица SV; BMW; Lexus; Infiniti; Mercedes-Benz; Land Rover; Jaguar; Audi; Porsche

Для цитирования: Вертоградов В.А., Щелокова С.В. Стратегии премиальных автомобильных брендов в России и действия регулятора (2009–2021 гг.). *Мир новой экономики*. 2022;16(2):64-75. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75

ORIGINAL PAPER

Premium Car Brands Strategies and Regulator's Actions in Russia (2009–2021)

V.A. Vertogradov, S.V. Shchelokova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article analyses the premium segment of the Russian automotive market from 2009 to 2021 based on data from the Association of European Businesses. The authors conducted a comparative analysis of trends in the Russian automotive market with trends in its premium segment and found significant differences in the market cycles. The analysis of the main periods of the studied market was based on the SV matrix (strength/variety). The article also discusses the main external and internal factors that influenced the competition level in the periods under review. As the main conclusion of the study, it was noted that while in the mass segment of cars, the strength of companies and dominant groups is highly dependent on external factors, then in the premium segment the main driving forces for changing the market situation are the actions of the companies themselves, their competitive strategy, as well as adaptation to current market trends. The article also provides comments on the impact of economic events from February 24, 2022 on the market situation. **Keywords:** Russian automotive market; strategic analysis; industry dominance; SV matrix; BMW; Lexus; Infiniti; Mercedes-Benz; Land Rover; Jaguar; Audi; Porsche

For citation: Vertogradov V.A., Shchelokova S.V. Premium car brands strategies and regulator's actions in Russia (2009–2021). *The World of the New Economy*. 2022;16(2):64-75. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75

ВВЕДЕНИЕ

После написания статьи про доминирование на российском автомобильном рынке в целом [1] мы решили проанализировать отдельно рынок премиальных автомобилей, так как тенденции развития премиальных сегментов рынка часто отличаются от общепромышленных.

Автомобильный рынок вызывает интерес исследователей с разных точек зрения. Так, например, авторы изучают стратегии крупнейших европейских автомобильных ТНК при интернационализации бизнеса в разных регионах присутствия [2]. Ряд научных работ посвящен анализу современного состояния рынка легковых автомобилей в РФ, где выявляются факторы, влияющие на конкуренцию на автомобильном рынке, а также основные движущие силы, воздействующие на положение отрасли [3]. В рамках работ по анализу российского рынка, например, рассматриваются стратегии немецких автоконцернов (в том числе, особенности стратегии компании BMW Group на российском рынке) [4]. Кроме того, российский рынок премиальных автомобильных брендов изучался в работе Левиной и Покатовича, где отмечалось, что он имел более стабильную динамику относительно общерыночных показателей, демонстрируя меньший спад, а иногда и рост в своем сегменте, когда общий российский авторынок находился в глубоком спаде (2008 и 2014 гг.) [5].

Ряд работ посвящен анализу стратегического поведения отдельных концернов: анализируются конкурентные стратегии BMW Group на мировом рынке [6], на его примере изучается изменение конкурентных стратегий автомобильных компаний премиум-сегмента, где авторы обосновывают, что крупные инвестиции в новые технологии и гибкие производственные системы обеспечивают высокие показатели в сегменте автомобилей премиум-класса, а преобразование из традиционной автомобильной компании премиум-класса в компанию, занимающуюся технологиями мобильности, представляет собой ключ к получению и поддержанию конкурентного преимущества в сегменте автомобилей премиум-класса [7].

Актуальные исследования тенденций на рынках премиальных товаров можно найти у консалтинговых компаний. Так, например, в исследовании McKinsey были выявлены глобальные тенденции, которые в ближайшие годы определяют стратегическое поведение игроков на премиальном автомобильном рынке, среди которых повышение

значения цифровых каналов при взаимодействии с потребителем, растущее влияние компаний, предоставляющих дополнительные услуги автовладельцам и усиление регулирования данного рынка со стороны государственных органов¹. Bain & Company отмечает растущую концентрацию доли ключевых игроков на рынках премиальных товаров, восстанавливающихся после кризиса 2020 г., например мировые продажи премиальных автомобилей в 2021 г. побили рекорд 2019 г., составив 551 млрд евро. Важными тенденциями на данном рынке признаны рост продаж в Азии и переход к более экологичным автомобилям². Также исследователи выявляют ключевые факторы успеха для автомобильных премиальных брендов [8].

Для описания рынка премиальных брендов мы воспользуемся теорией экономического доминирования (далее — ТЭД) [9], которая делит компании на любом рынке на три типа:

- Альфа — компании, институциональные возможности которых позволяют им пользоваться преимуществами на рынке, где они функционируют;
- Бета — компании с несколько более слабыми институциональными возможностями, но достаточными для занятия позиции нишевых лидеров;
- Гамма — компании, не обладающие преимуществами на рынке присутствия и следующие правилам игры, установленным лидерами.

Также отдельно выделяется термин «альфа-империи» [10] — когда компании разных уровней объединяются, чтобы, опираясь на возможности друг друга, выступать на различных рынках. Например, через бренд Genesis концерн Hyundai с 2015 г. конкурирует на рынке премиальных машин³. При этом Genesis, будучи пока далеко не лидером в премиальном сегменте России, активно наращивает продажи, опираясь на поддержку Hyundai.

Для анализа изменения конкурентной ситуации на рынке эффективным инструментом

¹ McKinsey Center for Future Mobility. The new realities of premium mobility. 2019. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/automotive%20and%20assembly/our%20insights/the%20new%20realities%20of%20premium%20mobility/the-new-realities-of-premium-mobility-final.pdf>

² Bain & Company. From Surging Recovery to Elegant Advance: The Evolving Future of Luxury. URL: <https://www.bain.com/insights/from-surging-recovery-to-elegant-advance-the-evolving-future-of-luxury/>

³ URL: <https://www.kolesa.ru/news/proshhaj-bmw-chinovnikov-peresazhivayut-na-korejskie-avtomobili-radi-ekonomii>

является матрица SV [11], позволяющая анализировать динамику рыночной ситуации и изменения уровня доминирования ключевых игроков на рассматриваемых рынках. Для применения данной матрицы сначала с помощью индекса Линда [12] производится расчет наличия и размера доминирующей группы на рынке. Далее по каждой доминирующей группе рассчитывается ее совокупная доля рынка (CRSV) и коэффициент дифференциации компаний по доле рынка внутри группы (HTSV, модифицированный коэффициент Холла-Тайдмана). Описание матрицы SV было дано авторами ранее [1].

КАКИЕ БРЕНДЫ СЧИТАЮТСЯ ПРЕМИАЛЬНЫМИ В РОССИИ

Для анализа рынка премиальных автомобильных брендов мы воспользуемся классификацией аналитического агентства «Автостат»⁴, которая, по состоянию на 2022 г., выделяет в России 13 премиальных автомобильных брендов:

1. Немецкие BMW и Mini (входят в BMW Group), Mercedes-Benz, Audi и Porsche (входят в VW Group).
2. Японские Lexus (Toyota) и Infiniti (концерн AVTOVAZ-RENAULT-NISSAN-MITSUBISHI).
3. Американские Jeep (STELLANTIS) и Cadillac (GM Group).
4. Английские Jaguar и Land Rover (вместе входят в концерн Jaguar Land Rover, принадлежащий индийской Tata Motors).
5. Шведско-китайский бренд Volvo.
6. Корейский Genesis (HYUNDAI Group).

На *рис. 1* приведены объемы продаж в динамике для каждого из 13 брендов за период 2009–2021 гг. (шт.).

Из *рис. 1* видно, что альфа-лидерами (в терминологии ТЭД) российского премиального рынка выступают BMW и Mercedes-Benz. За ними с разными результатами по годам следуют Audi и Lexus — бета-компании альфа-империй VW и Toyota. Остальные бренды, скорее, относятся к гамма-игрокам на данном рынке.

Максимального уровня продаж в 205 316 штук рынок достиг в 2013 «предолимпийском» году и оставался на том же уровне еще один год. К концу 2014 г. произошла сильная девальвация рубля, в результате чего, согласно данным Росстата, россияне традиционно отправились покупать крупную бытовую технику и обновлять автомобили, пыта-

ясь сохранить обесценивающиеся накопления⁵. За счет сильной курсовой разницы в конце 2014 г. много машин также купили граждане Казахстана и Белоруссии⁶.

И хотя, по итогам 2021 г., рынок в целом еще далек от показателей 2014 г., лидирующий по продажам BMW уже превзошел уровень 2014 г., а Mercedes и Lexus были близки к докризисным значениям (*рис. 1*).

РЫНОК ПРЕМИАЛЬНЫХ БРЕНДОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ОСТАЛЬНЫМ АВТОМОБИЛЬНЫМ РЫНКОМ

На *рис. 2* сравниваются премиальный и массовый сегменты авторынка по отдельным автомобильным брендам по итогам 2021 г. Темпы роста премиального рынка выше ровно в три раза, а продажи брендов BMW и Mercedes-Benz растут быстрее премиального рынка в целом (9,6 и 10,8% соответственно).

Причинами трехзначного роста бренда Genesis являются, с одной стороны, его относительно недавний выход на рынок (и, соответственно, низкая база для сравнения), а с другой стороны, значительное расширение и обновление модельного ряда⁷, активная маркетинговая политика по продвижению бренда и высококонкурентное соотношение цены и качества по сравнению с историческими лидерами сегмента.

Рост бренда Cadillac, кроме эффекта низкой базы, расширения географического присутствия и открытия новых дилеров, руководство российского подразделения бренда объясняет удачным обновлением флагманской модели: «ключевым фактором, повлиявшим на рост, стал запуск обновленного флагмана Escalade — самого технологичного и совершенного крупного внедорожника за всю историю модели, ставшего ключевой премьерой этого лета»⁸. Также важным фактором во время пандемии стала возможность дистанционного взаимодействия с клиентами и развитие онлайн-сервисов. Пытаясь повысить конкурентоспособность бренда, компания пред-

⁵ URL: https://gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm

⁶ URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/news/belorusy-massovo-skupayut-bytovuyu-tehniku-v-smolenskoy-oblasti>

⁷ URL: <https://info-motors.ru/vehicles/cars/genesis/>

⁸ URL: <https://media.cadillac.com/media/ru/ru/cadillac/news-detail.html/content/Pages/news/ru/ru/2021/cadillac/10-08-sales-results.html>

⁴ URL: https://www.autostat.ru/pages/about_company/

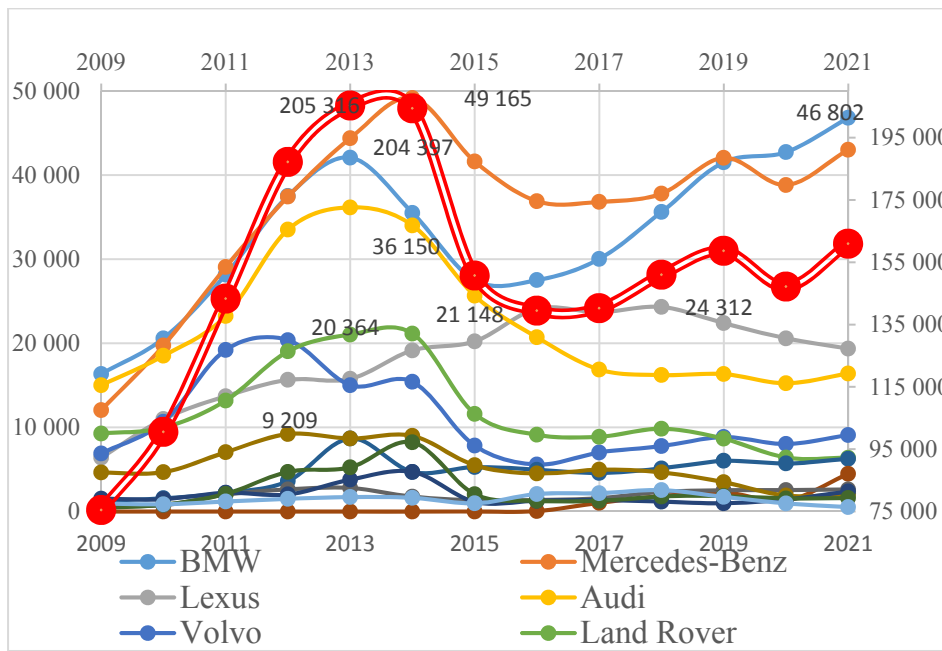

Рис. 1 / Fig. 1. Продажи премиальных автомобилей в России, 2009–2021 гг. / Premium car sales in Russia, 2009–2021

Источник / Source: составлено авторами на основе данные АЕБ. URL: <https://aeb.ru/> / compiled by the authors based on data from AEB. URL: [https://aeb.ru.](https://aeb.ru/)

Примечание / Note: левая вертикальная ось – объемы продаж в динамике для каждого из 13 брендов за период 2009–2021 гг. Правая вертикальная ось – общий объем продаж премиальных брендов по годам за этот период. Цифры с выносками указаны максимальные значения для каждого ряда / the left vertical axis is the sales volume in dynamics for each of the 13 brands for the period 2009–2021. The right vertical axis is the total sales of premium brands by year for this period. The numbers with callouts indicate the maximum values for each row.

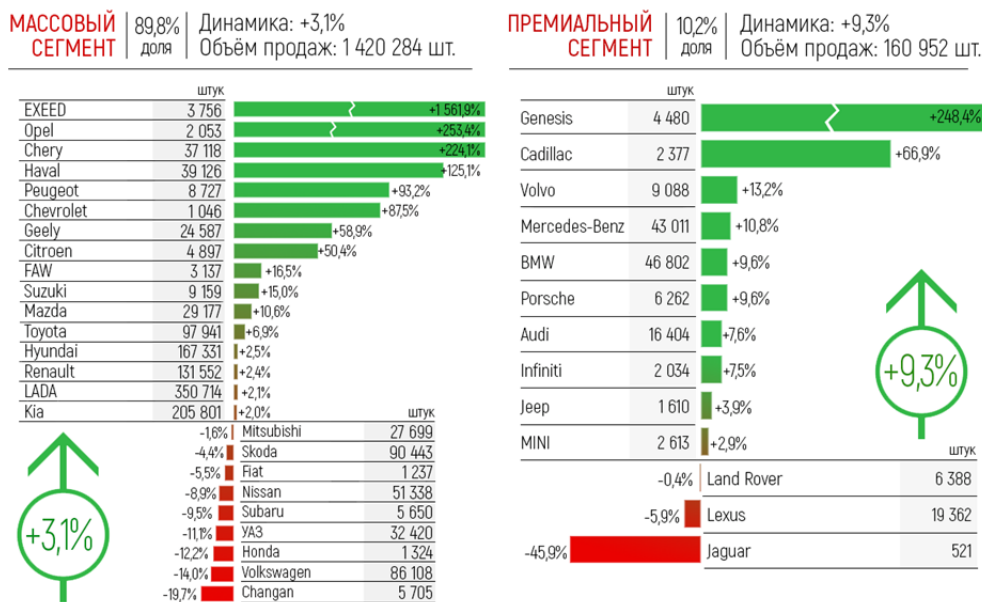

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика автомобильного рынка России за 2021 г. / Russian automotive market dynamics in 2021

Источник / Source: составлено авторами на основе данных АЕБ, оценки АВТОСТАТ (без учета LCV по брендам: GAZ, Ford, Iveco, Mercedes-Benz, Volkswagen и другие). URL: <https://www.autostat.ru/news/50402/> / compiled by the authors based on AEB data, AUTOSTAT estimates (excluding LCV by brands: GAZ, Ford, Iveco, Mercedes-Benz, Volkswagen and others). URL: [https://www.autostat.ru/news/50402.](https://www.autostat.ru/news/50402/)

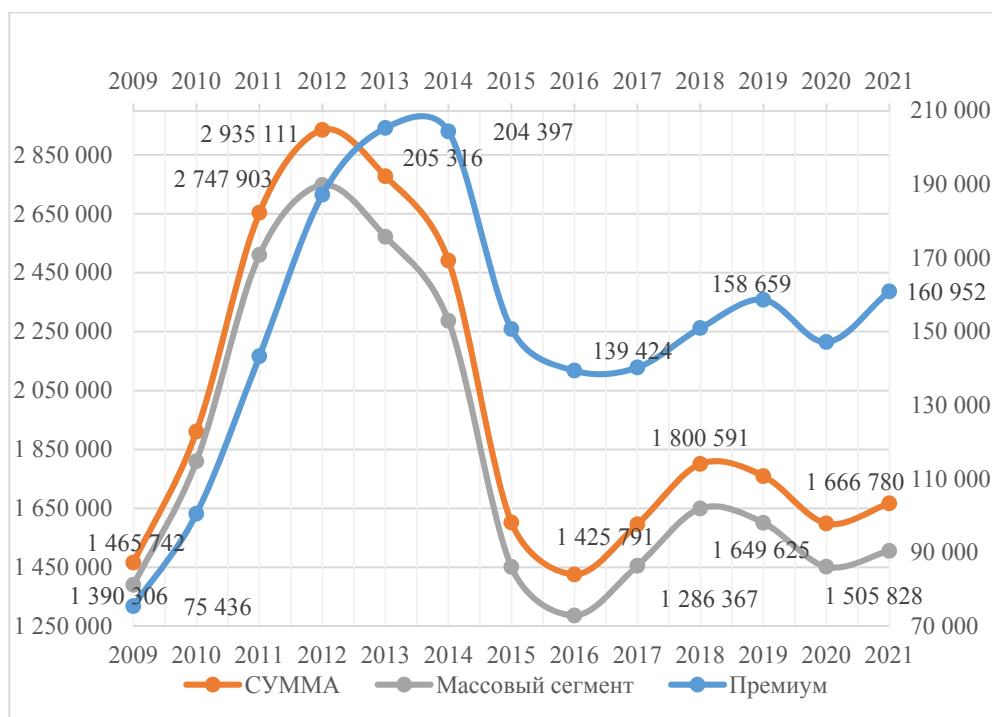

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнение динамики автомобильного рынка России (премиальный сегмент, массовый сегмент и общие продажи) за 2021 г. / Comparison of Russian automotive market dynamics (premium segment, mass segment and total sales), 2021

Источник / Source: составлено авторами на основе данные АЕБ. URL: <https://aebus.ru/> // compiled by the authors based on data from AEB. URL: [https://aebus.ru.](https://aebus.ru/)

Примечание / Note: на левой оси отмечены продажи машин массового сегмента и рынка в целом (ряд СУММА), а на правой – только премиальные бренды / on the left axis, sales of cars in the mass segment and the market as a whole (SUMMA series) are marked, and on the right axis, only premium brands.

лагала программы трейд-ин и низкие ставки по кредиту в размере 0,1%⁹.

На рис. 3 представлено сравнение объемов продаж новых автомобилей в целом и премиальных брендов в РФ за период с 2009 по 2021 г.

Как видно из рис. 3, премиальный сегмент автомобилей в РФ имеет свой цикл, который иногда сильно отличается от общеотраслевого:

- до 2012 г. как автомобильный рынок в целом, так и его премиальный сегмент, демонстрировали бурный рост: общие продажи новых автомобилей выросли в период с 2009 по 2012 г. в 2 раза, а в премиальном сегменте — более чем в 2,5 раза;
- с 2012 по 2016 г. рынок массового сегмента начал падать, а продажи премиальных марок, как было сказано выше, продолжали расти, достигнув в 2013–2014 гг. максимума за весь рассматриваемый период кризиса, и только после этого начали снижаться;

⁹ URL: <https://www.major-cadillac.ru/news/103/>

- массовый рынок к 2016 г. упал ниже уровня посткризисного 2009 г., а премиальный просел только до уровня 2011 г., потеряв всего около 30% по сравнению с максимальным уровнем 2013 г.;
- с 2016 г. автомобильный рынок стал восстанавливаться, в том числе и его премиальный сегмент, а с 2018 г. снова видны разнонаправленные тренды: падение общих продаж и рост премиального сегмента.

Таким образом, спад продаж премиальных брендов всегда был на 1–2 года позже, чем у массового рынка. Интересно, что при этом восстановление роста на рынке за рассматриваемый период происходит без такого временного лага между этими сегментами.

ДОМИНИРОВАНИЕ НА РЫНКЕ ПРЕМИАЛЬНЫХ ЛЮКСОВЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ МАРК В РОССИИ

Несмотря на то что премиальный сегмент консолидированно намного легче массового рынка

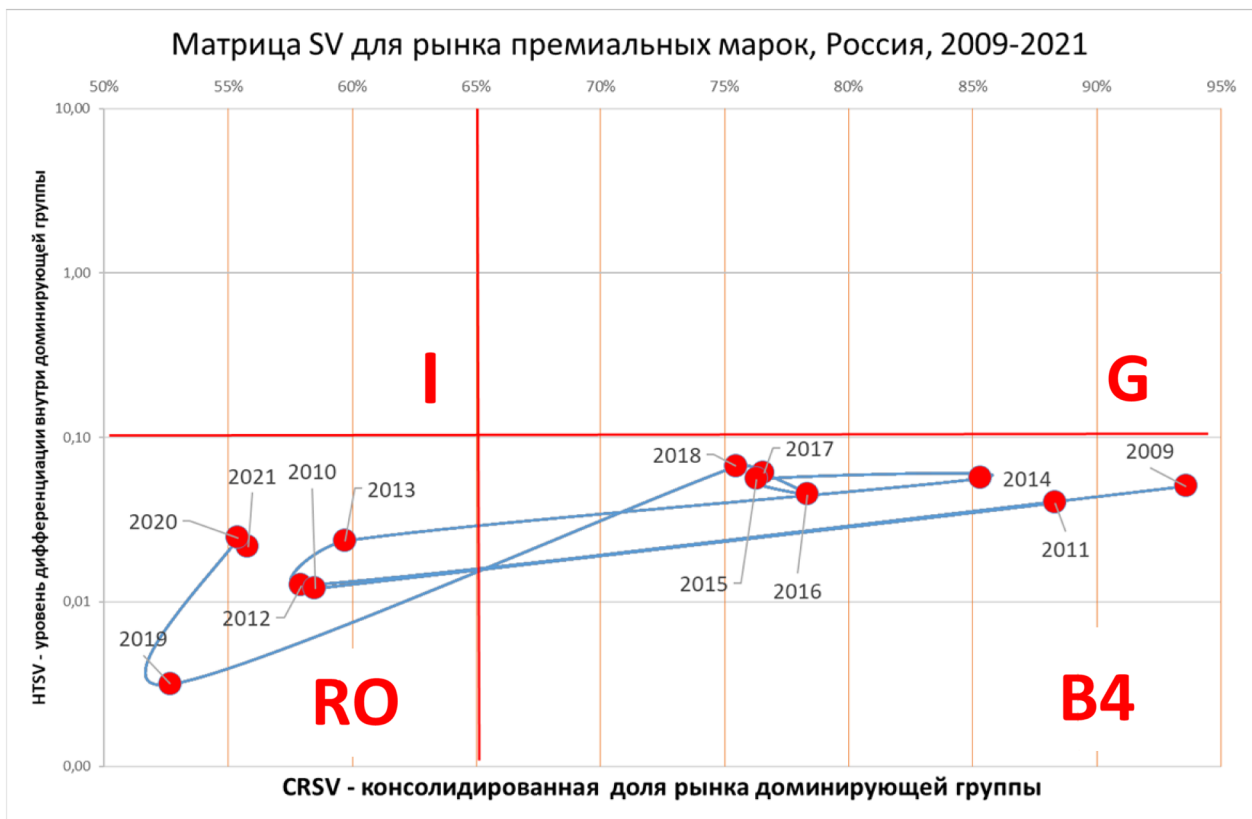

Рис. 4 / Fig. 4. Матрица SV оценки уровня доминирования для российского рынка премиальных автомобилей, 2009–2021 гг. / Matrix SV for assessing the dominance level for the Russian premium car market, 2009–2021

Источник / Source: составлено авторами на основе данные АЕБ. URL: <https://aebus.ru/> // compiled by the authors based on data from AEB. URL: <https://aebus.ru>.

проходил кризисные периоды в экономике, конкуренция внутри этого сегмента также претерпевала изменения. На рис. 4 изображена матрица SV¹⁰, а в таблице приведены соответствующий для каждого года размер доминирующей группы (строка «Линд»), значения CRSV и HTSV и детальные значения долей рынка для всех рассмотренных брендов премиального сегмента.

Матрица SV делится на 4 квадранта:

- в квадранте G (CRSV > 65%, HTSV > 0,1) представлены рынки, где совокупная доля доминирующих игроков составляет более 65% рынка, но между собой игроки сильно отличаются друг от друга (G — от российской компании Gazprom, иллюстрирующей пример данного рынка);

- в квадранте B 4 (CRSV > 65%, HTSV < 0,1) находятся рынки, где лидеры консолидировано занимают наибольшую долю, но при этом размеры всех доминирующих игроков примерно равны (B 4 — «большая четверка» на рынке аудиторских

услуг, являющемся иллюстрацией данного квадранта);

- в квадранте RO — Red Ocean (CRSV < 65%, HTSV < 0,1) представлены рынки, где доминирующие компании сопоставимы по силам, но их совокупная доля составляет 30–65% рынка. Если в результате конкуренции одна или несколько альф захватывают долю рынка других альф, то рынок переходит в верхний левый квадрант «I»;

- в квадрант I (CRSV < 65%, HTSV > 0,1) попадают рынки, где доминирующие игроки сильно дифференцированы, но совокупно контролируют от 30 до 65% рынка.

Как видно из рис. 4, с 2009 по 2021 г. рынок передвигался в пределах квадрантов B4 (естественная олигополия) и RO (красный океан) матрицы SV. Можно выделить следующие периоды с точки зрения изменения уровней доминирования на рынке:

- 2009–2012 гг. «Посткризисное восстановление». После всемирного кризиса конца 2008 г. российский автопром также лихорадило. В этот период происходили резкие изменения количе-

¹⁰ URL: <https://svmatrix.online/ru/Матрица-SV/>

Таблица / Table

Доли российского автомобильного рынка тринадцати люксовых брендов, 2009 – 2021 гг. /
Shares of the Russian automotive market of thirteen luxury brands, 2009 – 2021

Компания/год	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009
BMW	29,08%	29,03%	26,17%	23,59%	21,40%	19,73%	18,24%	17,37%	20,49%	20,04%	19,65%	20,47%	21,67%
Mercedes-Benz	26,72%	26,37%	26,50%	25,03%	26,24%	26,46%	27,61%	24,05%	21,61%	20,00%	20,28%	19,62%	15,97%
Lexus	12,03%	13,99%	14,12%	16,10%	16,89%	17,30%	13,42%	9,37%	7,68%	8,36%	9,56%	10,92%	8,48%
Audi	10,19%	10,36%	10,29%	10,74%	12,03%	14,85%	17,02%	16,64%	17,61%	17,90%	16,22%	18,41%	19,90%
Volvo	5,65%	5,45%	5,58%	5,15%	5,00%	4,01%	5,20%	7,54%	7,31%	10,88%	13,40%	10,59%	9,14%
Land Rover	3,97%	4,36%	5,46%	6,52%	6,33%	6,54%	7,70%	10,35%	10,24%	10,17%	9,20%	9,92%	12,30%
Porsche	3,89%	3,88%	3,80%	3,39%	3,26%	3,56%	3,51%	2,30%	4,23%	1,93%	1,54%	1,56%	1,68%
Genesis	2,78%	0,87%	1,43%	1,21%	0,74%	0,03%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%
Mini	1,62%	1,73%	1,59%	1,54%	1,13%	0,98%	0,90%	0,86%	1,36%	1,40%	1,40%	0,75%	0,91%
Infiniti	1,26%	1,29%	2,19%	3,08%	3,54%	3,24%	3,65%	4,39%	4,23%	4,92%	4,91%	4,65%	6,14%
Cadillac	1,48%	0,97%	0,61%	0,78%	0,97%	0,91%	0,76%	2,30%	1,85%	1,08%	1,55%	1,45%	2,03%
Jeep	1,00%	1,05%	1,16%	1,17%	0,91%	0,91%	1,36%	4,02%	2,56%	2,51%	1,46%	0,80%	0,55%
Jaguar	0,32%	0,65%	1,10%	1,68%	1,55%	1,49%	0,64%	0,80%	0,83%	0,80%	0,82%	0,85%	1,24%
Линд=>	2	2	2	4	4	4	4	6	3	3	6	3	7
CRSV	55,80%	55,40%	52,67%	75,47%	76,57%	78,33%	76,29%	85,32%	59,71%	57,94%	88,31%	58,50%	93,60%
HTSV	0,022	0,025	0,003	0,067	0,061	0,045	0,032	0,057	0,023	0,013	0,040	0,012	0,051
Квадрант	RO	RO	RO	B 4	B 4	B 4	B 4	B 4	RO	RO	B 4	RO	B 4

Источник / Source: составлено авторами на основе данных АЕБ. URL: <https://aeburus.ru> / compiled by the authors based on data from AEB. URL: <https://aeburus.ru>.

ства игроков в доминирующей группе, при этом сам рынок премиальных авто достаточно быстро рос: с 70 тыс. машин в 2009 г. до 190 тыс. — в 2012 г.

В 2009 г. в доминирующую группу в первый и пока последний раз попал Infiniti — люксовый бренд концерна Nissan, исходно созданный для североамериканского рынка. Несмотря на высокое качество и автомобилей, и сервиса, автомобиль не нашел пока свою постоянную нишу на рынке¹¹, и весь исследуемый период его доля постоянно снижалась.

В этот период еще были сильны на российском рынке позиции Volvo и Land Rover. В 2009 г. Land Rover достиг максимальной доли в 12,3% российского рынка, но в дальнейшем, несмотря на многочисленные попытки и амбициозные заявления¹², доля бренда только снижалась.

Максимальная доля у российского рынка Volvo наблюдалась в 2011 г. — 13,4%. Позже Volvo в 2014 г. еще вернется в доминирующую группу, но после девальвации рубля в январе 2015 г. поднимет цены на 20–30% (что сильно ударит по объему продаж¹³), и больше не будет среди альфа-компаний российского рынка.

• **2012–2014 гг. «Первая стабилизация премиального рынка».** К 2014 г. рынок стабилизировался в квадранте В 4. Причем в 2012–2013 гг. в доминирующей группе была «Большая немецкая тройка» (BMW, Mercedes-Benz и Audi), и, если бы не известные события 2014 г., она бы наверняка удержала свое положение, но в 2014 г. в доминирующую группу вошло еще три бренда — Lexus, Volvo и Land Rover, как в 2011 г. Резкий рост спроса в 2014 г. был связан с ожиданиями покупателей (обесценивание накоплений, повышение цен, в том числе, на импортные автомобили из-за падения курса рубля и др.).

Даже налог на роскошь, введенный в январе 2014 г.,¹⁴ не остановил покупательский ажиотаж. Если посмотреть на *рис. 1*, то можно заметить, что в 2014 г. ведущие премиальные бренды имели разные результаты: Mercedes-Benz, Lexus и Land Rover сохранили цифры продаж, а у BMW и Infiniti они серьезно упали. Скорее всего, это объясняется просто

физической нехваткой машин, так как в декабре 2014 г. салоны были практически пусты, и последние автомобили продавались без каких-либо скидок.

• **2015–2018 гг. «Четыре лидера на четыре года».** С 2015 по 2018 г. на премиальном рынке России доминировали четыре компании: BMW, Mercedes-Benz, Audi и Lexus, занимая примерно три четверти рынка. После спада 2014 г. в 2015–2018 гг. продажи премиальных машин были примерно одинаковыми — 140–150 тыс. автомобилей в год. Рынок уверенно держался в квадранте В 4 (естественная олигополия), CRSV колебался в диапазоне 75–78%.

В июле 2014 г., чтобы поддержать отечественных автопроизводителей, правительство РФ ввело запрет на государственные закупки автомобильной техники, которая не производится в России. Приобретаемый автомобиль с тех пор должен был иметь определенный уровень локализации: не менее 30%. Кроме того, правительство пообещало увеличивать требуемый уровень локализации до 60–70% к 2018 г. Это повлияло не на все премиальные бренды: в Калининграде на предприятии «Автотор» собирались с достаточным уровнем локализации представительские седаны BMW, в Калуге производились престижные модели Audi A6 и A8, а вот для компаний Mercedes-Benz, Lexus и Infiniti это закрыло доступ¹⁵ к государственному сектору.

• **2019–2021 гг. «И их осталось двое».** В этот период рынок переходит в квадрант RO — остаются два доминирующих игрока, а доли остальных падают. Казалось бы, ситуация напоминает 2011 г., но тогда доминирующих игроков было три при том же значении CRSV, а теперь та же доля рынка сосредоточена в руках только пары немецких брендов: BMW и Mercedes-Benz. Сложно однозначно определить, за счет чего это произошло, так как детальная статистика продаж обоих брендов закрыта, но можно сделать следующие предположения:

• существенно вырос спрос на услуги премиального такси (тарифы «бизнес» и выше в Яндекссе — только у немецких премиальных производителей: Mercedes-Benz, BMW и Audi), например, по данным 2019 г., на 20%¹⁶;

• за счет локализации производства для Mercedes-Benz и BMW снова стали доступны рос-

¹¹ URL: <https://fb.ru/article/358427/infiniti-strana-proizvoditel-kto-vyipuskaet-avtomobili-pod-brendom-infiniti>

¹² URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/360597-10-let-jaguar-land-rover-kak-indusy-spasli-avtomobilnoe-nasledie-britanii>

¹³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2718234>

¹⁴ URL: <https://www.garant.ru/news/485339/>

¹⁵ URL: <https://www.autostat.ru/news/17313/>

¹⁶ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/02/12986107.shtml?updated>

сийские государственные закупки, где эти бренды всегда пользовались высоким спросом. В Подмоскowie в 2019 г. был запущен завод Mercedes, который может производить до 35 тыс. машин в год¹⁷.

По итогам 2019 г. Mercedes-Benz заняла ведущую позицию среди премиум-марок и в корпоративном секторе реализовала юридическим лицам 14,5 тыс. легковых машин. Это примерно треть от общих продаж Mercedes-Benz на российском рынке. BMW заняла второе место с 13,8 тыс., а остальные компании имели корпоративные продажи намного меньше: Lexus — 4,9 тыс., Audi — 4,8 тыс. и Land Rover — 3,3 тыс.¹⁸ Если вычесть из статистики корпоративные продажи, отрыв двух лидеров станет значительно скромнее.

Почему Lexus и Audi исчезли из доминирующей группы? Во всем виноват именно японский премиальный бренд, так как Audi в период «четырех лидеров» замыкала четверку (см. таблицу), а Lexus был на третьем месте. Но с 2019 г. продажи Lexus упали, а BMW и Mercedes-Benz, наоборот, выросли, в результате разрыв между вторым и третьим местом настолько увеличился, что Lexus стал лидером второго эшелона премиальных брендов, покинув доминирующую группу. А доля рынка Audi снизилась еще в 2018 г., но потом почти не менялась до 2021 г. Воистину: «Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте. Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!»

Причины снижения доли Lexus были вполне экономические. В 2019 г. Lexus свернул в России продажи седана Lexus IS, так как «конкуренты Lexus IS предлагали большую вариативность и продавались намного лучше, например BMW 3-Series за полгода купили 2799 чел., Mercedes-Benz C-Class — 2364, а корейский Genesis G70–711»¹⁹. В январе 2020 г. Lexus и Toyota объявили об отзыве 82 тыс. машин, выпущенных начиная с 2015 г., из-за технических дефектов²⁰. В целом доля рынка Lexus с 2018 г. сократилась почти на четверть: с 16 до 12%. На европейском рынке Lexus в 2020 г. также отказывается от продаж седанов и концентрируется на кроссоверах²¹.

¹⁷ URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2019/04/03/798178-mercedes-benz>

¹⁸ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/02/12986107.shtml>

¹⁹ URL: <https://motor.ru/news/lexus-is-gone-28-09-2019.htm>

²⁰ URL: <https://www.gost.ru/newsRST/redirect/news/1//6624>

²¹ URL: <https://news.drom.ru/Lexus-81153.html>

Во время пандемии многие автопроизводители испытывали нехватку комплектующих, а о нехватке автомобилей, начиная со второй половины 2020 г., говорили все дилеры премиальных автомобилей в России²². BMW и Mercedes-Benz отреагировали на это ограничением продаж автомобилей, что скажется на сохранении уровня цен, выросших за время пандемии, даже когда дефицит полупроводников будет преодолен²³. Компании настолько уверены в лояльности своих покупателей, что считают создание искусственного дефицита возможностью усилить их доминирующие позиции. Но, возможно, это временный маркетинговый ход, чтобы собрать больше заказов от покупателей.

Государство в этот период продолжало оказывать влияние на рынок премиальных брендов: например, с 1 июля 2020 г. вступил в силу запрет на покупки иностранных автомобилей²⁴, но продажи продолжали расти.

И, наверно, завершить описание этого периода можно, сообщив о результатах сверхпремиального бренда: «Компания Lamborghini рассказала, что 2021 г., который ознаменовался кризисом глобального автопрома, стал самым хорошим за всю историю продаж: результат прошлого года, учитывая продажи во всех странах мира, удалось улучшить на 13%, в России — на 48%». Также Rolls-Royce сообщила, что в 2021 г. Россия вошла в тройку лидеров по покупке автомобилей этой марки, Bentley и Porsche за предыдущий год продали машин на 11% больше²⁵.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ СИТУАЦИЯ С 24 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

По данным Росстат, в январе-феврале 2022 г. было зафиксировано снижение объемов производства автомобилей на 7,2% по сравнению с 2021 г. (и это еще до введения санкций). В конце февраля — начале марта 2022 г. ситуация на автомобильном рынке РФ начала значительно ухудшаться: начали расти цены на автомобили и снизились объемы производства в результате действия санкций, вызвавших проблемы с логистикой, недостаток комплектующих, снижение курса рубля.

Правительство РФ, с одной стороны, предприняло ряд действий, пытаясь поддержать спрос на автомобили (поправки в Налоговый кодекс, повы-

²² URL: <https://www.autonews.ru/news/5ee732e19a79476d0a4eb4be>

²³ URL: https://www.gazeta.ru/auto/2021/09/13_a_13980920.shtml

²⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/8856597>

²⁵ URL: <https://vz.ru/news/2022/1/12/1138468.html>

шающие минимальный порог стоимости легкового автомобиля, на который распространяется «налог на роскошь», с 3 до 10 млн руб.²⁶), а также автопроизводителей (возможность не оснащать автомобили системой «ЭРА ГЛОНАСС»²⁷ в I полугодии 2022 г., отсрочка уплаты утилизационного сбора в 2022 г.) и др. С другой стороны, в настоящий момент не продлеваются государственные программы льготного автокредитования и лизинга²⁸.

Сейчас сложно сказать о перспективах развития премиального рынка, так как ситуация на нем постоянно меняется, а рассмотренные в статье премиальные бренды все чаще заявляют о приостановлении деятельности в РФ.

Так, в марте 2022 г. правительство США заявило о запрете на экспорт премиальных автомобилей (до введения санкций из США в РФ экспортировались Cadillac Escalade, некоторые модели Jeep, а также BMW и Mercedes-Benz американской сборки)²⁹, а такие бренды, как Lamborghini, Ferrari и Infiniti, приостановили поставки автомобилей в РФ³⁰. С 5 апреля 2022 г. Япония вводит запрет на экспорт в РФ премиальных автомобилей³¹.

В случае сохранения указанных тенденций, ве описанные выше факторы в ближайшее время приведут к радикальным изменениям в структуре российского рынка премиальных автомобилей.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

На рынке премиальных автомобилей в России всегда можно было выделить доминирующую группу, которая включала от двух до семи брендов. В 2014, как и в 2009 г., сразу после сильного кризиса вырос размер доминирующей группы, затем произошло постепенное сокращение до трех, а потом и до двух альфа-лидеров.

С точки зрения уровня доминирования, рынок премиальных автомобильных брендов с 2009 по 2021 г. колебался между квадрантами RO и B4, не попадая в квадранты I и G матрицы SV. Это свидетельствует об относительно низкой дифференциации между игроками доминирующей группы (индекс HTSV не поднимался выше 0,07). Если

рассматривать индекс CRSV, то можно заметить, что компании доминирующей группы всегда контролировали более 50% рынка, а иногда это значение было значительно выше, что говорит об их высокой концентрации (см. таблицу).

Цикл рынка премиальных автомобилей отличается от общеотраслевого: рынок премиальных авто в кризис продолжает расти, а падает через год-два после падения общего рынка. Эта задержка объясняется разными факторами: с одной стороны, потребители премиальных продуктов, пытаясь сохранить обесценивающиеся накопления, отправляются обновлять автомобили, ожидая резкого повышения цен в следующем году. Жители соседних государств (Казахстана и Белоруссии), чьи доходы не привязаны к рублю, в условиях резкого падения цены премиальных автомобилей (в 2014 г. за счет курсовой разницы это падение было более чем в 2 раза) также повысили спрос на премиальные автомобили.

В последние годы важным фактором роста лидеров рынка (Mercedes-Benz, BMW) можно назвать переориентацию на корпоративный сегмент продаж: изменение структуры рынка пассажирских перевозок и рост рынка премиального такси являются сейчас очень важными трендами, чем Mercedes-Benz и BMW активно воспользовались.

Государство как регулятор влияет на рынок, определяя доступ к государственным закупкам, но нам не удалось выявить значимого влияния на объем продаж в силу относительно небольшого объема закупок премиальных брендов по сравнению с общими цифрами продаж. Также мы не нашли подтверждений тому, что налог на роскошь как-либо повлиял на рынок премиальных автомобилей. Основное влияние государственных мер по поддержке автомобильной промышленности сказалось на марках массового, а не премиального сегмента.

Таким образом, после проведенного исследования можно сделать основной вывод: в то время как в массовом сегменте автомобилей сила компаний и доминирующих групп сильно зависит от внешних факторов, например поддержки государства (программы финансирования, государственные закупки, инфраструктура в виде программ кредитования и др.) и общей динамики автомобильного рынка (роста или его падения, т.е. залогом успеха является выстраивание правильных отношений с регулятором), в премиальном сегменте основными движущими силами изменения ситуации на рынке

²⁶ URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2022/03/03/911814-nalog-na-roskoshnie-avtomobili>

²⁷ URL: <https://www.autostat.ru/news/51110/>

²⁸ URL: <https://www.autostat.ru/news/51052/>

²⁹ URL: <https://www.autonews.ru/news/622b794e9a794700c31722b9>

³⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5251872>

³¹ URL: <https://ria.ru/20220329/yaponiya-1780588409.html>

являются действия самих компаний, их конкурентная стратегия (ценовая политика, управление модельным рядом, уровень сервиса и возможность обеспечить спрос вовремя), а также адаптация к актуальным рыночным трендам.

События I квартала 2022 г. показывают, что политические и экономические факторы могут радикально изменить структуру рынка и значительно снижают влияние стратегических решений отдельных рыночных игроков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вертоградов В. А., Щелокова С. В., Иванчина А. А. Автомобильный рынок РФ: стратегии компаний и действия регуляторов (2009–2021). *Стратегии бизнеса*. 2022;10(2):33–41. DOI: 10.17747/2311–7184–2022–2–33–41
2. Баронина Ю. А. Современные производственные стратегии европейский автомобильных ТНК. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019;(1):159–174. DOI: 10.24411/2073–6487–2019–10011
3. Нелин Д. В. Анализ поведения компаний в автомобилестроительной отрасли России в условиях кризиса. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. 2016;(28–2):104–108.
4. Зарицкий Б. Е. Немецкий автопром в эпоху глобализации. *Мир новой экономики*. 2016;(2):88–94.
5. Левина Е. А., Покатович Е. В. Конкуренция по Берно и по Бертрану: выбор стратегической переменной на примере автомобильного рынка России. *Современная конкуренция*. 2015;9(6):52–62.
6. Ершова А. Э., Кузнецов А. Н. Стратегии конкурентного развития компании BMW Group. *Стратегии бизнеса*, 2019;(5):26–29. DOI: 10.17747/2311–7184–2019–5–26–29
7. Madić V., Mijušković V., Marković D. Competitive strategies in premium automotive segment. *ТЕМЕ*. 2021;45(2):639–659. DOI: 10.22190/ТЕМЕ 200528037M
8. Adam N. Key success factors for automotive premium brands in answer to the change of luxury and societal changes. In: *International Marketing Trends Conference 2016*. Venice: Marketing Trends Association; 2016:1–7. URL: <http://archives.marketing-trends-congress.com/2016/pages/PDF/ADAM.pdf>
9. Блохин А. А., Ломакин-Румянцев И. В., Наумов С. А. Альфа-бизнес на российском продовольственном рынке. *Экономические стратегии*. 2019;21(6):68–77. DOI: 10.33917/es-6.164.2019.68–77
10. Вертоградов В. А. Рыночные стратегии альфы, беты и гаммы в контексте теории экономического доминирования. *Экономические стратегии*. 2020;22(2):50–53. DOI: 10.33917/es-2.168.2020.50–53
11. Щелокова С. В., Вертоградов В. А. Матрица SV: инструмент стратегического конкурентного анализа для оценки уровня доминирования. *Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика*. 2021;(6):137–142. DOI: 10.38050/01300105202167
12. Linda R. Methodology of concentration analysis applied to the study of industries and markets. Brussels: Commission of the European Communities; 1976. 160 p. URL: <http://aei-dev.library.pitt.edu/33888/1/A597.pdf>

REFERENCES

1. Vertogradov V. A., Shchelokova S. V., Ivanchina A. A. Russian automotive market: Business strategies and regulators' actions (2009–2021). *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2022;10(2):33–41. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311–7184–2022–2–33–41
2. Baronina Yu. A. Modern manufacturing strategies of European automotive transnational corporations. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(1):159–174. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073–6487–2019–10011
3. Nelin D. Analysis of the behavior of companies in the Russian automotive industry in a crisis. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya*. 2016;(28–2):104–108. (In Russ.).
4. Zaritskiy B. E. The German automotive industry in age of globalisation. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2016;(2):88–94. (In Russ.).
5. Levina E., Pokatovich E. Cournot competition vs. Bertrand competition: The choice of a strategic variable. The case of Russian automobile market. *Sovremennaya konkurentsia = Journal of Modern Competition*. 2015;9(6):52–62. (In Russ.).
6. Ershova A. E., Kuznetsov A. N. Strategy competitive development of the Company BMW Group. *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2019;(5):26–29. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311–7184–2019–5–26–29

7. Madić V., Mijušković V., Marković D. Competitive strategies in premium automotive segment. *TEME*. 2021;45(2):639–659. DOI: 10.22190/TEME 200528037M
8. Adam N. Key success factors for automotive premium brands in answer to the change of luxury and societal changes. In: International Marketing Trends Conference 2016. Venice: Marketing Trends Association; 2016:1–7. URL: <http://archives.marketing-trends-congress.com/2016/pages/PDF/ADAM.pdf>
9. Blokhin A. A., Lomakin-Rumyantsev I.V., Naumov S. A. Alpha business in the Russian food market. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2019;21(6):68–77. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-6.164.2019.68–77
10. Vertogradov V.A. Alpha market strategies, beta and gamma in the context of the theory of economic dominance. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2020;22(2):50–53. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-2.168.2020.50–53
11. Shchelokova S.V., Vertogradov V.A. SV matrix: Strategic competitive analysis tool based on the dominance level. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin*. 2021;(6):137–162. (In Russ.). DOI: 10.38050/01300105202167
12. Linda R. Methodology of concentration analysis applied to the study of industries and markets. Brussels: Commission of the European Communities; 1976. 160 p. URL: <http://aeidev.library.pitt.edu/33888/1/A597.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Александрович Вертоградов — руководитель учебно-научной лаборатории «Проект MAX» экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Vladimir A. Vertogradov — Head of laboratory “Project MAX”, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2986-0886>
v@svmatrix.online

Светлана Викторовна Щелокова — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления организацией экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Svetlana V. Shchelokova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7233-1322>
s@svmatrix.online

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.02.2022; после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 20.03.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.02.2022; revised on 01.03.2022 and accepted for publication on 20.03.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-76-88
УДК 330.15(045)
JEL Q53

Качество воздуха как приоритет для новой экономики

С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева, М. Астапкович
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о проблеме загрязнения воздуха. В мире ее экономическим, социальным и экологическим аспектам уделяется все больше внимания. Эта тенденция хорошо видна на примере Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), принятых всеми странами мира в 2015 г. с горизонтом выполнения до 2030 г. Значительная часть ЦУР прямо или косвенно связана с борьбой с загрязнением воздуха, что позволит улучшить здоровье населения и жизнь в городах, смягчить климатические проблемы, создать новую энергетику, реализовать новые технологии и т.д. Здесь можно упомянуть ЦУР 3 (здоровье), ЦУР 7 (энергетика), ЦУР 8 (экономический рост), ЦУР 9 (индустриализация и инновации), ЦУР 11 (устойчивые города), ЦУР 13 (климат), ЦУР 15 (экосистемы суши). Фактически можно говорить о сформировавшихся «воздушных» приоритетах при переходе к новым моделям экономики, прежде всего зеленой и низкоуглеродной.

Ключевые слова: качество воздуха; здоровье населения; ущерб от загрязнения; низкоуглеродная экономика; климат; парниковые газы; мониторинг

Для цитирования: Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Астапкович М. Качество воздуха как приоритет для новой экономики. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):76-88. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-76-88

ORIGINAL PAPER

Air Quality as a Priority Issue for the New Economy

S.N. Bobylev, S.V. Solovyeva, M. Astapkovich
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article talks about the problem of air pollution. In the world, its economic, social, and environmental aspects are receiving increased attention. This trend is clearly visible in the example of the UN Sustainable Development Goals (SDGs), adopted by all countries of the world in 2015 with a horizon of implementation up to 2030. A significant part of the SDGs is directly or indirectly related to combating air pollution, which will improve the health of the population and life cities, mitigate climate problems, create a new energy sector, implement new technologies, etc. Here we can mention SDG 3 (health), SDG 7 (energy), SDG 8 (economic growth), SDG 9 (industrialization and innovation), SDG 11 (sustainable cities), SDG 13 (climate), SDG 15 (terrestrial ecosystems). In fact, we can talk about the formed “air” priorities in the transition to new economic models, primarily green and low-carbon ones.

Keywords: air quality; public health; pollution damage; low-carbon economy; climate; greenhouse gases; monitoring

For citation: Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Astapkovich M. Air quality as a priority issue for the new economy. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):76-88. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-76-88

ВВЕДЕНИЕ

В глобальном контексте все более четко прослеживается тенденция к усилению приоритета сохранения здоровья человека при решении проблем загрязнения воздуха. Она во многом связана с осознанием значительности социально-экономического вреда и ущерба от экологической деградации для качества жизни и развития человеческого потенциала. Помимо здоровья, можно отметить различного рода эколого-экономические ущербы, отрицательные экстерналии, повышенные издержки в экономике, связанные с деградацией природных ресурсов и загрязнениями. К тезису «нельзя быть здоровым в загрязненной среде» можно применить экономическую интерпретацию: «быть здоровым в загрязненной среде очень дорого», так как издержки на предотвращение или лечение заболеваний, вызванных экологической деградацией, велики.

Экономическая оценка ущербов от загрязнения окружающей среды является сложной проблемой, зависящей, в частности, от корректного мониторинга и определения экологически зависимой доли здоровья населения. Имеющиеся исследования в мире и стране показывают, что основная часть ущербов приходится на загрязнение воздуха, менее значительны ущербы от загрязнения воды и отходов.

По данным структур ООН, загрязнение воздуха является наиболее важным экологическим фактором глобального бремени болезней, ежегодно приводя к преждевременной смерти миллионов человек и большим экономическим потерям. Денежная оценка потерь глобального благосостояния из-за этого загрязнения оценивается в 5,1 трлн долл. (или 6,6% глобального мирового продукта). Девять из десяти жителей городов дышат загрязненным воздухом, т.е. воздухом, не отвечающим установленным требованиям Всемирной организации здравоохранения. В период с 2010 г. произошло ухудшение качества воздуха, которым дышит более 50% населения планеты (shorturl.at/ovBO6, shorturl.at/irvyD) [1].

По оценкам Всемирного Банка, потери от загрязнения воздуха в странах Европы и Средней Азии составляют 5,1% ВВП при максимальном значении 7,5% в Восточной и Южной Азии (<http://hdl.handle.net/10986/25013>).

Сформировавшаяся в стране неустойчивая экспортно-сырьевая модель экономики приводит к огромным социо-эколого-экономическим потерям, проявляющимся, в частности, в высоком загрязнении окружающей среды и наносящим ущерб

здоровью населения. По оценкам ВОЗ, в России ежегодно могут преждевременно умирать из-за загрязнения атмосферного воздуха до 100 тыс. чел. (<https://ourworldindata.org/grapher/number-of-deaths-by-risk-factor?country=~RUS>). Драматичную цифру потерь от экологической деградации привел Президент РФ: «По ряду направлений нагрузка на природу достигла критических значений. В итоге ежегодный экономический ущерб доходит до 6% ВВП, а с учетом последствий для здоровья людей — и до 15%» (<http://kremlin.ru/events/president/news/53602>). Если учесть, что в 2010-е гг. темпы экономического развития страны и ее регионов составляли примерно 1–2% ВВП/ВРП, то очевидна необходимость радикального изменения самой социо-эколого-экономической модели развития, обозначения новых приоритетов. Необходим переход к зеленой экономике и ее различным типам: низкоуглеродной, циркулярной (экономике замкнутого цикла), синей, биоэкономике. Эта экономическая трансформация все более ярко проявляется в мире, особенно в связи с политикой в области климата.

В России улучшение качества воздуха может способствовать решению важных социально-экономических задач, стоящих перед страной, в частности в области национальных проектов в сфере экологии, здравоохранения, демографии, жилья и городской среды. Решение этих задач также согласуется с растущей ролью ESG-приоритетов организаций в экологической и социальной областях экономической деятельности.

В экономическом контексте проблема загрязнения воздуха тесно связана с возникающим ущербом для общества, вредом для здоровья и ростом расходов на его охрану, снижением производительности труда, экстернальными издержками, необходимостью значительных инвестиций в мониторинг эмиссий и еще более значительных — в их снижение.

Много внимания проблемам выбросов в воздух и его загрязнения уделяется в докладах международных организаций ООН, Всемирного банка, ОЭСР, исследованиях зарубежных ученых.

По оценкам ОЭСР, глобальные экономические потери из-за преждевременной смертности, вызванной загрязнением воздуха мелкодисперсными твердыми взвешенными частицами (PM) и приземным озоном (O₃), превышают 1,7 трлн долл. США в год, что соответствует примерно 3,5% глобального ВВП. При этом потери России оцениваются в 12,5% ВВП — это самый высокий показатель среди стран ОЭСР и БРИКС [2].

Оценки потерь Всемирного банка еще более высокие: загрязнение воздуха РМ привело в 2019 г. к потерям, эквивалентным 6,1% глобального ВВП из-за 93 млрд дней, прожитых с болезнями, и 6,4 млн преждевременных смертей (<http://hdl.handle.net/10986/36501>). Для сравнения, к декабрю 2021 г. пандемия COVID-19 унесла 5,2 млн жизней (<https://coronavirus.jhu.edu/map.html>).

Страновой анализ экономических потерь от загрязнения воздуха демонстрирует высокие экономические потери как для развитых, так и для развивающихся стран. Ущерб здоровью из-за загрязнения воздуха только от сжигания ископаемого топлива для России оценивается в 4,1% ВВП [3].

Исследование панельных данных по 195 странам мира выявило, что Россия (вместе с Китаем, Индией, США, Германией и Японией) — среди стран с наиболее высоким уровнем экономических потерь из-за преждевременной смертности, связанной с воздействием РМ_{2,5} и озона. Совокупные потери России к 2017 г. оценены в 237 млрд долл. США (в ценах 2010 г.) [4].

Решению проблемы загрязнения воздуха посвящено много работ зарубежных авторов. Анализ результатов региональных программ по снижению загрязнения воздуха демонстрирует положительные экономические эффекты. Реализация Плана действий по предотвращению и контролю загрязнения воздуха в Пекине в 2014–2017 гг. привела к значительному повышению качества жизни в регионе, в основном за счет снижения затрат жителей на здоровье. Положительный экономический эффект от пятилетней программы оценивается в 4% ВРП [5]. Фокус программы был направлен на РМ, которые, по результатам другого исследования, вносят самый значительный вклад в качество воздуха в крупных китайских городах [6].

На данных стран ЕС получены выводы о причинно-следственной связи между содержанием мелкодисперсных частиц в воздухе и производительностью труда. Повышение концентрации РМ_{2,5} на 1 мкг/м³ в воздухе приводит к снижению реального ВВП на 0,8% за счет уменьшения эффективности труда [7]. Полученные результаты ложатся в основу выводов об оправданности строгого регулирования качества воздуха хотя бы для повышения производительности труда.

Борьба с загрязнением атмосферы способствует уменьшению выбросов СО₂, метана и других парниковых газов, помогая справиться с изменением климата. 29 октября 2021 г. Правительством РФ

была принята «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», а Президент РФ заявил о намерении достижения в стране углеродной нейтральности к 2060 г.

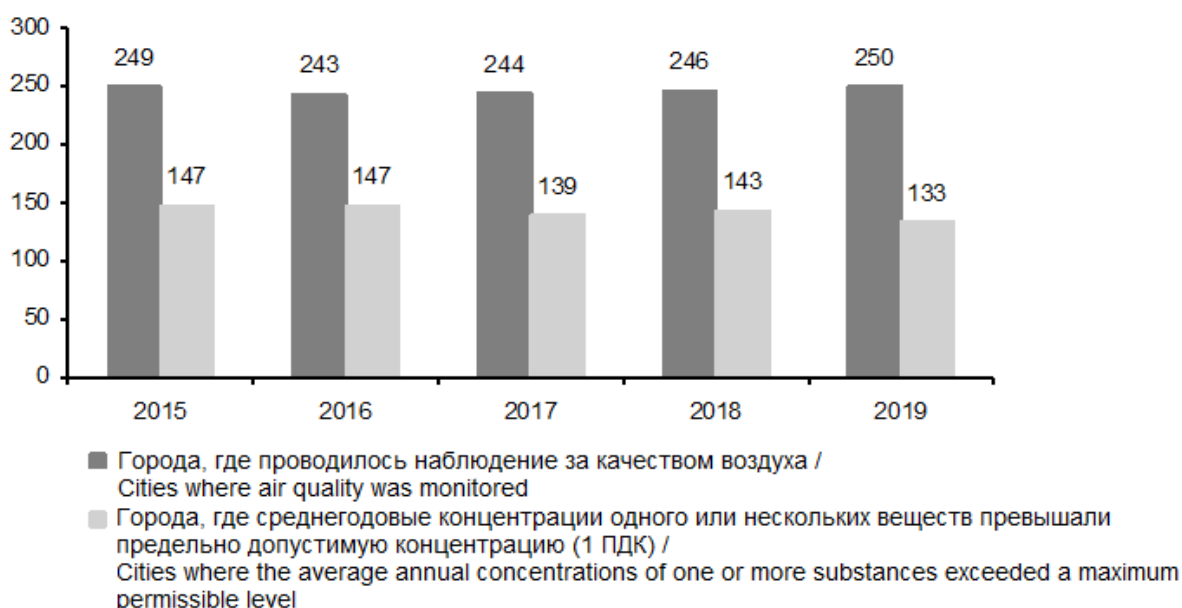
В 2020–2021 гг. практически все страны с развитыми экономиками провозгласили переход к углеродной нейтральности к 2050–2060 гг., что означает радикальную структурно-технологическую трансформацию для построения новой низкоуглеродной экономики.

Особое внимание уделяется вопросам экономического эффекта загрязнения воздуха в контексте климатической политики стран. Снижение выбросов парниковых газов коррелирует со снижением концентрации других загрязняющих веществ в воздухе (РМ, SO₂, NO_x, летучие органические вещества и др.). Чистый положительный эффект от снижения концентрации вредных веществ в воздухе в результате ограничения выбросов парниковых газов оценивается в +0,5% ВВП для Индии и +1,5% ВВП для Китая на горизонте 2050 г. Для развитых экономик данный сопутствующий эффект несколько ниже [8, 9].

В отечественной научной литературе накоплен опыт экономических оценок потерь от загрязнения окружающей среды и воздуха. Этим вопросам посвящены работы С. Н. Бобылева, О. Е. Медведевой, Г. Е. Мекуш, Е. А. Рюминой, С. В. Соловьевой, А. С. Тулупова, Г. А. Фоменко [10–14]. По оценкам Е. А. Рюминой, ущерб, вызываемый выбросами промышленных источников, составляет от 4% ВРП в регионах низкого уровня развития до 17% ВРП в регионах высокого уровня развития [15].

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ВОЗДУХА

После кризиса 1998–1999 гг. в стране был значительный подъем суммарных выбросов загрязняющих веществ в воздух, однако в 2005–2014 гг. произошло их стремительное падение. Это позитивная тенденция, свидетельствующая об уменьшении многих индикаторов интенсивности загрязнений и эффекте декаплинга. Произошедшие изменения стали результатом структурно-технологических преобразований и своевременных эколого-экономических решений в экономике. Однако в условиях стагнации экономики после 2014 г. этот показатель растет за счет передвижных источников, представленных в основном автомобильным транспортом, на фоне определенной стабилизации выбросов от стационарных источников.

Рис. 1 / Fig. 1. Города, имеющие превышение среднегодовой ПДК в атмосфере, кол-во / Cities suffering excess of the annual maximum permissible level of pollutants in the atmosphere, number of cities

Источник / Source: Охрана окружающей среды в России. М.: Росстат; 2020 / Environmental Protection in Russia. Moscow: Rosstat; 2020.

На величину загрязнения существенное влияние оказывает отставание технологической базы экономики — износ значительной части физического капитала и основных фондов, их большой возраст.

Выбросы загрязняющих веществ распределяются по территории России неравномерно. Основная их часть концентрируется в городах и вблизи промышленных центров. Поэтому для страны в вопросах загрязнения очень важен учет регионального фактора. В 2020 г. в 34 городах Российской Федерации (15% от всех городов страны) уровень загрязнения воздуха был высоким и очень высоким. В этих городах проживает 9,6 млн чел. (9% городского населения). За год в 133 городах (53% городов из числа тех, где проводятся наблюдения) средние показатели концентрации какого-либо вещества превышают 1 ПДК. В них проживает 102,9 млн чел. (рис. 1).

В стране ежегодно составляется перечень городов, в который включаются урбанизированные территории с очень высоким уровнем загрязнения воздуха, для которых комплексный индекс загрязнения атмосферы (ИЗА) равен или выше 14. Среди них: Норильск, Новокузнецк, Иркутск, Красноярск, Нижний Тагил, Чита и др.

В общий объем выбросов существенный вклад вносит транспорт, в основном автомобильный. В особенности эта проблема затрагивает крупные города, где выбросы автотранспорта могут превы-

шать 90% суммарных загрязнений (<https://ac.gov.ru/files/publication/a/23713.pdf>).

Имеется значительная региональная неравномерность распределения загрязнения воздуха по городам. В настоящее время от плохого качества воздуха больше всего страдает городское население Сибирского (55% жителей) и Дальневосточного (25% жителей) федеральных округов. Такая ситуация способствует оттоку жителей этих регионов. Самая лучшая экологическая ситуация в городах Северо-Западного и Приволжского федеральных округов.

В области статистики загрязнения воздушного бассейна имеется много пробелов и противоречий. В 2014 г. произошло существенное смягчение нормативов качества воздуха, что привело к одномоментному сокращению количества городов с высоким уровнем загрязнения — с 123 в 2013 г. до 51 в 2014 г. Такое смягчение вызвало неоднозначную реакцию медиков и эпидемиологов. С 2019 г. данные о выбросах от автомобильного и железнодорожного транспорта стали представляться Росстатом с учетом требований Таможенного союза и ОЭСР к экологическим классам, качеству и типам топлива. В результате объемы выбросов от передвижных источников сократились почти в 3 раза. Однако необходима коррекция статистики для сопоставимости данных различных лет и показателей выбросов.

ЭКОНОМИКА ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОЗДУХА

Макроэкономическая и региональная оценки ущерба для здоровья по отношению к ВВП и ВРП были получены в России в начале 2000-х гг. в рамках проекта Минприроды, Всемирного банка и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [16]. На основе методов оценки риска для здоровья, широко применяемых в мире, были рассчитаны издержки для здоровья, вызванные загрязнением воздуха и воды в России, включая факторы заболеваемости и смертности. Для региональной оценки ущерба для здоровья населения от загрязнения окружающей среды в России применялась модель «Экосенс» (EcoSense), разработанная в Штутгардском университете. Она использовалась для оценки ущерба (вреда) от загрязнения атмосферного воздуха. Расчеты на основе данной модели показали, что вред для здоровья по экологическим причинам может достигать 8–10% ВРП, в частности для уральских регионов и Кемеровской области.

В последнее время появились возможности более детальных расчетов на основе данных по ущербу для здоровья от отдельных загрязнителей воздуха. Так, расчеты авторов на основе исследований Департамента окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Великобритании (DEFRA) по загрязняющим веществам NO_x , SO_2 , NH_3 , $\text{PM}_{2,5}$ и PM_{10} показали, что стоимостная оценка ущерба от выбросов в атмосферу в 2019 г. в России находится в диапазоне 1,9–4,9% ВВП (2123–5415 млрд руб.) (табл. 1). Для расчетов использовались показатели стоимости среднестатистической жизни (ССЖ) и паритета покупательной способности для рубля (ППС).

Для идентификации показателей и объемов загрязнения воздуха важное значение имеет масштабное расширение сети мониторинга в стране. Это позволит лучше определять возможные направления борьбы с загрязнениями и предотвратить ущербы для здоровья населения [17]. В настоящее время в сети Росгидромета имеется 619 постов, что составляет около 30% от необходимого уровня согласно ГОСТ 17.2.3.01–86 (Охрана природы. Атмосфера). По имеющимся оценкам, число пунктов мониторинга в городах должно быть доведено до 2089, плюс 7947 постов должно быть размещено на предприятиях. Таким образом, общее число пунктов должно достигнуть 10026, что потребует 19,3 млрд руб. с учетом применения современных малогабаритных и экономичных постов мониторинга, тенденция

на использование которых широко распространена в мире. Эта сумма складывается из затрат на обеспечение мониторинга в городах (3,2 млрд руб.) и на предприятиях (16,1 млрд руб.). Очевидно, что даже по приведенной выше нижней границе годового ущерба для здоровья населения от загрязнения воздуха (2123 млрд руб.) оценка затрат в 19,3 млрд руб. на мониторинг по всей стране не представляется значительной (менее 1% от годового ущерба). Такой же вывод можно сделать при сопоставлении планируемых затрат на федеральный проект «Чистый воздух», представляющий собой реализацию мероприятий по улучшению качества воздуха в 2018–2024 гг. — 500 млрд руб. только в 12 городах.

Очень важно включать оценки ущербов от загрязнения воздуха в макроэкономические показатели. Современные традиционные макроэкономические индикаторы (ВВП, ВВП, объемы производства, потребления и т.д.) слабо учитывают социальные и экологические реалии и нуждаются в корректировке или замене с учетом необходимости перехода к устойчивому развитию (sustainable development). Афористично эту проблему отразили два лауреата Нобелевской премии по экономике Д. Стиглиц и А. Сен в названии своей книги «Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла» [18]. Один из главных выводов книги состоит в необходимости перенести акцент в системе показателей с измерения производства на измерение благосостояния; при этом измерение благосостояния должно рассматриваться в контексте обеспечения устойчивости развития.

Сейчас в области экономической оценки ущерба для здоровья имеются частные индикаторы, связанные с отдельными загрязнителями, различного рода экономическими нормативами, удельными ущербами. Например, Всемирный банк рассчитывает оценку ущерба для здоровья по отдельным странам от выбросов опасных мелкодисперсных твердых взвешенных частиц $\text{PM}_{2,5}$, которые, по мнению медиков, являются чрезвычайно опасным загрязнителем воздуха (<https://data.world/worldbank/world-development-indicators>). Для группы стран Европы и Центральной Азии (по классификации Банка) этот показатель составляет 19 $\text{мкг}/\text{м}^3$. В России содержание $\text{PM}_{2,5}$ в воздухе меньше — 17 $\text{мкг}/\text{м}^3$, тем не менее в целом экономическая оценка этой величины очень значительна — 0,4% валового национального дохода страны. В 2021 г. ВОЗ ужесточила и снизила норму среднегодового воздействия $\text{PM}_{2,5}$ с 10 до 5 $\text{мкг}/\text{м}^3$.

Таблица 1 / Table 1

**Стоимостная оценка ущерба от выбросов в атмосферу в России (2019) /
Cost estimates of damage from air emissions in Russia (2019)**

Загрязнитель	Оценка ущерба с учетом ССЖ, млрд руб.	Оценка ущерба с учетом ППС, млрд руб.
Оксиды азота NO _x	178,3	454,8
Диоксид серы SO ₂	232,9	594,1
Аммиак NH ₃	7,1	18,0
PM2,5 и PM10	1705	4348
Всего, млрд руб. (% от ВВП)	2123 (1,9% ВВП)	5415 (4,9% ВВП)

Источник / Source: расчеты авторов по данным Air quality damage cost guidance. DEFRA; 2019 / authors' calculations based on Air quality damage cost guidance. DEFRA; 2019. URL: <https://www.gov.uk/guidance/air-quality-economic-analysis#damage-costs-approach>.

Примечание / Note: доля от ВВП России рассчитана исходя из ВВП 2019 г. 109 242 млрд руб. / the share of Russia's GDP is calculated based on the 2019 GDP 109,242 RUB bln. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>

Приведенная оценка Всемирного банка является, скорее всего, оптимистичной, так как в России мониторинг PM_{2,5} осуществляется только в нескольких городах. В целом по стране дополнительная смертность из-за этого вида загрязнений оценивается медиками в 68–88 тыс. случаев в год. Особенно большая заболеваемость из-за загрязнения PM_{2,5} наблюдается в Сибири и на Дальнем Востоке, где в структуре топливного баланса преобладает энергетический уголь. В Чите, например, доля этого топлива достигает 95% в топливном балансе. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в Китае люди в мегаполисе живут на 5–6 лет меньше, чем те, кто обитает в чистой местности; на такую разницу влияет прежде всего сжигание угля. Можно предположить, что «угольные» потери России для здоровья составляют десятки тысяч лет здоровой жизни.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ВОЗДУХА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Для качественного мониторинга необходимо обеспечить соответствующим контрольным оборудованием около 8 тыс. предприятий (хотя бы по одному посту мониторинга на значимую производственную площадку), о чем говорилось выше. Это во многом связано с реализацией в России с 1 января 2019 г. концепции наилучших доступных технологий (НДТ), широко действующей в мире последние 20–30 лет. У этой концепции два важных критерия: такие технологии миними-

зируют воздействие на окружающую среду, и они экономически доступны. Уже выявлено 300 самых грязных предприятий, которые к 2022 г. должны закончить переход к НДТ и получить комплексные экологические разрешения, а к 2024 г. вся промышленность должна перейти на эти технологии. Подобный тренд резко повышает требования к мониторингу загрязнений на предприятиях и потребует свыше 16 млрд руб.

Радикальное улучшение качества мониторинга воздуха, в том числе спутникового, требуется для экосистем и их услуг. Россия имеет огромные территории лесов, болот, степей и т.д., которые в силу своих ассимиляционных способностей играют важнейшую роль в обеспечении чистоты воздуха на всех уровнях: локальном, региональном, национальном, глобальном. Только регулярные пожары в лесах на территории нашей страны, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке, вызывают огромные загрязнения воздуха и рост заболеваемости населения. Здесь в первую очередь следует отметить огромные объемы мелкодисперсных твердых частиц PM_{2,5} и PM₁₀. Можно вспомнить горящие болота в Подмосковье в 2010 г., что обернулось дополнительной смертностью 11 тыс. человек (<https://www.the-village.ru/city/situation/105137-zhara-i-smog-ubili-11-tysyach-moskvichey-sverh-normy>). В 2020 г. пожарам подверглась огромная территория лесов в 9 млн га (по некоторым оценкам, эта цифра занижена вдвое) (<https://greenpeace.ru/news/2021/08/16/2021-god-stal-rekordnym-po-ploshhadi-pozharov/>); мегапожары наблюдались также в 2012, 2016, 2018 и 2019 гг. (shorturl.at/duAE 6).

Необходимость адекватного мониторинга воздуха обострилась в связи с пандемией COVID-19. Загрязнение воздуха мелкодисперсными твердыми частицами PM_{2,5} может иметь связь с интенсивностью распространения вируса COVID-19 [19]. Опубликованные в 2020 г. результаты пилотного исследования Гарвардской школы общественного здоровья по оценке смертности от этого заболевания в населенных пунктах США, где проживает 90% жителей этой страны, показали зависимость между смертностью от COVID-19 и концентрацией PM_{2,5} в атмосферном воздухе. При увеличении концентрации этих частиц на 1 мкг/м³ смертность увеличивается на 15%.

С точки зрения направлений финансирования достаточно проблематичным представляется федеральный проект «Чистый воздух», входящий в национальный проект «Экология», с выбором приоритетных 12 загрязненных городов, на который предполагается потратить 500 млрд руб. Выбор базировался на общих объемах эмиссий, но при этом не были учтены уровни загрязнения атмосферного воздуха и степень вредности загрязняющих веществ. Также был нарушен важный экономический принцип «загрязнитель платит». Вероятно, только для Читы, где нет крупных объектов промышленности и энергетики, действительно необходимо федеральное финансирование, а в остальных 11 городах работают крупнейшие российские компании, которым вполне по силам софинансировать природоохранные проекты и мониторинг в рамках государственно-частного партнерства.

Важным экономическим инструментом регулирования качества воздуха остаются платежи за негативное воздействие на окружающую среду. Действующие базовые ставки платы по ингредиентам выбросов установлены Правительством в 2016 г. с последующим порядком исчисления: постановление Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 (ред. от 24.01.2020) «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»; постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 255 (ред. от 17.08.2020) «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду» (вместе с «Правилами исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду»). Корректирующие коэффициенты введены для стимулирования внедрения НДТ: коэффициент 0 при переходе предприятия на НДТ, коэффициенты 25 и 100 — в зависимости от категории объекта

и достижения лимитов выбросов: постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2398 (ред. от 07.10.2021) «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий».

Система платежей за негативное воздействие на окружающую среду была создана в России в 1990-е гг. для стимулирования охраны природы и возмещения ущерба в результате загрязнения природы. Однако низкие ставки платы недостаточны для компенсации возникающих потерь и стимулирования природоохранных мероприятий. Действующая система платежей выполняет в основном фискальные функции в качестве статьи поступлений в региональные бюджеты.

В 2020 г. плата за негативное воздействие на окружающую среду составила 14,5 млрд руб., или 2% платежей за пользование природными ресурсами. Поскольку значимость платы для федерального бюджета низкая, она переведена в бюджеты субъектов РФ. Плата за выбросы в атмосферу в 2020 г. составила 2,5 млрд руб. (табл. 2).

Плата за негативное воздействие на окружающую среду достигла максимального значения в 2015 г. — около 27 млрд руб. и в последующие годы снижалась. Поступление средств в качестве возмещения вреда, причиненного окружающей среде, прекратилось в 2020 г., по-видимому, в условиях пандемии (табл. 3).

В целом, следует признать, что действующая система платы за выбросы в атмосферу не выполняет стимулирующие функции, а также фискальные функции для федерального бюджета страны.

РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА ВОЗДУХА И КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., принятая Правительством в октябре 2021 г., является важным этапом осуществления климатической политики России и перехода к новой, зеленой низкоуглеродной модели экономики («Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года»). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р.). Тридцатилетний горизонт планирования позволяет определить рамки прогноза выбросов в атмосферу. Предполагаются два основных

Таблица 2 / Table 2

Плата за негативное воздействие на окружающую среду в государственном бюджете РФ, млн руб., 2020 г. / Payments for negative impact on the environment in the state budget of the Russian Federation, million rubles, 2020

Платежи	Консолидированный бюджет РФ	из него	
		Федеральный бюджет	Консолидированные бюджеты субъектов РФ
Платежи при пользовании природными ресурсами	630 520	593 463	37 056
Плата за негативное воздействие на окружающую среду в том числе:	14 484	0	14 484
Плата за выбросы в атмосферу	2 445	0	2 445
Плата за сбросы в водоемы	2 704	0	2 704
Плата за размещение отходов	8 902	0	8 902
Плата за выбросы при сжигании попутного газа	431	0	431

Источник / Source: Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. 2020 / Consolidated budget of the Russian Federation and budgets of state extra-budgetary funds. 2020. URL: <https://roskazna.gov.ru>.

Таблица 3 / Table 3

Плата в консолидированный бюджет РФ за негативное воздействие на окружающую среду, млрд руб. / Payments to the consolidated budget of the Russian Federation for negative impact on the environment, billion rubles

Категория платежа	2007	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Плата за негативное воздействие на ОС	16,9	20,5	26,8	22,2	14,2	13,1	13,1	14,5
Возмещение вреда, причиненного окружающей среде	0,09	0,05	1,02	1,86	2,07	1,73	2,30	0,01

Источник / Source: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; 2021. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 году». М.: Минприроды России; 2011 / On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2020. State report. Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; 2021. (In Russ.). State report "On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2010". Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; 2011.

варианта развития экономики страны: инерционный и интенсивный. В зависимости от вклада различных факторов изменяются оценки эмиссии парниковых газов. Наиболее значимым фактором остается рост ВВП — более 900 млн т CO₂-экв. Компенсирующими факторами выступают энергоэффективность электроэнергетики, транспорта

и других отраслей, а также технологии улавливания парниковых газов. Важнейшим фактором становится поглощение углерода экосистемами.

По инерционному сценарию сокращения выбросов CO₂ не происходит, напротив, прогнозируется рост эмиссии на 21,8% к 2050 г. по отношению к 2019 г. без учета экосистем, в том числе рост эмис-

Таблица 4 / Table 4

Выбросы парниковых газов в России по сценариям (в млн тонн эквивалента углекислого газа, CO₂-экв) за период 2019–2050 гг. / Greenhouse gas emissions scenarios in Russia (in million tons of carbon dioxide equivalent, CO₂e) for the period 2019–2050

Фактор изменения выбросов	Инерционный сценарий	Интенсивный сценарий
Изменение эмиссии без учета экосистем, в том числе по факторам:	+464	-356
Рост ВВП	+924	+924
Электроэнергетика	-217	-455
Технологии улавливания CO ₂	0	-150
Транспорт	0	-108
Другие отрасли	-243	-567
Поглощение углерода экосистемами	-320	-965
Изменение эмиссии с учетом экосистем	+144	-1321

Источник / Source: составлено авторами по данным проекта «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» / *Compiled by the authors based on the data of the project «Strategy of socio-economic development of the Russian Federation with a low level of greenhouse gas emissions until 2050».*

Примечание / Note: знак плюс обозначает прирост выбросов, минус – снижение выбросов / *Plus sign denotes an increase in emissions; minus sign denotes a decrease in emissions.*

сии на 43,6% за счет роста ВВП и снижение эмиссии на 21,7% за счет мер энергоэффективности.

Интенсивный сценарий предполагает сокращение выбросов CO₂ на 16,8% к 2050 г. по сравнению с 2019 г. без учета экосистем. Рост ВВП нивелирует меры энергоэффективности по выбросам. Основное сокращение эмиссии — на 62,3% к 2050 г. по сравнению с 2019 г. — достигается за счет экосистем (табл. 4).

Динамика эмиссии парниковых газов в ретроспективе также демонстрирует, что основным фактором выступает изменение объемов производства. При анализе динамики эмиссии парниковых газов за период 1990–2020 гг., особенно без учета землепользования и лесного хозяйства, отчетливо видны падающий тренд в 1990–2000 гг., повышающий тренд в 2000–2008 гг., снижение во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., рост в период оживления экономики 2010–2014 гг. и последующая стабилизация. Учет поглощения парниковых газов в сельском и лесном хозяйстве сокращает масштабы эмиссии, но не меняет основные тренды (рис. 2).

Экстраполяция прогноза эмиссии парниковых газов на суммарное поступление загрязняющих веществ в атмосферу демонстрирует актуальность мер по регулированию качества воздушного бассейна. Особенно это касается инерционного

сценария Стратегии (табл. 4), который показывает, что только технологические изменения недостаточны для компенсации роста эмиссии, происходящего за счет увеличения объемов ВВП и производства.

Международная климатическая политика включает механизмы регулирования углеродного рынка: плата за выбросы парниковых газов, система торговли эмиссиями. На международном и национальном уровнях формируются биржи по торговле углеродными квотами ETS (Emission trading scheme — схема торговли квотами на эмиссии парниковых газов).

Реализация климатической политики привела к возникновению рынка углеродных выбросов: первоначально — квазирынка, а в настоящее время — реального рынка. Теоретической основой стали работы Нобелевского лауреата Нордхауса, в которых определена социальная цена углерода [social cost of carbon (SCC)] как предельный социальный ущерб от выбросов дополнительной тонны CO₂ в атмосферу. Индикатор определен в результате моделирования влияния выбросов парниковых газов на экономические и геофизические системы. Консервативная оценка составила 40 долл./т CO₂ [20]. Обновленные расчеты с использованием той же модели дали оценку 100 долл./т

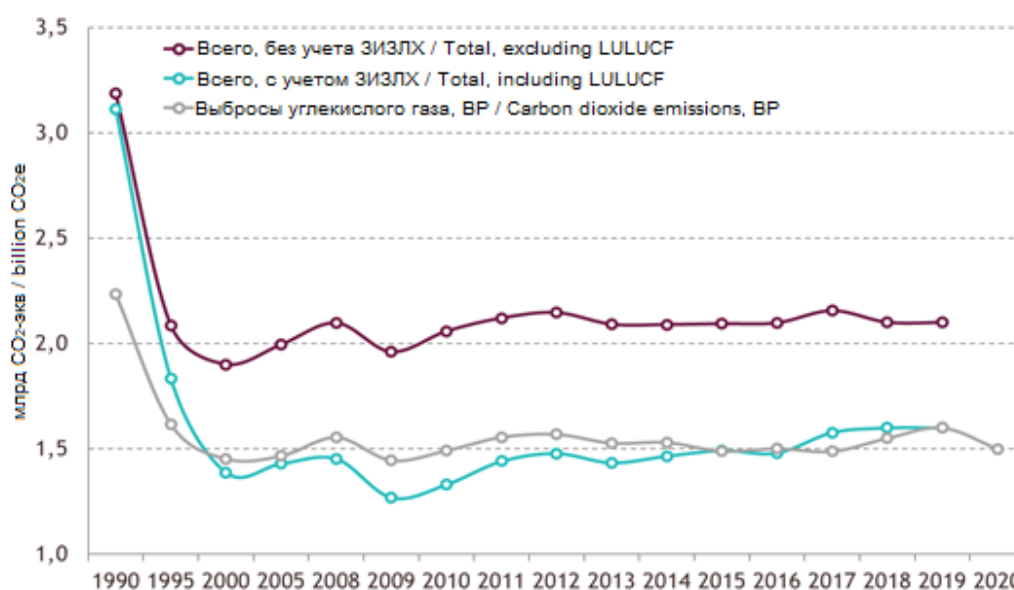

Рис. 2 / Fig 2. Выбросы парниковых газов в России за период 1990–2020 гг. (ЗИЗЛХ – выбросы и поглощения парниковых газов, связанных с землепользованием и лесным хозяйством) / Emissions of greenhouse gases in Russia for the period 1990–2020. (LULUCF – greenhouse gas emissions and removals associated with land use and forestry)

Источник / Source: составлено авторами по данным онлайн-базы данных Росстата, BP / compiled by the authors from the online database of Rosstat, BP.

CO₂ и выше с учетом уточненного ущерба от изменения климата [21]. Также в основе экономики климата лежит исследование под руководством Н. Стерна (2006 г.), в котором экономический ущерб от климатических изменений оценен в 5% мирового ВВП [22].

В 2020 г. 44 страны и 31 регион и город применяли ненулевые цены на выбросы парниковых газов («цены на углерод») в форме углеродного налога или различных схем торговли выбросами. Цены на углерод варьировались в диапазоне от 1 до 123 долл. (114 евро) на 1 тонну CO₂. Более 75% выбросов, регулируемых ценообразованием, имели цену ниже 10 долл. (8–9 евро) (<http://hdl.handle.net/10986/32419>) [23]. В докладе Комиссии высокого уровня по ценам на углерод (2017 г.) Н. Стерн и Дж. Стиглиц рекомендовали оценку 40–80 долл./т CO₂ в 2020 г. и 50–100 долл./т CO₂ в 2030 г. с тем, чтобы не превысить рост глобальной температуры на 2 °C [24].

В новых условиях представляется целесообразной координация экологической и климатической политики, в частности — меры регулирования выбросов в атмосфере.

Принятый в июне 2021 г. Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», в котором введены учет, отчетность и реестр выбросов

парниковых газов, углеродная единица в качестве категории имущественного права, дает основу для развития инструментов регулирования выбросов парниковых газов в атмосферу (Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»).

Поскольку снижение выбросов в атмосферу также снижает выбросы парниковых газов, а природоохранная деятельность способствует борьбе с изменением климата, возможно ввести плату за выбросы парниковых газов, дополнить или изменить действующий состав платы за выбросы, оптимизировать перечень регулируемых веществ, усилить стимулирующую роль платежей. При выбросах парниковых газов массой 2,1 млрд т (2019 г.) установление ставки платы в 1 евро/т CO₂ (85 руб./т CO₂) обеспечит поступления, стократно превышающие текущую плату за выбросы в атмосферу в консолидированный бюджет РФ.

Совершенствование регулирования в природоохранной и климатической сферах стимулирует рост экономики с низкой углеродоемкостью. Калибровка экономического инструментария будет способствовать модернизации и реструктурированию состава платежей за выбросы, что приведет к сокращению издержек администрирования.

ВЫВОДЫ

Сложившаяся в России экспортно-сырьевая экономика приводит к высокому уровню загрязнения окружающей среды и наносит значительный ущерб для здоровья населения. Расчеты авторов показали, что стоимостная оценка ущерба от выбросов в атмосферу для здоровья может достигать до 5% ВВП.

Заявленная в 2021 г. ориентация России на переход к низкоуглеродной экономике, достижение углеродной нейтральности и сокращение выбросов парниковых газов требует радикальной трансформации сложившейся неустойчивой модели, которая проявляет себя в стабилизации объемов парниковых эмиссий за 2000–2020 гг. В мире сложилось в основ-

ном два механизма углеродного регулирования: плата за выбросы парниковых газов и система торговли эмиссиями. России также предстоит прямо или косвенно включить «цену углерода» в процесс принятия экономических решений.

Анализ показал, что существующее регулирование качества воздуха, представленное системой платы за негативное воздействие на окружающую среду, не создает стимулов к снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Для формирования комплексного сбалансированного регулирования качества воздуха необходимо провести технологическую модернизацию, улучшить статистическое обеспечение и существенно расширить сеть мониторинга.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00981.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-010-00981.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Adrar G. R. et al. Global environment outlook 6. Part C: Outlooks and pathways to a healthy planet with healthy people. Chapter 19. New York: United Nations; 2019. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27671/GEO6_CH19.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on 06.12.2021).
2. Roy R., Braathen N. A. The rising cost of ambient air pollution thus far in the 21st century: Results from the BRIICS and the OECD countries. OECD Environment Working Papers. 2017;(124). DOI: 10.1787/19970900
3. Myllyvitra L. Quantifying the economic costs of air pollution from fossil fuels. Centre for Research on Energy and Clean Air. 2020. URL: <https://energyandcleanair.org/wp/wp-content/uploads/2020/02/Cost-of-fossil-fuels-briefing.pdf> (accessed on 06.12.2021).
4. Owusu P. A., Sarkodie S. A. Global estimation of mortality, disability-adjusted life years and welfare cost from exposure to ambient air pollution. *Science of the Total Environment*. 2020;742:140636. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.140636
5. Amirnejad H., Mehrjo A., Yuzbashkandi S. S. Economic growth and air quality influences on energy sources depletion, forest sources and health in MENA. *Environmental Challenges*. 2021;2:100011. DOI: 10.1016/j.envc.2020.100011
6. Lu Y.-L. et al. Economic benefit of air quality improvement during implementation of the air pollution prevention and control action plan in Beijing. *Huan Jing ke Xue*. 2021;42(6):2730–2739. (In Chinese). DOI: 10.13227/j.hjcx.202008298
7. Dechezleprêtre A., Rivers N., Stadler B. The economic cost of air pollution: Evidence from Europe. OECD Environment Working Papers. 2019;(1584). DOI: 10.1787/18151973
8. Sebastian R. et al. Air quality co-benefits of ratcheting up the NDCs. *Climatic Change*. 2020;163(3):1481–1500. DOI: 10.1007/s10584-020-02699-1
9. Sebastian R. et al. Coal-exit health and environmental damage reductions outweigh economic impacts. *Nature Climate Change*. 2020;10(4):308–312. DOI: 10.1038/s41558-020-0728-x
10. Медведева О. В., Соловьева С. В. Методика стоимостной оценки ущерба, причиняемого загрязнением атмосферного воздуха. *Вопросы оценки*. 2016;(4):2–6.
Medvedeva O. V., Solov'eva S. V. Methodology for the valuation of damage caused by atmospheric air pollution. *Voprosy otsenki = The Appraisal Issues*. 2016;(4):2–6. (In Russ.).

11. Медведева О.Е., Микерин Г.И., Медведев П.В., Вакула М.А. Стоимостная оценка экологического ущерба. Современная методология и практика. М.: МАОК; 2017. 138 с.
Medvedeva O.E., Mikerin G.I., Medvedev P.V., Vakula M.A. Cost assessment of environmental damage: Modern methodology and practice. Moscow: International Academy of Evaluation and Consulting; 2017. 138 p. (In Russ.).
12. Рюмина Е.В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. М.: Наука; 2009. 331 с.
Ryumina E.V. Economic analysis of damage from environmental violations. Moscow: Nauka; 2009. 331 p. (In Russ.).
13. Тулупов А.С. Теория ущерба как база оценки негативных экстерналий в экономике. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2010;(2):92–97.
Tulupov A.S. Damage theory as a basis for assessing negative externalities in the economy. *Vestnik universiteta (Godudarstvenny universitet upravlenia)*. 2010;(2):92–97. (In Russ.).
14. Мекуш Г.Е. Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы. М.: Экономика; 2011. 255 с.
Mekush G.E. Environmental policy and sustainable development: Analysis and methodological approaches. Moscow: Ekonomika; 2011. 255 p. (In Russ.).
15. Рюмина Е.А., Аникина А.М. Экологически скорректированная оценка экономического развития регионов. *Проблемы прогнозирования*. 2009;(2):78–94.
Ryumina E.A., Anikina A.M. Environmentally adjusted assessment of the economic development of regions. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2009;(2):78–94. (In Russ.).
16. Бобылев С.Н., Сидоренко В.Н., Сафонов Ю.В., Авалиани С.Л., Струкова Е.Б., Голуб А.А. Макроэкономическая оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды. М.: Институт Всемирного Банка; Фонд защиты природы; 2002. 32 с.
Bobylev S.N., Sidorenko V.N., Safonov Yu.V., Avaliani S.L., Strukova E.B., Golub A.A. Macroeconomic assessment of environmental pollution costs for the health of the Russian population. Moscow: World Bank Institute; Nature Protection Fund; 2002. 32 p. (In Russ.).
17. Assanov D., Zapasnyi V., Kerimray A. Air quality and industrial emissions in the cities of Kazakhstan. *Atmosphere*. 2021;12(3):314. DOI: 10.3390/atmos12030314
18. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2016. 216 с.
Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Mis-measuring our lives: Why GDP doesn't add up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. New York, London: The New Press; 2010. 176 p. (Russ. ed.: Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2016. 216 p.).
19. Zoran M.A. et al. Assessing the relationship between surface levels of PM2.5 and PM10 particulate matter impact on COVID-19 in Milan, Italy. *Science of the Total Environment*. 2020;738:139825. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.139825
20. Nordhaus W.D. The climate casino: Risk, uncertainty, and economics for a warming world. New Haven, London: Yale University Press; 2013. 392 p.
21. Hänsel M. C. et al. Climate economics support for the UN climate targets. *Nature Climate Change*. 2020;10:781–789. DOI: 10.1038/s41558-020-0833-x
22. Кокорин А.О., Кураев С.Н. Обзор доклада Николаса Стерна «Экономика изменения климата». М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF); 2009. 52 с.
Kokorin A.O., Kuraev S.N. Overview of Nicholas Stern's report "The economics of climate change". Moscow: World Wildlife Fund; 2009. 52 p. (In Russ.).
23. Postic S., Fetet M. Global carbon accounts 2020. Report INIS-FR-20-1379. Paris: Institute for Climate Economics; 2020. 8 p. URL: <https://inis.iaea.org/search/searchsinglerecord.aspx?recordsFor=SingleRecord&RN=51092134> (accessed on 06.12.2021).
24. Stern N., Stiglitz J.E. Report of the high-level commission on carbon prices. Washington, DC: The World Bank; 10 p. 2017. URL: https://static1.squarespace.com/static/54ff9c5ce4b0a53deccfb4c/t/59b7f26b3c91f1b0de2e41a/1505227373770/CarbonPricing_EnglishSummary.pdf (accessed on 06.12.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Николаевич Бобылев — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова; руководитель Центра биоэкономики и экоинноваций экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Sergey N. Bobylev — Dr Sci. (Econ.), Honored Scientist, Head of Department at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Professor and Head of the Centre for Bioeconomics and Eco-Innovation, Faculty of Economics, Lomonosov MSU, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5269-9026>
snbobylev@yandex.ru

Софья Валентиновна Соловьева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Sofya V. Solovyeva — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2471-8434>
solovyevasv@gmail.com

Матвей Астапкович — аспирант экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Matvej Astapkovich — postgraduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5269-9026>
matvei.astapkovich@gmail.com

Заявленный вклад авторов

С.Н. Бобылев — разработка общей концепции статьи.

С.В. Соловьева — анализ российских исследований.

М. Астапкович — анализ зарубежных исследований.

Authors' declared contribution

S.N. Bobylev — development of the general concept of the article.

S.V. Solovyov — analysis of Russian research.

M. Astapkovich — analysis of foreign studies.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.12.2021; после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.12.2021; revised on 20.12.2021 and accepted for publication on 12.01.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-89-102
УДК 336.71(045)
JEL G21

Изменение модели обслуживания банками корпоративных клиентов

В.Д. Смирнов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Автор исследует особенности работы банков, регуляторное и конкурентное давление на которые существенно усилилось в последние 10 лет, что негативно влияет на рентабельность их деятельности. Целью исследования является поиск оптимальной модели взаимодействия универсальных банков с корпоративными клиентами, которые обеспечивают большую часть их доходов и прибыли. Теоретическую и методологическую основу исследования составили научные труды зарубежных ученых и экспертов по вопросам повышения эффективности работы банков с корпоративными клиентами. Использованы методы качественного и количественного анализа научных публикаций, аналитические материалы известных консалтинговых организаций, статистические данные. В результате исследования автор приходит к выводу, что в существенно усложнившихся и нестабильных макроэкономических условиях банкам и компаниям целесообразно и выгодно пересмотреть характер сотрудничества, и предлагает новую модель обслуживания банками корпоративных клиентов, в которой каждая сторона углубит свою специализацию.

Ключевые слова: эффективность; бизнес-модель; создание дополнительной стоимости; комплексное обслуживание

Для цитирования: Смирнов В.Д. Изменение модели обслуживания банками корпоративных клиентов. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):89-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-89-102

ORIGINAL PAPER

Changing the Banking Model of Service for Corporate Clients

V.D. Smirnov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The author examines the peculiarities of the work of banks, the regulatory and competitive pressure on which has increased significantly in the last 10 years, which negatively affects the profitability of their activities. The purpose of the study is to find the optimal model for the interaction of universal banks with corporate clients, which provide most of their income and profits. The theoretical and methodological basis of the study was the scientific work of foreign scientists and experts on improving the efficiency of banks' work with corporate clients. Methods of qualitative and quantitative analysis of scientific publications, analytical materials of well-known consulting organizations, and statistical data were used. As a result of the study, the author concludes that in a significantly more complicated and unstable macroeconomic environment, it is expedient and beneficial for banks and companies to reconsider the nature of cooperation and proposes a new model for servicing corporate clients by banks, in which each party will deepen its specialization.

Keywords: efficiency; business model; creation of additional value; comprehensive service

For citation: Smirnov V.D. Changing the banking model of service for corporate clients. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):89-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-89-102

ВВЕДЕНИЕ

Укрепление надежности банков, через которые проходят денежные средства, абсолютно необходимые для здорового функционирования экономики, является первоочередной задачей регуляторов национальных и глобальной банковских систем. Устойчивость банков достигается за счет повышения уровня достаточности их капитала, увеличения резервов на покрытие возможных потерь по ссудам, создание буферов ликвидности, усиление борьбы с мошенничеством в банковских операциях и информированности о своих клиентах. Все эти мероприятия требуют дополнительных затрат. Одновременно новые цифровые игроки пытаются отнять часть бизнеса у традиционных банков, предлагая клиентам банковские услуги, которые дешевле, удобнее и быстрее выполняются. В результате уменьшается стратегический фундамент банков по генерации прибыли, что заставляет задуматься о путях его расширения.

О ТЕКУЩЕМ СОСТОЯНИИ БАНКОВСКОЙ ИНДУСТРИИ

После финансового кризиса 2008–2009 гг. банкам удалось под давлением регуляторов существенно укрепить свою капитальную базу, создать буферы ликвидности и резервы по возможным потерям по ссудам, что позволило в целом успешно пройти самую глубокую фазу текущего экономического кризиса. Глобально в среднем по банковской индустрии достаточность капитала первого уровня по отношению к взвешенным по рискам активам находилась в 2021 г. на уровне 11%, что ниже этого показателя в 12,5% в 2019 г., но существенно выше норматива, установленного Basel III — 4,5%. В течение 15 лет до 2020 г. мировая банковская отрасль сумела увеличить доходы с 3 до 5,5 трлн долл. США и прибыль с 0,8 до 1,5 трлн долл. США, однако не смогла обеспечить доходность на банковский капитал выше его стоимости для акционеров кредитных организаций (около 12%): фактическая отдача вложенных в банки инвестиций в среднем по миру составила в 2019 г. 8,9%, что примерно соответствует этому показателю в течение последних 10 лет, и предполагается, что после снижения в 2021 г. восстановится до докризисного уровня ближе к 2024 г. [1]

Правда, крупнейшие американские и европейские банки (как, впрочем, и российский Сбербанк) извлекли выгоду из начавшегося уже во второй половине 2020 г. оживления экономики, и их прибыли за 12 месяцев до июля 2021 г., например у JP Morgan,

Goldman Sachs и Morgan Stanley? оказались самыми высокими в истории, а у UBS, Barclays и Deutsche Bank — за последнее десятилетие¹. Это не характерно для всей банковской индустрии и, скорее скорее, отражает возможности крупнейших кредитных учреждений привлечь, удержать широким набором сервисов, поддержать займами и деятельностью на рынках капиталов частных и корпоративных клиентов, которые во избежание рисков работы с менее крупными банками концентрируют свои операции в наиболее надежных кредитных организациях. Все это отразилось на капитализации всей банковской индустрии, которая ко II кв. 2021 г. практически вернулась к докризисным показателям², а доходность банковских акций за 15 месяцев до конца мая 2021 г. в целом по миру составила 12%, но не может сравниться с рентабельностью вложений в компании большинства других отраслей, которая составила от 20 до 55% в этот период [2].

Существуют три внутриотраслевых фактора, влияющих на конкурентоспособность кредитных организаций по доходности на капитал по сравнению с другими секторами экономики:

- усиление и расширение регулируемых направлений банковской деятельности и стремление регуляторов повысить конкуренцию на рынке некоторых банковских услуг (прежде всего, розничных), привлекая к их оказанию небанковские организации для выгоды потребителей, что ведет к увеличению расходов банков и одновременно стимулирует банки совершенствовать свою деятельность;
- появление цифровых банков, не обремененных многочисленными отделениями, а также финтех и крупных технологических компаний, которые, используя современные технологические решения и средства коммуникаций, стараются предоставлять услуги главным образом в сегментах розничного банковского дела и обслуживания малого бизнеса (часто — по очень узкому кругу сервиса по тем направлениям, в которых традиционные банки не готовы конкурировать с ними по цене, скорости и удобству проведения операций);
- сохранение традиционными банками устаревших моделей ведения бизнеса и внутренних

¹ Global Banks \$ 170 Billion Haul Marks Most Profitable Year Ever. Bloomberg, August 03, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-03/global-banks-170-billion-haul-marks-most-profitable-year-ever>

² URL: <https://www.statista.com/statistics/265135/market-capitalization-of-the-banking-sector-worldwide/>

технологических решений, ориентация на банковские продукты, а не на удовлетворенность клиентов решением своих проблем с помощью банка.

Позиция регуляторов по ужесточению требований к банкам по капиталу и объектам кредитования и параллельное предоставление возможностей нефинансовым организациям осуществлять некоторые банковские операции стимулировали многих клиентов обратиться к небанковским источникам финансирования их деятельности. Так, по данным PwC, за последние 10 лет при росте совокупного объема ежегодного привлеченного финансирования в мире с 69 до 79 трлн долл. США доля кредитов банков упала с 52 до 48%³, т.е. стагнировала в абсолютных величинах. При этом введение в действие в 2022 г. новых нормативов расчета рисков по всем активным балансовым операциям по стандартам Basel IV может потребовать дополнительных вливаний средств в капитал банков и повлиять на традиционные банковские модели кредитования клиентов, поскольку только для поддержания текущей доходности на капитал необходимо будет увеличить валовую прибыль на 7,5% [3].

Конечно, банки не бездействуют в повышении рентабельности своей деятельности: если в 2010 г. отношение затрат к доходам в отрасли глобально составляло 67%⁴, то в 2019 г. этот показатель улучшился до 54,4%. Однако это не предел: затраты банков, работающих только в цифровом формате, могут быть на 70% ниже по сравнению с результатами работы традиционных кредитных учреждений [1]. При анализе доходов банков необходимо отметить, что постепенно уменьшается доля комиссионных заработков банков в мире. Так, за период 2006–2020 гг. доля комиссионных доходов 700 крупнейших по капитализации глобальных банков в мире снизилась с 45 до 37% в общих их поступлениях (с учетом чистых процентных доходов) [3]. Банки развивают возможности получения комиссионных доходов, но, очевидно, что часть таких доходов, особенно в платежных операциях, все больше уходит цифровым конкурентам (работа только небанковских организаций способствовала их снижению у банков примерно на 20% за последние 4 года [4]), активность которых поощряется регуляторами, а рост доходов в других сегментах

³ Securing your tomorrow, today. The future of financial services. Pw C. 2020:27.

⁴ Tightened belts loosen due to income crisis. The Banker. July 06, 2010. URL: <https://www.thebanker.com/Banker-Data/Banker-Rankings/Tightened-belts-loosen-due-to-income-crisis>

недостаточен. При этом все новые ограничения регуляторов на кредитные продукты банков сокращают перспективы кредитной экспансии банков и роста соответствующего процентного дохода, хотя база для нее в части увеличения капитала уже создана.

Указанные обстоятельства, которые изменяют среду работы банков, позволяют сделать вывод о необходимости адаптации ими бизнес-моделей к новым условиям и поиска иных способов создания стоимости в той посреднической деятельности, которой занимаются банки для удовлетворения целей своих клиентов (кредиторов и заемщиков). Кроме того, необходимо учитывать, что при растущем капитале даже стабильная прибыль сокращает отдачу на этот капитал. В результате получается, что при укреплении стабильности банковских институтов перед лицом экономических кризисов и без изменения бизнес-модели банки не смогут сравниться с доходностью инвестиций, которую предлагают компании в других отраслях (или приблизиться к ней), и, следовательно, им все труднее будет привлекать новый капитал, снижая таким образом свою надежность как ключевую характеристику одного из столпов рыночной экономики.

О ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО БАНКОВСКОГО СЕРВИСА

По данным McKinsey, из совокупных доходов глобальной банковской индустрии в 5,5 трлн долл. США в 2019 г. розничные операции (с физическими лицами) принесли 1949 млрд долл. США, операции по поддержке деятельности корпораций (corporate and commercial banking) — 1653 млрд долл. США, платежные операции — 788 млрд долл. США, управление состояниями и активами — 739 млрд долл. США и операции на рынках капиталов — 390 млрд долл. США [1]. Эти сегменты существенно отличаются друг от друга по рентабельности: отношение затрат к доходам в 2019 г. в розничном бизнесе составляло 62% (данные только по Европе) [5], в корпоративном секторе банковской деятельности — 45–49%, в инвестиционном секторе — 62% [6]. С точки зрения генерирования прибыли на единицу дохода очевидна привлекательность корпоративного банковского дела по сравнению с розничным, в котором выше маржа, но выше и риски, и расходы традиционных банков на содержание отделений: первый создает 876 млрд долл. США добавочной

стоимости, в второй — USD 740 млрд долл. США. А если корпоративный сегмент работы банков объединить с инвестиционным (поскольку там учитывается обслуживание крупных компаний наряду с сервисом на рынках капиталов), то комплексное обслуживание бизнеса приносит банкам 1024 млрд долл. США добавочной стоимости (расчеты автора). В платежном бизнесе, являющимся одним из самых конкурентных сегментов банковской деятельности, более 70% объема доходов приходится на розничный сегмент (расчеты автора на базе [7]).

Таким образом, комплексное обслуживание корпораций — не только самый крупный сегмент банков по доходности, но и самый прибыльный. Вместе с тем весьма серьезное давление на этот сектор банковской деятельности оказывается со стороны регуляторов (для обеспечения надежности банковской системы как одного из ключевых структурных элементов экономики любой страны, и потому, что обслуживающие бизнес-банки привлекают вклады населения), а также — со стороны цифровых конкурентов, которые пытаются внедриться не только в розничные операции банков.

Одновременно меняются приоритеты корпоративных банковских клиентов, финансовые службы которых высшее руководство заставляет все больше сосредоточиться на анализе деятельности и выработке предложений по повышению эффективности и конкурентоспособности собственных компаний. А работа по расчетно-кредитному обеспечению деятельности корпораций и управлению соответствующими рисками, которая сама по себе не создает добавочной стоимости компаниям, не обеспечивает качественных различий в товарах и услугах, которые компании предлагают на рынке, но требует приличных затрат на ее обеспечение (в среднем около 1% от выручки), видится им как побочный продукт основной деятельности, не определяющий их конкурентную позицию на рынке. Поэтому для компаний может представляться целесообразным передать данную работу на аутсорсинг профессионалам в этой области, которыми и являются кредитные организации, если последние готовы и могут предоставить компаниям соответствующий сервис [8].

Очевидно, что банки должны быть заинтересованы в усилении связей со своими корпоративными клиентами, если это дает им возможность больше заработать, поскольку кредитные организации в большинстве своем по-прежнему далеки от до-

стижения отдачи на капитал выше его стоимости для акционеров. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможности, которые имеются у банков для развития доходной базы в этом сегменте для содействия повышению их общей рентабельности.

При этом необходимо отметить, что вовлечение в розничные банковские операции цифровых конкурентов, одним из важных преимуществ которых является более низкая цена соответствующей услуги, заставляет традиционные банки соперничать и по этому показателю, что, естественно, ведет к снижению их общего пула доходов от розничной деятельности, если они не придумают новые источники доходов в этой сфере деятельности или не найдут новые возможности в обслуживании бизнеса. На корпоративный бизнес традиционных банков пока нет такого давления со стороны цифровых конкурентов в части кредитования (за исключением МСП), но в области предоставления услуг по управлению расчетами и рисками финтех и крупные технологические компании предпринимают серьезные усилия для получения доли комиссионного дохода от этого бизнеса, который традиционно принадлежал банкам. Например, в общем объеме доходов от финансирования глобальной торговли в 46 млрд долл. США в 2019 г. доля расчетов по открытому счету (без участия банка в документальном подтверждении осуществления поставки) составила 46%⁵, из которых на небанковское финансирование уже пришлось 38% с ожидаемым увеличением в течение следующих пяти лет до 50%⁶. Именно поэтому и с учетом указанных выше обстоятельств банкам необходимо предпринять шаги для усиления взаимодействия с корпоративными клиентами в целях укрепления своей франшизы с ними, сохранения и в дальнейшем преумножения своих доходов и прибыли за счет выхода на новый уровень взаимоотношений, который позволит этой группе клиентов больше внимания уделять своему собственному развитию, руководя, но не занимаясь операционным управлением расчетно-кредитными операциями и соответствующими рисками, сервис по которым могут на аутсорсинге предоставить банки.

⁵ 2020 ICC Global Survey on Trade Finance. International Chamber of Commerce. July 2020:126.

⁶ How corporate banks can ride the disruptive. E&Y. August 31, 2020. URL: https://www.ey.com/en_gl/banking-capital-markets/how-corporate-banks-can-ride-the-disruptive-wave-of-global-trade

ТЕОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА БАНКОВ И КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ

Этот вывод заставляет рассмотреть имеющиеся теоретические обоснования отношений банков и корпоративных клиентов для того, чтобы лучше понять, как в них укладываются изменившиеся обстоятельства деятельности банков и приоритеты компаний.

Прежде всего, необходимо отметить, что роль банков в обществе определяется их способностью надежно хранить временно свободные средства юридических и физических лиц и кредитовать тех, у кого возникает временный недостаток денежных ресурсов. Чтобы иметь возможность хранить деньги и платить проценты за их пользование, банки должны найти источники доходов, такие как комиссии за расчеты и другие безрисковые услуги, предоставляемые клиентам, а также проценты за предоставленные кредиты и другие доходы по связанным с риском операциям банка. Таким образом, создание стоимости для банка заключается в искусстве управления рисками и в обеспечении эффективных стандартных расчетных операций через совершенствование внутренних процессов.

В роли кредитора главной задачей банка является оценка риска невозврата денег заемщиком, установление таких условий ссуды, при которых заемщику будет выгодно погасить кредит и уплатить все проценты по нему, что создает основу для получения прибыли и повышения стоимости для банка. Эффективность кредитной работы во многом определяет надежность банка и создает предпосылки для укрепления базы его пассивов, привлекая больше средств в виде остатков на счетах и депозитов. С другой стороны, само предложение востребованных рынком продуктов и услуг не создает банку конкурентного преимущества, поскольку на рынке имеется много других провайдеров аналогичного сервиса. Важно, как банк обеспечивает реализацию целей клиента через доступ к своим продуктам. Более того, клиенту не важно какой именно продукт имеется у банка, главное, чтобы услуга банка на конкурентных условиях привела клиента к его цели. Таким образом, основной задачей банка является не разработка продуктов и их перекрестные продажи, а достижение клиентом своей цели с помощью услуг банка по расчетно-кредитному их обеспечению с управлением соответствующими рисками, если клиенту не хватает времени, желаний или квалификации заниматься такой работой или он считает эту работу непрофильной для его

деятельности. Следовательно, создание стоимости банком возможно и целесообразно только через создание им ценности для потребителя.

При этом важно отметить, что на таком рынке массовых продуктов, как розничное банковское дело, наличие продукта, его цена и условия потребления превалируют над важностью и характером отношений клиента с банком. В корпоративном банковском деле условия сотрудничества с банком становятся для компаний не менее важными, чем продуктовый ряд банка и его ценовые характеристики.

Следствием усилившейся борьбы на банковском рынке стали стандартизация многих банковских продуктов, их удешевление, повышение удобства использования (можно сказать — их комодитизация), что ведет к усложнению дифференциации отдельных банков для потребителя. Поэтому следующим этапом конкурентной борьбы становится не повышение узнаваемости банка, который продает стандартные продукты (что дорого и сложно сделать с небольшими шансами на успех, который может быть краткосрочен), а приток новых клиентов и удержание имеющихся свежими выгодными услугами, что является непростой задачей.

Теоретические исследования отношений банков с корпоративными клиентами определялись необходимостью ответа на вопрос: как банку выгодно выстроить такие отношения? Поэтому первоначально разработки этой темы были сосредоточены на функциональных аспектах взаимоотношений между банком и корпорацией (привлечение депозитов и предоставление кредитов и других услуг) [9]. Параллельно исследовался вопрос устранения информационной асимметрии, которая имеется у кредитора по отношению к заемщику⁷. Соответственно, первый подход именуется транзакционными отношениями (*transaction banking*) — разовыми сделками и получением банком информации о клиенте, ограниченной общедоступными данными. Конкуренция за более крупную долю в операциях клиента заставила банки перейти к более тесным отношениям с компаниями нефинансового сектора экономики, которые позволили получать конфиденциальную информацию об их деятельности, лучше оценивать риски и на этой основе смелее увеличивать объем и расширять продуктовую линейку операций с ними. Такой подход стал называться

⁷ Diamond D. W. Financial Intermediation and Delegated Monitoring. *The Review of Economic Studies*. 1984;51(3):393–414.

банковским сервисом, основанным на доверительных отношениях между банком и компанией (relationship banking) [10, 11]. При этом предложение об усилении роли банков до вмешательства в текущие дела компании (как в Японии и частично в Германии [12]) оказалось нежизнеспособным в связи с конкуренцией за клиентов со стороны банков и желанием компаний оптимизировать свои соответствующие расходы, разделяя бизнес между различными банковскими структурами [13].

Теория relationship banking предполагает, что многоуровневые личные контакты менеджеров банка и компании (помимо использования плодов информационной и технологической революций, позволяющих узнать многое об интересующем объекте и без личного общения) заполняют информационный вакуум обеих сторон по текущей ситуации, создадут базу для обслуживания клиента и продажи ему различных банковских продуктов, а также помогут клиенту в период экономических кризисов или в реализации долгосрочных перспективных проектов [14, 15]. При этом никаких формальных документов по условиям такого сотрудничества стороны не подписывают, оставляя возможность каждой из них изменить данную привязанность в силу разных обстоятельств, что, наряду с потенциальными выгодами одной стороне при смене партнера, несет другой стороне угрозу потери бизнеса и возможностей вместе с опасностью раскрытия полученной в ходе сотрудничества конфиденциальной информации. Корректно предположить, что привязка компании к одному банку даже в рамках отношений по многим направлениям может сужать выбор компании в части продуктового ряда и стоимости банковского сервиса. Однако специализированные исследования доказывают, что прибыльность компаний, ориентированных на такие отношения, выше, чем у компаний с большим количеством банковских партнеров [16]. Более того, слишком сильная конкуренция демотивирует банки устанавливать с компаниями такие отношения, требующие крупных инвестиций в создание инфраструктуры взаимодействия с ними, в связи с высокой вероятностью смены корпоративным клиентом банковского партнера [17].

Такая теория объясняет интерес банков к отношениям с корпоративными клиентами с точки зрения увеличения доходов от продажи своих продуктов и создания стоимости для банка. Но она не учитывает позицию компаний по отношению к расчетно-кредитным операциям и управлению

соответствующими рисками, которая существенно меняется в последнее время. Это происходит потому, что нефинансовый сектор все чаще стал рассматривать финансовую функцию компаний не как деятельность по составлению финансовых отчетов, привлечению и размещению денег, а как работу, направленную прежде всего на выявление внутри компании оснований для повышения ее эффективности в части внутренних процессов, производимых ею продуктов, условий взаимоотношений с поставщиками, покупателями, сотрудниками, акционерами и обществом, которую кроме нее никто не сделает и которая определяет ее конкурентоспособность на соответствующем рынке и создает стоимость. В этом контексте расчетно-кредитные операции компании поддерживают ее основную деятельность, но не отличают компанию от других в борьбе за потребителя ее продуктов. Нельзя сказать, что компании потеряли интерес к расчетно-кредитным операциям и управлению соответствующими рисками. Они просто становятся неприоритетными с точки зрения достижения главных целей компании, требуют серьезных затрат и специалистов высокой квалификации, и поэтому оказывается желательной передача управления ими специализированным организациям. Вероятно, банки пока не полностью осознали изменение позиции своих корпоративных клиентов, и поэтому их бизнес-модели в основном ориентированы на продажу отдельных, хотя и в комплексе, своих продуктов, а не на интегрированное с деятельностью компаний партнерское обеспечение необходимых расчетно-кредитных операций и управление соответствующими рисками на основании формальных договоренностей.

МОДЕЛИ БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ

Модели сотрудничества банков с корпоративными клиентами определяются целями, которых банки хотят достичь. Главные из них: повышение прибыли и отдачи на капитал с учетом имеющихся у кредитных организаций возможностей за счет продажи клиентам генерируемых банком продуктов, снижение затрат для улучшения их соотношения с доходами, противодействие агрессивным попыткам цифровых конкурентов забрать часть банковского бизнеса, ускорение инноваций и соответствие усложненным требованиям клиентов. Работа в этих направлениях влияет на всю

цепочку создания банками стоимости, которая включает в себя контакты с клиентами, банковские продукты (с принятием риска на баланс банка и без него), каналы продаж, наличие ресурсов (денежных и интеллектуальных), бренд и историю отношений с клиентом, операционный процесс-синг и поддерживающие основную деятельность банка функции.

В современных условиях достижение указанных целей ускоряется внедрением появляющихся технологических решений, которые повышают эффективность каждого направления работы банка. Так, углубленная аналитика потребностей клиента содействует росту доходов, позволяет определить спектр продуктов и услуг сверх уже оказываемых и предложить имеющиеся и новые тогда, когда они необходимы клиенту, по оптимальной для банка и клиента цене. Модели предиктивной аналитики предоставляют возможность вовремя идентифицировать и существенно снизить возможные риски в деятельности банка и клиента. Комплексная автоматизация процессов, организованных на новых технологических платформах, способствует упрощению и ускорению операционных процессов, повышению их надежности и на этой основе — снижению операционных издержек. Инновации позволяют качественно улучшить управление ликвидностью и капиталом, обеспечить для клиента прозрачность операций в режиме реального времени. Цифровая трансформация банковских операций четко отражается и все больше артикулируется в оценке рынком провайдеров этих услуг: если в октябре 2021 г. отношение капитализации универсальных банков во всем мире к бухгалтерской стоимости их капитала в среднем составляло 1,0 и падало со скоростью 5% в год в течение последних 5 лет, то у небанковских организаций, специализирующихся на обслуживании розничных клиентов, эти показатели составили 1,8 и +31%, а у организаций, занимающихся только платежами, 8,5 и +66% соответственно [18].

Указанные данные согласуются и с результатом глобального опроса консультационной компании Accenture, который показал, что в 2020 г. только 12% традиционных банков действительно приняли цифровые технологии в качестве определяющей архитектуры своей бизнес-модели, в то время как 38% находились где-то на пути к этой цели⁸.

Поскольку эффективно работать по всем звеньям цепочки создания стоимости удастся далеко не всем, можно выделить следующие модели взаимодействия банков с бизнесом:

- Доверенный консультант, когда банк, завоевав расположение клиента глубоким знанием его бизнеса и отрасли, в которой он работает, предлагает консультационные услуги по поддержке конкретного бизнеса, в которых собственные продукты банка или продукты сторонних провайдеров играют роль инструментов для выполнения задачи по увеличению доходов от этого клиента. То есть акцент делается на зарабатывании больше комиссионных, а не на процентных доходах по рискованным операциям.

- Продуктовый специалист, разрабатывающий инновационные продукты, востребованность которых, определяемая наилучшей на рынке способностью удовлетворять специфические потребности клиента по параметрам цена/качество, позволяет завоевывать долю рынка даже с установлением на них высоких цен. Специализация на отдельных продуктах обеспечивает эффективное соотношение затрат и доходов для банка, а их новизна и высокий спрос — большой рынок.

- Транзакционные банки сосредоточены на эффекте масштаба от продажи стандартных банковских продуктов или решений по низкой цене.

- Универсальные банки пытаются предлагать свои продукты клиентам во всех отраслях экономики и сегментах банковского дела, диверсифицируя риски и расширяя источники своих доходов с попыткой снижения затрат за счет увеличения количества клиентов.

Действующие модели взаимоотношений банков и корпоративных клиентов настроены прежде всего на продажу своих продуктов по отдельным запросам, нежели на комплексное решение имеющихся у клиентов проблем. Указанные модели рассматривают корпоративных клиентов как покупателей различных банковских сервисов, в них нет желания перейти на новый уровень обслуживания, который означал бы снятие с компаний технических проблем, связанных с расчетно-кредитным обеспечением их деятельности и управлением соответствующими рисками, что позволило бы компаниям сосредоточиться на повышении эффективности своей профильной работы. Конечно, такое изменение

⁸ Banking as usual. Banking industry narrative. Accenture. August 2021. URL: [https://images.info.accenture.com/Web/ACCENTURE/%7B23aa3f91-cdac-4119-8e63-](https://images.info.accenture.com/Web/ACCENTURE/%7B23aa3f91-cdac-4119-8e63-506e4e36b34e%7D_Accenture-Banking-Global-Industry-Outlook.pdf?elqcsst=272&elqcsid=1168)

[506e4e36b34e%7D_Accenture-Banking-Global-Industry-Outlook.pdf?elqcsst=272&elqcsid=1168](https://images.info.accenture.com/Web/ACCENTURE/%7B23aa3f91-cdac-4119-8e63-506e4e36b34e%7D_Accenture-Banking-Global-Industry-Outlook.pdf?elqcsst=272&elqcsid=1168)

взаимодействия не означает передачу всех рисков на банки, скорее наоборот: банки принимают на себя выполнение такой работы после тщательного изучения клиента и его отрасли, определения потребностей в расчетно-кредитном обеспечении его деятельности и установления связанных с этим рисками параметров, в рамках которых банк оказывает такому клиенту соответствующую поддержку.

В качестве примера эффективности такой бизнес-модели можно привести контракты жизненного цикла на устройство и поддержание объектов инфраструктуры в Москве, где задачей правительства является создание удобной среды обитания для жителей, а не решение проблем функционирования инфраструктурных объектов, которые являются инструментом достижения этой цели. В рамках таких контрактов производитель/поставщик инфраструктурного объекта (поезда, дороги и т.п.) вынужден озаботиться не только его продажей, но и снятием с городских властей груза вопросов управления и работоспособности непрофильного для них объекта в течение всего заранее оговоренного периода его жизни. В результате такой производитель получает больше денег от продажи своего продукта, которая совмещена с сервисом по его функционированию, а у города нет проблем с непрофильной для властей работой (при выполнении своих платежных обязательств). Очевидно, что в такой ситуации выигрывают обе стороны.

По данным OliverWyman и MorganStanley, за последние 10 лет на каждый доллар выручки банки снизили долю активных операций, финансируемых за счет своего баланса, на 21%. Более того, некоторые эксперты считают, что в связи с регуляторными инновациями и с учетом результатов работы цифровых конкурентов банки должны перейти к модели, которой придерживаются небанковские организации, получающие более 80% доходов от комиссий [4], в то время как у банков они составляют около 40%. Представляется, что такие рекомендации не учитывают, что бизнес-организация приходит в данный банк не ради осуществления расчетов, которые может проводить любой банк, а для получения займов, которые способствуют повышению эффективности ее профильной деятельности, увеличению объемов производства, и в конечном счете усилению ее позиции на соответствующих рынках и повышению отдачи на капитал. Привлечение кредитов для предприятий также интересно и потому, что это, как правило, более дешевая для компании форма финансирования своего развития, нежели привле-

чение капитала. А вот как раз наличие кредитных отношений позволяет банку продавать свои другие продукты, в том числе на комиссионной основе, намного эффективнее (и зарабатывать больше прибыли), во-первых, потому что часто это является условием предоставления кредита, а во-вторых, это просто удобно корпоративному клиенту, учитывая стандартизацию многих банковских продуктов по качеству и цене, т.е. идти к конкурирующему банку за отдельным сервисом нет большого смысла.

Развитие кредитных отношений с корпоративными клиентами, которые являются естественными для банков, необходимо и для продолжения борьбы с небанковскими конкурентами. Многие крупные технологические компании стали внедрять программы кредитования (отсрочки платежа) поставщиков своих маркетплейсов, чтобы лучших из них привязать к своим экосистемам, обеспечить им возможности для развития, и поскольку огромный оборотный капитал самих технологических компаний позволяет это делать. При этом оказывается, что по ряду параметров такие займы выгоднее банковского кредита: так, при одинаковой сумме кредита, предоставляемого компанией Amazon своему поставщику из малого и среднего бизнеса, совокупная стоимость займа находится в диапазоне 10–13% годовых против 4–14% ставки по кредиту традиционного банка, который, помимо этого, взимает, как правило, одновременно с его выдачей дополнительную комиссию. Кроме того, одобрение кредита в Amazon занимает не более 5 дней по сравнению с 5 неделями в банке; при предоставлении займа Amazon использует имеющуюся у него информацию по сделкам и не требует никакой дополнительной документации, в отличие от большого пакета данных, запрашиваемого банком от потенциального заемщика; Amazon не налагает штрафы за досрочное погашение кредита, в отличие от банка и т.д.⁹

Технологические компании, видя неспособность, нежелание или непонимание традиционных банков работы с указанными клиентами, сами начинают заниматься кредитной поддержкой своих поставщиков. Представляется, что такой подход таких компаний является вынужденным, поскольку отвлекает часть капитала от повышения эффективности профильных операций, только чтобы повысить эффективность взаимодействия со своими кли-

⁹ URL: <https://www.oliverwyman.com/our-expertise/insights/2020/jul/big-banks-bigger-techs.html>

ентами в несвойственной для них деятельности, если банки не способны выполнять профильные для них операции на конкурентных условиях или у них есть более привлекательные объекты кредитования (например, государство). В результате технологические компании увеличивают лояльность клиентов, повышают свою рентабельность, а банки лишаются существенной части прибыльного бизнеса коммерческих контрагентов.

Можно предположить, что такое отношение банков к кредитованию во многом связано с тем, что, как отмечают эксперты Oliver Wyman, Marsh, GuyCarpenter, Mercer, существующие кредитные модели полагаются в основном на исторические данные при прогнозировании рисков в ближайшем будущем и, следовательно, по сути, являются ретроспективными. Их эффективность ставится под сомнение в макроэкономической среде, где разумные ожидания ближайшего будущего могут очень мало походить на опыт недавнего прошлого. Для большого числа предприятий финансовые показатели до кризиса дают существенно меньше информации об их дальнейшей жизнеспособности, поскольку отраслевые бизнес и операционные модели быстро развиваются и меняются, чтобы адаптироваться к новым условиям.

Эксперты указывают, что для адаптации к изменившимся условиям банкам может потребоваться не только системный пересмотр, калибровка и/или обновление существующих моделей, политик и процессов принятия решений, но также создание новых перспективных возможностей прогнозирования на уровне клиентов. Эти возможности должны будут моделировать работу заемщика в экономических ситуациях, которые не видны в исторических данных, и таким образом определять причинно-следственные связи будущих событий, а не только историческую корреляцию. Такой анализ будет способствовать переходу от типично не очень глубоко детализированных, ориентированных на конкретный продукт ретроспективных статистических моделей (на которые накладываются экспертные оценки) к отраслевому анализу, не зависящему от банковского продукта, с прогнозным моделированием причинно-следственных связей. Понимание того, почему клиент может потерпеть неудачу и как этого можно избежать с помощью финансовой поддержки, окажет огромное влияние как на способность банков управлять рисками в неопределенном будущем, так и на их способность активно, лучше и с меньшими затратами обслуживать финансовые

потребности своих клиентов. Измениться должен не только способ предоставления кредита, но и понимание профиля риска — сегодня это совершенно другая задача [19].

Таким образом, можно констатировать, что банкам необходима качественная трансформация своих операционных процессов для повышения их эффективности и выхода на уровень себестоимости продуктов и услуг не хуже, чем у цифровых конкурентов, а также радикальный пересмотр собственных бизнес-моделей для адекватной поддержки корпоративных клиентов в достижении ими своих целей через более плотную вовлеченность в деятельность компаний путем обеспечения расчетно-кредитной поддержки и управления соответствующими рисками. В свою очередь, такие изменения обеспечат увеличение рентабельности банковской деятельности, которая, как отмечает консультационная компания Bain, идет рука об руку с повышенной лояльностью клиентов [20].

ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ ОБСЛУЖИВАНИЯ БАНКАМИ КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ

Принимая во внимание указанные выше обстоятельства, банки через улучшение и автоматизацию внутренних процессов и, используя интерфейсы прикладного программирования (API) — свои и финтех-компаний, стараются создавать возможности подключения банковских сетей к корпоративным системам планирования ресурсов (ERP) и управления казначейскими операциями (TMS). Это позволяет корпорациям удобно и безопасно управлять банковскими и платежными транзакциями в своей внутренней среде без входа на несколько платформ для выполнения различных функций, помогает клиентам совершать платежи в реальном времени, контролировать свое финансовое положение, повышать стандартизацию операций и сокращать количество ошибок. Так, например, поступает банк J.P. MorganChase, который подключает свою программу Treasury Ignition к системе NetSuiteERP компаний для осуществления платежей и обеспечения других бизнес-сервисов без повторного входа в различные системы и дорогостоящего или длительного внедрения технологий¹⁰.

¹⁰ Commercial Banking Top Trends2021. Capgemini. 2020:26. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2020/12/Commercial-Banking-Trends_2021_web.pdf

С точки зрения банка реализуемые им мероприятия подразделяются на те, которые требуют скорейшего внедрения для максимального увеличения создаваемой стоимости и повышения операционной эффективности, и те, которые оказывают наибольшее воздействие на удовлетворенность клиента, соблюдение регуляторных требований и т.п. Хотя интеграция банковских операций с корпоративными денежными потоками оказывает наибольшее влияние на удовлетворенность клиента, приоритетными для банков, с точки зрения создания стоимости, как показывает исследование консультационной компании Capgemini в 2021 г., являются цифровизация общения с клиентами и инвестиции в финтех-решения¹¹.

Вероятно, и здесь наблюдается расхождение приоритетов банков и их корпоративных клиентов. Ранее отмечалось, что банки стремятся продавать свои продукты, нежели комплексно содействовать достижению клиентами собственных целей на своих профильных рынках с помощью банковской поддержки. Теперь можно констатировать превалирование технических аспектов цифровой трансформации банков над интегрированием с компаниями в вопросах расчетно-кредитных операций. Многие коммерческие банки сосредотачивают свои усилия на трансформациях, основанных на данных, на постепенном улучшении существующих бизнес-моделей и процессов. Но «акцент, как правило, делается на устранении непосредственных болевых точек, а не на прорывных инновациях, которые могут привести к экспоненциальному росту доходности. 78% банков в мире широко используют данные, но только 7% масштабируют аналитику и только 5% масштабируют искусственный интеллект для извлечения большей ценности из клиентских данных» [21].

Вряд ли институциональный эгоизм банков в части немедленного повышения своей рентабельности можно поставить им в вину — ведь эту задачу ставят перед ними акционеры. Но, с другой стороны, решение краткосрочных проблем создает почву, а не обеспечивает реализацию более важной стратегической задачи укрепления отношений с корпоративными клиентами на основе перехода на новый уровень интеграции с ними в части расчетно-кредитной поддержки их деятельности

и управления соответствующими рисками. Тем более, что, как отмечает консультационная компания Bain, если банки будут уделять больше внимания своей основной компетенции и откроются для сотрудничества с партнерами, они могут выйти победителями из нынешней ценовой войны (с цифровыми конкурентами). Конкурентное ценовое предложение важно, но в долгосрочной перспективе корпоративные клиенты будут выбирать не самый дешевый, а лучший банк¹². То есть проблема, скорее всего, состоит в разном понимании того, что банки считают лучшим для корпоративных клиентов и что такие клиенты больше всего хотят от банков.

Тогда разумно попытаться найти ответ на вопрос: какой банк корпоративные клиенты считают лучшим? По результатам глобального опроса финансовых служб, консультационная компания BCG отмечает, что корпоративные казначеи хотят, чтобы их банковские партнеры «обеспечивали удобный, интегрированный и беспрепятственный процесс взаимодействия компании с поставщиками, системами и продуктами... Чтобы банки делали больше, чем просто автоматизировали существующие процессы... Они хотят, чтобы банки являлись универсальным центром для удовлетворения всех потребностей казначейства» [22].

Но все же это пока выглядит как технические требования по улучшению, ускорению, повышению эффективности существующих процессов, не меняющие сути отношений компании и банка, поскольку речь идет о транзакционных функциях, таких как бухгалтерские операции, управление кредиторской и дебиторской задолженностями. В этой связи McKinsey отмечает, что, хотя у большинства компаний есть возможности для их дальнейшего совершенствования, последующие действия по повышению эффективности почти неизбежно покажут убывающую отдачу, поскольку база улучшений этих видов деятельности сокращается. Вместе с тем намного менее интенсивно увеличивается эффективность работы в таких областях, как финансовое планирование и аналитика внутренних процессов компании, оптимизация структуры капитала, налоговое планирование, контроль, внутренний аудит и управление финансовыми рисками. Доля времени

¹¹ Commercial Banking Top Trends 2021. Capgemini. 2020:26. URL: https://www.capgemini.com/wp-content/uploads/2020/12/Commercial-Banking-Trends_2021_web.pdf

¹² Индекс корпоративного банковского обслуживания Bain: спад в банковском бизнесе корпоративных клиентов ускоряется. Bain Corporate Banking Index: The decline in corporate banking is accelerating. Bain & Company. July 09, 2018. URL: <https://www.bain.com/about/media-center/press-releases/germany/2018/corporate-banking-index-bain-2018/>

финансовых служб, уделяемая этим направлениям работы, которые содействуют созданию дополнительной стоимости в отличие от транзакционных и бухгалтерских операций, увеличилась с 2010 по 2020 г. с 43 до 51,3% [23]. Хотя, по оценкам KPMG, для максимизации вклада финансовой службы в решение стратегических задач компании по повышению ее финансовой эффективности она должна посвящать им не менее 80% [24]. С этой точки зрения приоритетное желание компании выиграть конкуренцию на рынке своих товаров и услуг и сконцентрировать усилия всех подразделений на этой цели ведет финансовую службу как к максимальной автоматизации рутинных процессов, так и к передаче на аутсорсинг банку части функций финансовой службы по расчетно-кредитным операциям и управлению соответствующими рисками как деятельности, которая не определяет конкурентоспособность компании на рынке, в отличие от технических, качественных и ценовых характеристик предлагаемых товаров и услуг, с тем, чтобы посвятить практически все свое время решению стратегических задач компании, улучшению внутренних процессов с точки зрения повышения финансового результата.

Как видно, и банки, и корпорации понимают, что надо существенно улучшать качество своего сотрудничества, но в значительной мере сконцентрированы на решении его технических аспектов. Перед банками и компаниями стоит задача повышения эффективности своей профильной деятельности для победы в рыночной конкуренции в своих отраслях в условиях возросшей нестабильности и неопределенности экономики. Логично предположить, что во взаимоотношениях друг с другом углубление сотрудничества через сосредоточенность каждой стороны на своей профильной работе дало бы положительный эффект каждой из них. Банки и компании довольно серьезно работают над решением многих технических вопросов сотрудничества, но пока — в рамках прежней парадигмы передачи компаниями приказов и запросов банкам на исполнение тех или иных операций и продажи банками своих услуг. Если компании считают целесообразным освободиться от такой непрофильной для них работы, как техническая часть расчетно-кредитных операций и управление соответствующими рисками (что является профильной деятельностью банков), то кредитным организациям стоит помочь своим корпоративным клиентам в рамках аутсорсинга выполнять указанную выше рутинную

часть финансовой функции. Банк может повысить эффективность этой работы для компании, что позволит увеличить вклад ее финансовой службы в повышение эффективности профильного бизнеса.

Тем не менее пока стороны не решаются перейти на новый уровень отношений, который будет характеризоваться передачей компаниями расчетно-кредитной поддержки их основной деятельности и управления соответствующими рисками банкам-партнерам, оставив за собой установление параметров такой поддержки и контроль за исполнением. Банки будут осуществлять такую поддержку в рамках установленных параметров автоматически, предлагая эффективные квалифицированные решения, что в целом выведет отношения банка и компании на более высокий уровень, укрепит и сделает долгосрочными их отношения. По мнению автора, для установления такого рода комплексных партнерских отношений банков с корпоративными клиентами (*partnership banking*) банкам, прежде всего универсальным, необходимо использовать соответствующие инфраструктурные основания, которые позволят не только интегрировать системы банков и корпораций, но и перевести взаимоотношения из плоскости исполнения заказов на определенные операции в состояние их автоматической реализации в рамках оговоренных заранее параметров.

Такие изменения представляют собой радикальную перестройку характера банковских отношений с корпоративными клиентами. Если цифровая трансформация была спровоцирована, прежде всего вторжением в банковские операции цифровых конкурентов и опасением, что «они съедят завтрак банкиров», то спустя примерно 10 лет испуг у банков несколько прошел, так как тотального захвата банковских операций не произошло. Появились утверждения, что «действующие игроки сохраняют то, что у них есть»¹⁵. Полагаем, что оснований для такой успокоенности нет, поскольку цифровые конкуренты поступательно движутся (может быть, медленнее, чем опасались ранее, но уверенно) к захвату очередных плацдармов в отношениях с корпоративными клиентами банков, что отражается, как показано выше, в отдаче на капитал банков. Главное, что теряют банки, проигрывая

¹⁵ Emerging business models in banking. EY, Tapestry Networks. November 2019:15. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/banking-and-capital-markets/ey-bgl-vp-emerging-business-models.pdf

конкуренцию цифровым соперникам, — это тесные контакты с компаниями, а именно они позволяют банкам создавать возможности по генерированию доходов и прибыли.

Предлагаемый переход к комплексным партнерским отношениям банков с корпоративными клиентами представляется необходимым для банков как источник новых доходов, которые будут генерироваться за счет создания в банковской области условий достижения такими клиентами собственных целей в профильном бизнесе. Переход от продажи банками услуг к расчетно-кредитной поддержке бизнеса своих клиентов, установление на этой основе новых, более крепких отношений с ними обеспечит устойчивую базу роста для обеих сторон сотрудничества, что при адекватном развитии с участием новых технологий позволит отразить атаки цифровых конкурентов на банковские контакты. Комплексное обслуживание снизит расходы корпоративных клиентов на осуществление расчетно-кредитного обеспечения бизнеса, и управлением связанных с этим рисками будет заниматься квалифицированный партнер.

Необходимость таких изменений ощущается экспертами. Как отмечает VCG, для обеспечения дальнейшего роста, вместо того, чтобы мыслить в терминах отдельных продуктов, банкам необходимо анализировать отношения с клиентами в целом и предлагать решения, которые устраняют ключевые болевые точки и обеспечивают расширенный опыт в дополнение к поддержанию первичных банковских отношений [25].

Некоторые банки и компании могут рассматривать комплексные партнерские отношения банков с корпоративными клиентами как нечто необычное, чего они ранее не видели. Но, представляется, что теоретические основания к развитию таких отношений имеются как у банков, так и у компаний. Неопределенность и неустойчивость экономической ситуации в мире подтал-

кивает наиболее вдумчивых к принятию решений, которые до этого не были апробированы, но все предпосылки к использованию возникающих возможностей имеются. Бизнес-лидеры, способные увидеть даже слабые сигналы, пытаются их реализовать в новых бизнес-решениях, чему есть множество примеров в последние время: это социальные сети для общения, новые схемы торговли, управления туристическим бизнесом, экономика совместного потребления и т.п., которые просто не существовали 20 лет назад. Но они успешно осуществлены, потому что инициаторы таких проектов поняли, что условия для их реализации созрели.

ВЫВОДЫ

Представленная выше картина изменения обстоятельств работы банков и трансформации приоритетов нефинансовых компаний в части кредитно-расчетного обеспечения их деятельности позволяет заключить, что обеим сторонам целесообразно и выгодно пересмотреть модель взаимодействия в направлении, в котором каждая из них углубит свою специализацию и предоставит своим клиентам сервис лучшего качества и по оптимальной цене. Передача компанией на аутсорсинг доверенному банку управления денежными средствами, согласования автоматизированной расчетно-кредитной поддержки бизнеса и управления соответствующими рисками в установленных сторонами рамках позволит финансовым службам компаний сконцентрироваться на совершенствовании внутренних процессов, а у банков появится новая область сотрудничества с корпоративными клиентами. В результате каждая сторона обеспечит повышение удовлетворенности клиентов, создаст возможности для расширения сотрудничества с ними, что укрепит их позиции на профильных рынках, а также позволит банкам защитить свой корпоративный бизнес от цифровых конкурентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Buehler K., Burkhardt R., Dietz M., Khanna S., Lemerle M., Mehta A., Nadeau M.-C., Rajgopal K., Sengupta J., Sieberer M., White O. A test of resilience: Banking through the crisis, and beyond. McKinsey Global Banking Annual Review 2020. Washington, DC: McKinsey & Company; 2020. 52 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/financial%20services/our%20insights/mckinsey%20global%20banking%20annual%20review%202020%20a%20test%20of%20resilience/a-test-of-resilience-banking-through-the-crisis-and-beyond.pdf>
2. Benintende F., Floetotto M., Kuyoro M., Pinter Z., Van Oostende M., Wos A. Seeds of outperformance: How M&A can help banks thrive in the next normal. Washington, DC: McKinsey & Company; 2020. 10 p. URL:

- <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/seeds-of-outperformance-how-m-and-a-can-help-banks-thrive-in-the-next-normal>
3. Garvey J., Bichard J., Dr. Wackerbeck P., Alexander O., Burns P., Hughes C. Securing your tomorrow, today. The future of financial services. London: PwC; 2020. 27 p. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/financial-services/pdf/pwc-the-future-of-financial-services.pdf>
  4. Grasek B., Stoklosa M., Lord N., Zerbe K., Dobрева I., Miotto G., Kenny R., Shah V., O’Kelly R., Rosberg M., Walsh D., Davis J., Khutti N., Becker A., Karlstrom M. Striving to sustain returns. New York: Morgan Stanley; 2021. 37 p. URL: <https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2021/apr/Oliver-Wyman-Morgan-Stanley-Wholesale-Banks-2021.pdf>
  5. Kent S., Kamyk K., Freddi R., Chikova D., Pastore E., Pethe S. New decade, new crisis: European retail banking radar. Chicago, IL: Kearney; 2020. 23 p. URL: <https://www.kearney.com/documents/20152/23369618/Retail+Banking+Radar+Articles.pdf/ae39a46a-9bac-09e9-66f3-55f6beb0e5db?t=1608470935000>
  6. Le Boulay G., Saujana E., Dany O., Goyal D., Baumgaertner C., Van den Berg P., Beetz E.S., Benayad A., Orain F. The new reality for wholesale banks. BCG. Nov. 07, 2019. URL: <https://www.bcg.com/publications/2019/new-reality-wholesale-banks>
  7. Malhotra S., Senant Y., Drummond A., Ampenberger M., Batra I., Strauss M., Roongta P., Dab S., Tfelti A., Tan T., Bussey K. Global payments 2019: Tapping into pockets of growth. Boston, MA: BCG; 2019. 27 p. URL: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Global-Payments-2019-Tapping-into-Pockets-of-Growth-September-2019-rev_tcm9-231986.pdf
  8. Смирнов В.Д. Изменения в финансовой функции компаний. *Мир новой экономики*. 2021;15(3):56–68. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-56-68
Smirnov V.D. Changes in the financial function of companies. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(3):56–68. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-56-68
  9. Bhattacharya S., Thakor A.V. Contemporary banking theory. *Journal of Financial Intermediation*. 1993;3(1):2–50. DOI: 10.1006/jfin.1993.1001
  10. Boot A.W.A. Relationship banking: What do we know? *Journal of Financial Intermediation*. 2000;9(1):7–25. DOI: 10.1006/jfin.2000.0282
  11. Petersen M.A., Rajan R.G. The effect of credit market competition on lending relationships. *The Quarterly Journal of Economics*. 1995;110(2):407–443. DOI: 10.2307/2118445
  12. Lewis M.K. Modern banking in theory and practice. *Revue économique*. 1992;43(2):203–227. DOI: 10.2307/3501990
  13. Miwa Y., Ramseyer J.M. Does relationship banking matter? The myth of the Japanese main bank. *Journal of Empirical Legal Studies*. 2005;2(2):261–302. DOI: 10.1111/j.1740-1461.2005.00051.x
  14. Guo Y., Holland J., Kreander N. An exploration of the value creation process in bank corporate communications. *Journal of Communication Management*. 2014;18(3):254–270. DOI: 10.1108/JCOM-10-2012-0079
  15. Guo Y. Implementing relationship banking strategies and techniques and improving customer value. *Finance and Market*. 2017;2(2):14. DOI: 10.18686/fm.v2i2.980
  16. Degryse H.A., Ongena S. Bank relationship and firm profitability. *Financial Management*. 2001;30(1):9–34. DOI: 10.2307/3666389
  17. Ogura Y., Yamori N. Lending competition and relationship banking: Evidence from Japan. Munich Personal RePEc Archive. MPRA Paper. 2009;(16707). URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/16707/1/MPRA_paper_16707.pdf
  18. Dietz M., Ferreira N., Nadeau M.-C., Sengupta J. The great diversion. McKinsey global banking annual review 2021. Washington, DC: McKinsey & Company; 2021. 54 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/financial%20services/our%20insights/global%20banking%20annual%20review%202021%20the%20great%20divergence/global-banking-annual-review-2021-the-great-divergence-final.pdf>
  19. Evans C., Colyer T., Howard-Jones D. A credit renaissance is beginning. New York: Oliver Wyman; 2021. 10 p. URL: <https://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/v2/publications/2021/aug/a-credit-renaissance-is-beginning.pdf>
  20. Soares J. Investors have soured on Europe’s banks, and now a downturn looms. Boston, MA: Bain & Company; 2019. 12 p. URL: <https://www.bain.com/insights/investors-have-soured-on-europes-banks/>

21. Smith K., Rorrer J. Data driven mastery in commercial banking. Dublin: Accenture; 2021. 22 p. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/banking/data-driven-mastery-commercial-banking>
22. Barbey R., Bujon de l'Estang T., Burghardt M., Carlos M., Dab S., Levet J., Senant Y., Subramanian S., Tang T., van den Berg P., Wee C.K. Corporate treasury insights 2016. Boston, MA: BCG; 2016. 16 p. URL: <https://www.bcg.com/publications/2016/financial-institutions-corporate-treasury-insights-security-client-experience>
23. Agrawal A., Eklund S., Waite J., Woodcock E. Finance 2030: Four imperatives for the next decade. Washington, DC: McKinsey & Company; 2020. 7 p. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/finance-2030-four-imperatives-for-the-next-decade>
24. Malek V., Rychlik P., Michniak P., Mlynski P. Business partnership: Inside the intelligent finance function. Amstelveen: KPMG; 2015. 52 p. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2016/03/pl-Report-KPMG-in-Poland-Business-partnership-Inside-the-intelligent-finance-function.pdf>
25. Senant Y., Ampenberger M., Mathur A, Batra I., Clavel J., Dab S., Malhotra S., Nowicki S., Roongta P., Strauss M., Tfelti A., Vaca A. Global payments 2020: Fast forward into the future. Boston, MA: BCG; 2020. 34 p. URL: <https://web-assets.bcg.com/7c/e0/596af1214f32820093f1f88c05f0/bcg-global-payments-2020-fast-forward-into-the-future-oct-2020-1.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Дмитриевич Смирнов — кандидат экономических наук, доцент департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
Vladimir D. Smirnov — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1243-5349>
vdsmirnov@fa.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 15.12.2021; после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 25.01.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.12.2021; revised on 13.01.2022 and accepted for publication on 25.01.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-103-110
УДК 336(045)
JEL L1

Меры государственной поддержки авиационной индустрии и влияние пандемии коронавируса на мировой рынок авиаперевозок

Д.З. Николишвили
ПАО «Аэрофлот», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В представленной статье анализируется влияние пандемии коронавируса на международный рынок авиаперевозок и рассматриваются меры государственной поддержки авиационной индустрии. Воздушный транспорт в настоящее время крайне важен для успешного функционирования глобальной экономики, ее дальнейшего гармоничного развития и устойчивого роста. Он позволяет обеспечить мобильное скоростное перемещение людей и товаров между различными континентами, способствуя развитию мировой торговли и индустрии международного туризма. В настоящее время не существует альтернативы авиационному транспорту при перевозке скоропортящихся товаров, так же как и продажи высокотехнологичных товаров зависят от устойчиво функционирующей системы воздушного транспорта. Современная тенденция развития авиатранспорта ориентирована на рост востребованности международных авиаперевозок, ежегодное улучшение инфраструктуры и законодательной базы в данной сфере в мире и в отдельно взятых странах. **Ключевые слова:** авиаперевозки; международные грузовые авиаперевозки; авиаперевозки во время пандемии; мировой рынок грузовых авиаперевозок; российский рынок международных грузовых авиаперевозок; COVID-19

Для цитирования: Николишвили Д.З. Меры государственной поддержки авиационной индустрии и влияние пандемии коронавируса на мировой рынок авиаперевозок. *Мир новой экономики*. 2022;16(2):103-110. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-103-110

ORIGINAL PAPER

Measures of State Support for the Aviation Industry and the Impact of the Coronavirus Pandemic on the Global Air Transportation Market

D.Z. Nikolishvili
PJSC Aeroflot, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article analyses the international air transportation market, assessing the impact of coronavirus and government support measures. Air transport is now extremely important for the successful functioning of the global economy, its further harmonious development, and the maintenance of sustainable economic growth; allows for the mobile high-speed movement of people and goods between different continents, contributing to the development of world trade and the international tourism industry. Given that sales of high-tech goods depend on a well-functioning air transport system, there is currently no alternative to air transport for the transport of perishable goods. The current trend in the development of air transportation is focused on the growth in demand for international air transportation, the annual improvement of its infrastructure and the legislative framework in this area in the world and in individual countries. Consumers prefer air transportation to another mode of transport, which is justified by the reduction in the time of delivery of goods to anywhere in the world.

Keywords: air transportation; international cargo air transportation; pandemic world air market; global air cargo market; Russian international air cargo market; COVID-19

For citation: Nikolishvili D.Z. Measures of state support for the aviation industry and the impact of the coronavirus pandemic on the global air transportation market. *The World of the New Economy*. 2022;16(2):103-110. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-103-110

© Николишвили Д.З., 2022

Во время пандемии COVID-19, в рамках глобальных усилий по ее сдерживанию и защите здоровья граждан, правительства во всем мире ввели режим полной или частичной изоляции. Страны закрыли границы, установив строгие ограничения на путешествия и поездки и выпустили рекомендации, предостерегающие от поездок без крайней необходимости. Такие меры привели к беспрецедентному снижению спроса на авиаперевозки. В настоящее время сектор авиации — один из наиболее пострадавших.

Серьезная нехватка ликвидности в авиационной сфере вызвала резкое сокращение авиаперевозок, подвергнув опасности ее экономическую жизнеспособность, поставила под угрозу миллионы рабочих мест, которые зависят от данной отрасли. Все заинтересованные стороны в авиационной области, в том числе аэропорты, авиакомпании, поставщики аэронавигационного обслуживания (ПАНО) и производители авиационно-космической продукции, а также все участники производственного процесса создания добавленной стоимости встретились с проблемами обеспечения непрерывного процесса своей работы, и, возможно, даже собственного выживания.

По данным последнего исследования Международной организации гражданской авиации ИКАО,

анализ экономического влияния COVID-19 на гражданскую авиацию показал, что в 2020 г. глобальный объем пассажирских перевозок уменьшился довольно резко, приблизительно на 60%, что равноценно уменьшению числа пассажиров примерно на 2,7 млрд человек в сравнении с 2019 г. (рис. 1).

Согласно приведенным оценкам резкое уменьшение объема перевозок привело к понижению валовых эксплуатационных доходов авиакомпаний на 370 млрд долл. США, а потери в доходах аэропортов и ПАНО, соответственно, достигли 115 и 13 млрд долл. США. Прогнозы в краткосрочном периоде показывают, что в течение длительного времени в данной отрасли будет слабый спрос на перевозки.

На рис. 1 видно, что с 1970 по 2019 г. в гражданской авиации наблюдался стабильный рост. Закрытие границ, а также другие ограничительные меры во время карантина нанесли огромный ущерб авиационной индустрии. Кроме того, данная диаграмма подтверждает нижеприведенные статистические данные из отчета Международной организации гражданской авиации.

В табл. 1–3 приведены статистические данные за 2019, 2020 и 2021 гг. о пассажирских перевозках, на основании которых можно сделать вывод, что

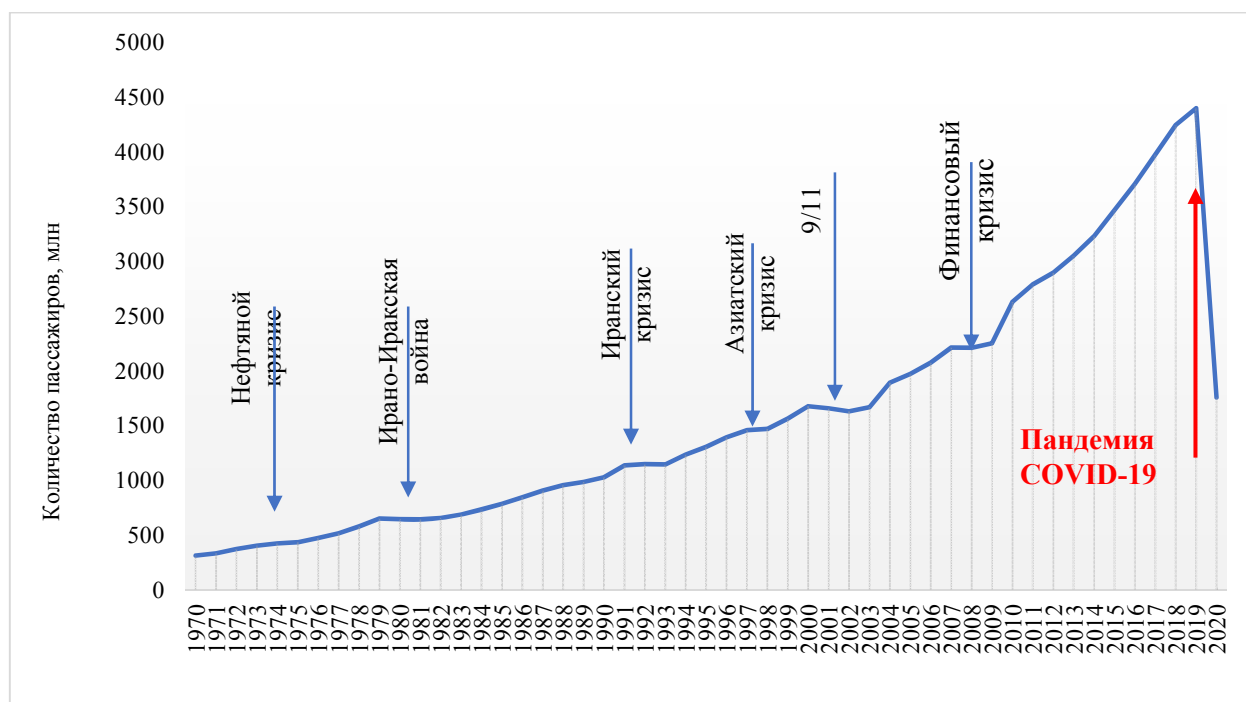

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика изменения пассажирского трафика / Passenger traffic dynamics

Источник / Source: https://www.icao.int/sustainability/Documents/COVID-19/ICAO_Coronavirus_Econ_Impact.pdf

Таблица 1 / Table 1

Влияние COVID-19 на мировые регулярные пассажирские перевозки относительно уровня 2019 г. / Impact of COVID-19 on global scheduled passenger travel relative to 2019 levels

2020 г.	2021 г.
Общее уменьшение мест, которые предлагаются авиакомпаниями, на 50%	Общее уменьшение мест, предлагаемых авиакомпаниями, с 39 до 40%
Общее уменьшение числа пассажиров на 2699 млн (-60%)	Общее уменьшение числа пассажиров с 2108 до 2196 млн (от -47 до -49%)
Приблизительная потеря объема продаж авиакомпаний от пассажирских перевозок – 371 млрд долл. США	Приблизительная потеря объема продаж авиакомпаний от пассажирских перевозок – от 310 до 323 млрд долл. США

Источник / Source: [1].

Таблица 2 / Table 2

Изменение международного пассажиропотока относительно уровня 2019 г. / Change in international passenger traffic relative to 2019 levels

2020 г.	2021 г. (предварительные оценки)
Общее сокращение мест, предлагаемых авиалиниями, на 66%	Общее сокращение мест, предлагаемых авиакомпаниями, с 60 до 62%
Общее сокращение числа пассажиров на 1,376 млн (-74%)	Общее сокращение числа пассажиров с 1309 до 1356 млн (от -71 до -73%)
Приблизительная потеря валовой операционной выручки авиакомпаний – 250 млрд долл. США	Приблизительная потеря продаж авиакомпаний – от 245 до 253 млрд долл. США

Источник / Source: [2].

Таблица 3 / Table 3

Изменение внутреннего пассажиропотока относительно уровня 2019 г. / Change in domestic passenger traffic relative to 2019 levels

2020 г.	2021 г. (предварительные оценки)
Общее уменьшение мест, предлагаемых авиалиниями, на 38%	Общее уменьшение мест, предлагаемых авиакомпаниями, с 23 до 25%
Общее уменьшение числа пассажиров на 1,323 млн (-50%)	Общее уменьшение числа пассажиров с 798 до 840 млн (от -30 до -32%);
Приблизительная потеря операционной выручки авиакомпаний – 120 млрд долл. США	Приблизительный убыток операционной выручки авиакомпаний – от 65 до 69 млрд долл. США

Источник / Source: URL: <https://ura.news/news/1052269206>

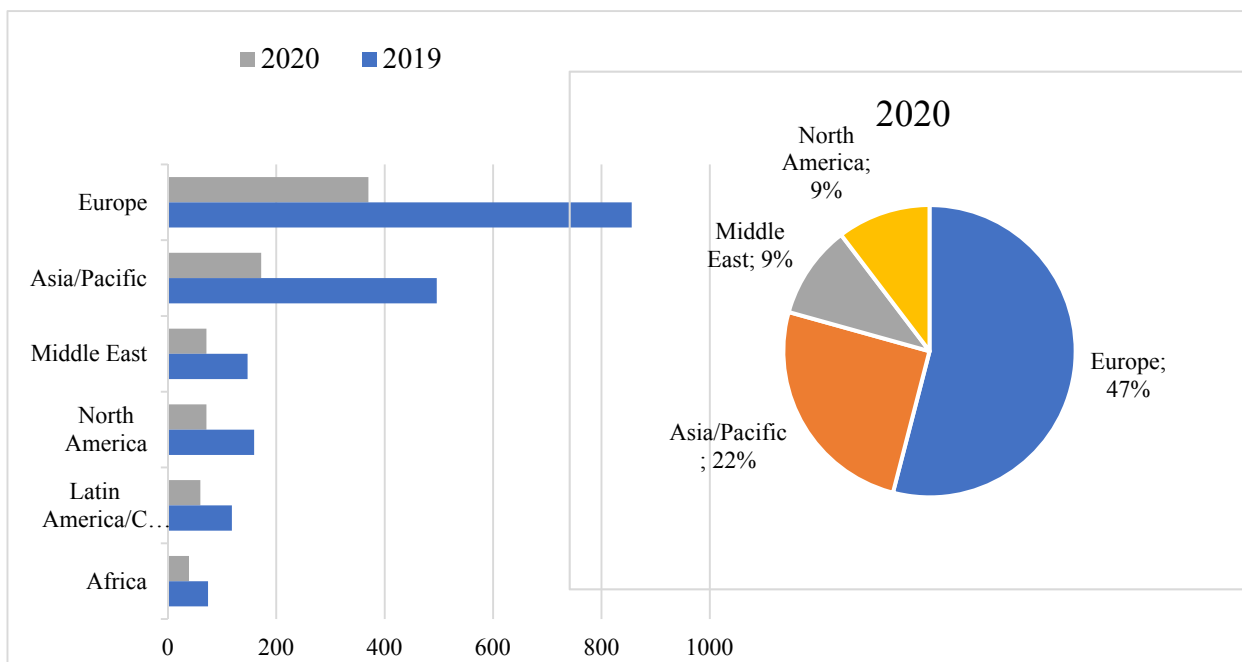

Рис. 2 / Fig. 2. Количество пассажиров по регионам в 2019–2020 гг. /
Number of passengers by regions in 2019–2020

Источник / Source: URL: https://www.icao.int/sustainability/Documents/COVID-19/ICAO_Coronavirus_Econ_Impact.pdf

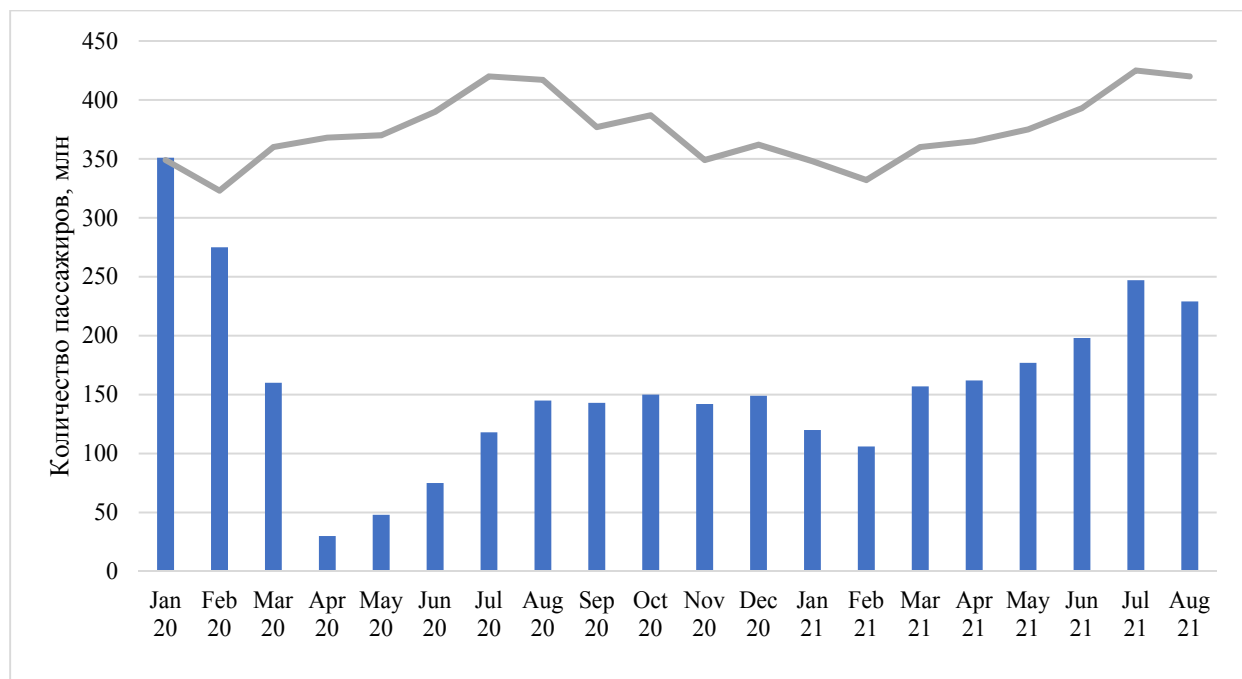

Рис. 3 / Fig. 3. Количество пассажиров в 2020–2021 гг. / Number of passengers in 2020–2021

Источник / Source: URL: https://www.icao.int/sustainability/Documents/COVID-19/ICAO_Coronavirus_Econ_Impact.pdf

произошло не только значительное сокращение мест, предлагаемых авиакомпаниями, и пассажиропотока, но также зафиксирован валовый убыток выручки авиакомпаний.

В будущем потенциально возможное ухудшение экономической деятельности данного сектора повлияет на баланс авиационной экосистемы, что будет иметь далеко идущие последствия на всех уровнях экономики. Именно поэтому авиационным компаниям необходимо в ближайшее время срочно предпринять решительные и смелые шаги, направленные на укрепление их финансового положения, а также уменьшение последствий крупнейшего дефицита доходов. Конечно, не менее важно, чтобы все государства предприняли меры надлежащего характера для поддержки и стабилизации авиационной отрасли, которая находится в затруднительном финансовом положении, чтобы она могла и в дальнейшем играть важную и ключевую роль в обеспечении связности воздушных сообщений, создании рабочих мест, стимулировании национальной экономики, а также способствовать общему подъему экономики.

Существует целый ряд экономических и финансовых мероприятий, которые необходимо провести государствам и авиационным компаниям в целях преодоления финансовых последствий, вызванных пандемией, ослабления нехватки ликвидности и финансовой нагрузки на данную сферу деятельности. Но самое главное — надо повысить устойчивость отрасли к будущим кризисам.

В июне 2020 г. целевая группа Совета ИКАО по восстановлению авиации опубликовала отчет¹, охватывающий десять главных принципов и одиннадцать рекомендаций, которые были согласованы на глобальном и региональном уровнях, касательно взаимоприемлемых мер по обеспечению безопасного, устойчивого и надежного возобновления и восстановления работы в авиационном секторе. Ниже представлены его основные принципы.

Поддержка стратегий оказания финансовой помощи. В соответствии со своими мандатами государствам и отраслевым учреждениям необходимо исследовать нужность оказания прямой и/или косвенной помощи различными соразмерными и транспарентными способами. При этом также должна быть обеспечена справедливая

конкуренция, необходимо избегать искажений рыночного характера или ограничений в его разнообразии и/или доступе.

Обеспечение устойчивости. Государствам и отраслевым предприятиям в авиационном секторе необходимо стремиться к обеспечению экономической и природоохранной устойчивости.

Принятие экономических и финансовых мер. Государствам-членам нужно рассмотреть вопросы внедрения целесообразных, всеохватывающих, комплексных, соразмерных, адресных и прочих мер реагирования на ЧС, которые соответствуют политике ИКАО, в целях обеспечения экономической устойчивости и поддержания необходимого показателя защищенности. Эти меры должны быть эффективными, обеспечивать безопасность полетов и охрану окружающей среды и не мешать добросовестной конкуренции.

Странам, принимающим во внимание прямые и косвенные финансовые преимущества, которые создаются воздушным транспортом — для экономики своего государства, необходимо в отдельных случаях (а возможно и в рамках международного или регионального экономического сотрудничества, а также сотрудничества с частными секторами и финансовыми учреждениями) предоставлять всем заинтересованным сторонам наиболее подходящие средства поддержки в рамках сектора гражданской авиации. Данные мероприятия необходимо применять также для обеспечения эксплуатационной гибкости. Кроме того, будет необходимо предоставлять экономические стимулы и оказывать прямое финансовое содействие.

Указанные меры должны быть всеохватывающими, носить временной характер и ограничиваться тем, что необходимо для уменьшения воздействия COVID-19.

Возможности государства по оказанию поддержки авиационной отрасли достаточно разнообразны. Так как разные заинтересованные стороны авиационной сферы будут обращаться с несовпадающими и конкурирующими запросами, то государствам необходимо будет придерживаться принципов эффективного управления, которые соответствуют институциональным и нормативным рамкам с тем, чтобы координировать цели и нужды с обязательствами и ресурсами, довольно часто исходя из конфликтующих и/или противоборствующих приоритетов.

Авиационные компании в связи с кризисом позаботились о том, чтобы принять оперативные

¹ URL: <https://www.icao.int/covid/cart/Pages/CART-Report---Executive-Summary.aspx>

меры, которые должны смягчить последствия довольно тяжелой экономической ситуации и поддерживать финансовую и функциональную трудоспособность. Однако резкое снижение доходов нередко оказывалось за пределами возможностей даже самых решительных мер, принятых данной отраслью. Более существенные и длительные финансовые сложности создали для авиационного бизнеса реальную угрозу, а также привели к риску потенциального банкротства и несостоятельности, которые подвергли опасности некоторые рабочие места.

В будущем потенциально возможное ухудшение экономической деятельности данного сектора повлияет на баланс авиационной экосистемы, что будет иметь далеко идущие последствия на всех уровнях экономики. Именно поэтому авиационным компаниям необходимо в ближайшее время срочно предпринять решительные и смелые шаги, направленные на укрепление их финансового положения, а также уменьшение последствий огромнейшего дефицита доходов.

В своей национальной экономике большое количество стран признали важность и стратегический характер авиационной отрасли, а также ее значение в создании условий для основной экономической деятельности. Однако, учитывая необходимость стабилизации ситуации в авиационной сфере, для того, чтобы она по-прежнему могла иметь конструктивное значение в стимулировании национальной экономики, а также обеспечивать занятость, данному сектору, были оказаны довольно разнообразные виды поддержки от государства. С учетом достаточно мрачных прогнозов также предполагается, что в данном секторе все больше действующих сторон будут обращаться за помощью к государствам [3].

Для продолжения деятельности авиационных компаний, удержания персонала и выживания из-за экономического кризиса, финансовая помощь от государства может быть оказана прямо или косвенно. В условиях невысокого спроса и ограниченных возможностей наличие дополнительного капитала должно гарантировать полное или частичное функционирование авиационных компаний. В целом финансовая помощь от государства принимает формы, приведенные ниже, которые имеют разнообразные последствия, связанные с бюджетом и долговыми обязательствами:

- государственные займы и гарантии по займам;
- вливание капитала в виде дотаций;
- долевое участие государства в капитале акционеров;
- эксплуатационные субсидии или дотации на конкретные маршруты;
- финансирование реструктуризации;
- субсидирование или гарантия заработной платы;
- сокращение налогов, сборов и пошлин, связанных с авиацией;
- общее уменьшение налоговой нагрузки;
- комплексный пакет мер финансовой поддержки.

Итак, для того чтобы авиация и экономика страны была поставлена на путь скорейшего восстановления, который был ослаблен во время кризиса в области здравоохранения и ограничений на поездки, может понадобиться дальнейшая финансовая поддержка и помощь. Данная финансовая помощь зависит от экономических возможностей страны. Поскольку цели и подходы к оказанию помощи в разных странах далеко не одинаковы, то ее размеры и масштабы поддержки со стороны отдельных стран должны будут в более значимой степени влиять на глобальную систему гражданской авиации в будущем. Независимо от формы государственной финансовой поддержки, ее следует оказывать при надлежащем управлении и в соответствии с установленными принципами. Также при этом следует проявлять осмотрительность и осторожность, учитывая ее влияние на конкуренцию, структуру рынка и будущее развитие авиационной отрасли. Необходимо иметь в виду, что всевозможные конкурирующие просьбы об оказании финансовой государственной помощи могут поступать из различных секторов. Отсюда следует, что государствам нужно оценить

создание стоимости в национальной экономике за счет авиации, сопоставив ее с другими секторами [4].

В условиях роста неопределенности, который связан с продолжительной пандемией и различными ее разновидностями, прогнозы, которые должны быть достигнуты в отношении восстановления авиаперевозок, остаются на сегодняшний день пессимистичными наряду с мрачными перспективами развития экономики. Стратегии, которые принимаются государствами и отраслью, будут воздействовать на развитие авиации, экономическую стабильность отрасли, ее финансовую жизнеспособность и стрессоустойчивость в будущем, то есть на то, насколько долго данная отрасль сможет оказывать сопротивление кризису, насколько сильным и стремительным будет ее восстановление, в какой мере данная отрасль модифицируется и в какой степени изменится ее будущая структура на мировом уровне [5].

Хотя стабилизация отрасли является первоочередной задачей, также крайне необходимо использовать возможности, которые позволяют ей выйти из пандемии более конкурентоспособной,

стрессоустойчивой и жизнеспособной в долгосрочной перспективе. Поэтому государственная помощь должна направляться на стимулирование всей экосистемы авиации для того, чтобы она могла более чувствительно реагировать на быстро меняющийся спрос и ожидания клиентов после окончания пандемии. В связи с тем, что не существует универсального подхода, как государство, так и отрасль должны будут разумно действовать в соответствии со своими уникальными возможностями и потребностями, постоянно отслеживая и оценивая изменения в экономике во время пандемии COVID-19. Последствия разрушения и каждый день меняющаяся обстановка требуют, чтобы страны и отрасль освободились от классических ортодоксальных взглядов и мыслили по-новому для создания крепкого, жизнеспособного и стойкого авиационного сектора в будущем.

Распространение COVID-19 наложило серьезный отпечаток на деятельность международного рынка авиаперевозок, однако своевременно принятые меры поддержки и помощи индустрии помогут вернуть пассажиропоток и валовый оборот авиакомпаний на допандемийный уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов Ф. А., Крамаренко А. В., Крупенский Н. А. Обзор современных тенденций на российском рынке пассажирских авиаперевозок. *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2015;(216):11–21.
2. Богославец Д. М. Специфика построения моделей прогнозирования объемов продаж на примере авиаперевозок. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2014;(3):28–32.
3. Веселова Е. В. Конкурентоспособность российских авиакомпаний на международных рынках пассажирских авиаперевозок. Дис. ... канд. экон. наук. М.: Фин. ун-т при Правительстве Рос. Федерации; 2015. 179 с. URL: <http://elib.fa.ru/avtoreferat/veselova.pdf/download/veselova.pdf>
4. Виноградов В. Н., Гай Е. В., Работнов Н. С. Аналитическая аппроксимация данных в ядерной и нейтронной физике. М.: Энергоатомиздат; 1987. 128 с. URL: <http://www.cosmic-rays.ru/books41/19874101.pdf>
5. Волинский А. Природа конкуренции и разнообразие продукции фирм. Пер. с англ. Вехи экономической мысли. Т. 5: Теория отраслевых рынков. СПб.: Экономическая школа; 2003:141–159. URL: http://www.seinst.ru/files/vehi_5_007_wolinsky_nature-of-competition.pdf

REFERENCES

1. Borisov F. A., Kramarenko A. V., Krupenskiy N. A. The review of present trends in the Russian passenger air transportation market. *Nauchnyi Vestnik MGTU GA = Civil Aviation High Technologies*. 2015;(216):11–21. (In Russ.).
2. Bogoslavets D. M. The specifics of building models for forecasting sales for example air. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2014;(3):28–32. (In Russ.).
3. Veselova E. V. Competitiveness of Russian airlines in the international passenger air transportation markets. Cand. econ. sci. diss. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2015. 179 p. URL: <http://elib.fa.ru/avtoreferat/veselova.pdf/download/veselova.pdf> (In Russ.).

4. Vinogradov V. N., Gai E. V., Rabotnov N. S. Analytical approximation of data in nuclear and neutron physics. Moscow: Energoatomizdat; 1987. 128p. URL: <http://www.cosmic-rays.ru/books41/19874101.pdf> (In Russ.).
5. Wolinsky A. The nature of competition and the scope of firms. *The Journal of Industrial Economics*. 1986;34(3):247–259. DOI: 10.2307/2098569 (Russ. ed.: Wolinsky A. Priroda konkurentsii i raznoobrazie produktsii firm. In: Vekhi ekonomicheskoi mysli. Vol. 5: Teoriya otraslevykh rynkov. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 2003:141–159. URL: http://www.seinst.ru/files/vehi_5_007_wolinsky_nature-of-competition.pdf).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дэви Зурабович Николишвили — специалист 1 категории ПАО «Аэрофлот», Москва, Россия

Devi Zurabovich Nikolishvili — Category 1 Specialist, PJSC Aeroflot, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2959-7782>

devi.nikolishvili@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.03.2022; после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.03.2022; revised on 20.03.2022 and accepted for publication on 12.04.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.